

АЛТАЙ

4.1982

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

1156732

АЛТАЙ

1982

4

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕКВАРТАЛЬНЫЙ АЛЬМАНАХ
АЛТАЙСКОЙ КРАЕВОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Издается с 1947 года

СОДЕРЖАНИЕ

Н. Ф. АКСЕНОВ. Истоки великого братства 12

ПРОЗА

Борис УКАЧИН. Убить бы мне голод. Повесть 30

ПОЭЗИЯ

Игорь ПАНТЮХОВ. Ты послушай... Стихи 26

Фридрих БОЛЬГЕР. Пятнадцать сестер. Стихи 87

Виталий ШЕВЧЕНКО. «Я с жизнью, словно с песнею, в ладу!» Стихи 91

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр РОДИОНОВ. Кольвань камнерезная 93

Иван САБЛИН. Союз нерушимый... 101

Ольга ТРУЕВЦЕВА. О чем рассказали телеграммы 105

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Василий ГРИШАЕВ. Сибирью рожденный (К 100-летию со дня рождения Г. Гребенщикова) 108

(см. на обороте)

Лидия МУРАВИНСКАЯ, Виктор АЩЕУЛОВ, Константин Паустовский на
Алтае 111

ДЛЯ ДЕТЕЙ

Василий НЕЧУНАЕВ. Стихи 114

Редактор И. П. КУДИНОВ

Редакционная коллегия

**В. М. БАШУНОВ, П. А. БОРОДКИН, В. Ф. ГОРН,
Е. Г. ГУЩИН (зам. редактора), В. В. ДУБРОВСКАЯ, В. Я. КАДНАЙ,
Л. И. КВИН, Я. Е. КРИВОНОСОВ, Г. П. ПАНОВ, Н. М. ЧЕРКАСОВ**

1156732

АЛЬМАНАХ «АЛТАЙ» 1982 № 4

Художественный редактор В. Еранкин. Технический редактор М. Сафонова.
Корректор Г. Ульченко

Рукописи не возвращаются

АГ 00359. Сдано в набор 30. 09. 1982 г. Подписано к печати 6. 12. 1982 г. Формат 70x108/16. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 10,15. Усл. кр.-отт. 10,325. Уч.-изд. л. 11,963. Тираж 7000 экз. Заказ № 1754. Цена 50 коп.

Алтайское книжное издательство Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли — 656015, Барнаул, Ленина, 76. Производственное объединение «Полиграфист» управления издательства, полиграфии и книжной торговли крайисполкома — 656023, Барнаул, Титова, 3.

Адрес редакции: 656099, Барнаул, Новая, 11-а. Тел. 2-14-53. •

Электронная библиотека АКУНЬ, elib.altlib.ru

ОБРАЩЕНИЕ

Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР К КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ, К СОВЕТСКОМУ НАРОДУ

Дорогие товарищи!

Коммунистическая партия Советского Союза, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел верный продолжатель великого дела Ленина, пламенный патриот, выдающийся революционер и борец за мир, за коммунизм, крупнейший политический и государственный деятель современности Леонид Ильич Брежнев.

Вся многогранная деятельность, личная судьба Л. И. Брежнева неотделимы от важнейших этапов в истории Страны Советов. Коллективизация и индустриализация, Великая Отечественная война и послевоенное возрождение, освоение целины и организация исследований космоса — это и вехи биографии славного сына рабочего класса Леонида Ильича Брежнева. Всюду, куда бы ни направляла его партия, Леонид Ильич беззаветно, с присущими ему энергией и настойчивостью, смелостью и принципиальностью боролся за ее великие идеалы.

С именем товарища Брежнева, с его неутомимой работой на постах Генерального секретаря Центрального Комитета КПСС и Председателя Президиума Верховного Совета СССР советские люди, наши друзья во всем мире справедливо связывают последовательное утверждение ленинских норм партийной и государственной жизни, совершенствование социалистической демократии. Он мудро направлял деятельность ленинского штаба партии — ее Центрального Комитета, Политбюро ЦК, показывая образец умелой организации дружной коллективной работы. Ему принадлежит выдающаяся роль в выработке и осуществлении экономической и социально-политической стратегии партии на этапе развитого социализма, в определении и реализации курса на подъем народного благосостояния, в дальнейшем укреплении экономического и оборонного могущества нашей страны.

Непреходящи заслуги Леонида Ильича Брежнева в формировании и проведении политики нашей партии на международной арене — политики мира и мирного сотрудничества, разрядки и разоружения, решительного отпора агрессивным проискам империализма, предотвращения ядерной катастрофы. Велик его вклад в сплочение мирового социалистического содружества, в развитие международного коммунистического движения.

Пока билось сердце Леонида Ильича, его помыслы и дела были всецело подчинены интересам людей труда. С массами трудящихся его всегда связывали кровные, неразрывные узы. В сознании коммунистов, сотен миллионов людей на всех континентах он был и останется воплощением ленинской идейности, последовательного интернационализма, революционного оптимизма и гуманизма.

Тяжела понесенная нами утрата, глубока наша скорбь. В этот горестный час коммунисты, все трудящиеся Советского Союза еще теснее сплачиваются вокруг ленинского Центрального Комитета КПСС, его руководящего ядра, сложившегося под благотворным влиянием Леонида Ильича Брежнева. Народ верит в партию, ее могучий коллективный разум и волю, всем сердцем поддерживает ее внутреннюю и внешнюю политику. Советские люди хорошо зна-

ют: знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы, — в надежных руках.

Партия и народ вооружены величественной программой коммунистического созидания, разработанной XXIII—XXVI съездами КПСС. Эта программа неуклонно претворяется в жизнь. Партия будет и впредь делать все для подъема народного благосостояния на основе интенсификации производства, повышения его эффективности и качества работы, выполнения Продовольственной программы СССР. Партия и впредь будет проявлять всемерную заботу об упрочении союза рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, об укреплении социально-политического и идейного единства советского общества, братской дружбы народов СССР, об идеологической закалке трудящихся в духе марксизма-ленинизма и пролетарского, социалистического интернационализма.

Неизменная воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день. Эта благородная идея пронизывает Программу мира на 80-е годы, всю внешнеполитическую деятельность партии и Советского государства.

Мы видим всю сложность международной обстановки, попытки агрессивных кругов империализма подорвать мирное сосуществование, столкнуть народы на путь вражды и военной конфронтации. Но это не может поколебать нашу решимость отстоять мир. Мы будем делать все необходимое, чтобы любители военных авантур не застали Советскую страну врасплох, чтобы потенциальный агрессор знал: его неминуемо ждет сокрушительный, ответный удар.

Опираясь на свою мощь, проявляя величайшую бдительность и выдержку, сохраняя неизменную верность миролюбивым принципам и целям своей внешней политики, Советский Союз будет упорно бороться за то, чтобы отвлечь от человечества угрозу ядерной войны, за разрядку, за разоружение.

В этой борьбе с нами братские страны социализма, борцы за национальное и социальное освобождение, миролюбивые страны всех континентов, все честные люди земли. Политика мира выражает коренные жизненные интересы человечества, и поэтому за такой политикой — будущее.

Советский народ видит в партии своего испытанного коллективного вождя, мудрого руководителя и организатора. В служении рабочему классу, трудовому народу — высшая цель и смысл всей деятельности партии. Непоколебимое единство партии и народа было и остается источником несокрушимой силы советского общества. КПСС свято дорожит доверием трудящихся, постоянно укрепляет свои связи с массами. Народ на практике убедился, что наша партия при любом повороте событий, при любых испытаниях остается на высоте своей исторической миссии. Внутренняя и внешняя политика КПСС, разработанная под руководством Леонида Ильича Брежнева, будет и далее проводиться последовательно и целенаправленно.

Жизнь и деятельность Л. И. Брежнева будет всегда вдохновляющим примером верного служения Коммунистической партии и советскому народу.

Центральный Комитет Коммунистической партии Советского Союза, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР выражают уверенность в том, что коммунисты, все советские люди проявят высокую сознательность и организованность, своим самоотверженным творческим трудом под руководством ленинской партии обеспечат выполнение планов коммунистического строительства, дальнейший расцвет нашей социалистической Родины.

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ о Пленуме Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза

12 ноября 1982 года состоялся внеочередной Пленум Центрального Комитета КПСС.

По поручению Политбюро ЦК Пленум открыл и выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В.

В связи с кончиной Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева члены Пленума ЦК почтили память Леонида Ильича Брежнева минутой скорбного молчания.

Пленум ЦК отметил, что Коммунистическая партия, советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату. Из жизни ушел выдающийся деятель Коммунистической партии, Советского государства, международного коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения, пламенный борец за мир.

Леонид Ильич Брежнев, находясь в рядах ленинской Коммунистической партии более 50 лет, из них 18 лет на посту ее руководителя, внес огромный вклад в укрепление монолитности ее рядов, политического, социально-экономического и оборонного могущества Советского Союза. Исклyчительно велика его роль в укреплении мира и международной безопасности. Имя Леонида Ильича Брежнева, с которым непосредственно связаны великие свершения в жизни нашей страны, — индустриализация и коллективизация сельского хозяйства, историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне, послевоенное восстановление народного хозяйства нашей Родины, исследование космоса, все успехи в развитии экономики, науки и культуры Советского государства, навсегда вошли в историю Коммунистической партии Советского Союза, нашей великой Родины.

Участники Пленума ЦК выразили глубокое соболезнование родным и близким покойного.

Пленум ЦК рассмотрел вопрос об избрании Генерального секретаря ЦК КПСС.

По поручению Политбюро ЦК выступил с речью член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС тов. Черненко К. У. Он внес предложение избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС тов. Андропова Ю. В.

Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Пленум единогласно избрал тов. Андропова Юрия Владимировича.

Затем на Пленуме выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Андропов Ю. В. Он выразил сердечную благодарность Пленуму ЦК за оказанное высокое доверие — избрание его на пост Генерального секретаря ЦК КПСС.

Тов. Андропов Ю. В. заверил Центральный Комитет КПСС, Коммунистическую партию, что приложит все свои силы, знания и жизненный опыт для успешного выполнения начертанной в решениях XXVI съезда КПСС программы коммунистического строительства, обеспечения преемственности в решении задач дальнейшего укрепления экономического и оборонного могущества СССР, повышения благосостояния советского народа, упрочения мира, в осуществлении всей ленинской внутренней и внешней политики, проводившейся при Л. И. Брежневе.

На этом Пленум закончил свою работу.

Речь товарища Ю. В. АНДРОПОВА

Товарищи!

Наша партия и страна, весь советский народ понесли тяжелую утрату. Перестало биться сердце руководителя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства, выдающегося деятеля международного коммунистического и рабочего движения, пламенного коммуниста, верного сына советского народа — Леонида Ильича Брежнева.

Из жизни ушел крупнейший политический деятель современности. Ушел наш товарищ и друг, человек большой души и большого сердца, чуткий и доброжелательный, отзывчивый и глубоко гуманный. Беззаветная преданность делу, бескомпромиссная требовательность к себе и другим, мудрая осмотрительность в принятии ответственных решений, принципиальность и смелость на крутых поворотах истории, неизменные уважение, чуткость и внимание к людям — вот те замечательные качества, за которые ценили и любили Леонида Ильича в партии и в народе.

Прошу почтить светлую память Леонида Ильича Брежнева минутой молчания.

Леонид Ильич говорил, что каждый день его жизни неотделим от тех дел, которыми живут Коммунистическая партия Советского Союза, вся Советская страна. И это было действительно так.

Индустриализация страны и коллективизация сельского хозяйства, Великая Отечественная война и послевоенное восстановление, освоение целины и исследование космоса — все это великие вехи на пути труда и борьбы советского народа и в то же время — вехи биографии коммуниста Леонида Ильича Брежнева.

С именем и делами Леонида Ильича неразрывно связаны рост могущества и углубление всестороннего сотрудничества стран великого социалистического содружества, активное участие мирового коммунистического движения в решении исторических задач, стоящих перед человечеством в нашу эпоху, укрепление солидарности всех сил национального освобождения и социального прогресса на земле.

Леонид Ильич Брежнев навсегда останется в памяти благодарного человечества как последовательный страстный и неутомимый борец за мир и безопасность народов, за устранение нависшей над человечеством угрозы мировой ядерной войны.

Мы хорошо знаем, что мир у империалистов не выпросишь. Его можно отстоять, только опираясь на несокрушимую мощь Советских Вооруженных Сил. Как руководитель партии и государства, как Председатель Совета Обороны СССР Леонид Ильич постоянно уделял внимание тому, чтобы обороноспособность страны находилась на уровне современных требований.

Здесь, в этом зале, собрались те, кто входит в штаб нашей партии, который восемнадцать лет беспрерывно возглавлял Леонид Ильич. Каждый из нас знает, сколько сил и души вложил он в организацию

дружной, коллективной работы, в то, чтобы этот штаб прокладывал верный ленинский курс. Каждый из нас знает, какой неоценимый вклад внес Леонид Ильич в создание той здоровой морально-политической атмосферы, которая характеризует сегодня жизнь и деятельность нашей партии.

С именем Леонида Ильича связаны принципиальная борьба нашей партии в защиту марксизма-ленинизма, разработка теории развитого социализма, путей решения самых актуальных задач коммунистического строительства. Его деятельность в мировом коммунистическом движении по праву получила высочайшую оценку братских партий, наших зарубежных братьев по классу, товарищей по борьбе за социализм, против гнета капитала, за торжество великих коммунистических идеалов.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева обогатилась, когда его мысли, усилия обращены были на решение крупнейших задач экономического, социального и культурного развития, определенных XXVI съездом КПСС, последующими Пленумами ЦК. Осуществление этих задач, последовательное проведение в жизнь внутреннего и внешнеполитического курса нашей партии и Советского государства, который был выработан под руководством Леонида Ильича Брежнева, — наш первостепенный долг. И это будет наша лучшая дань светлой памяти ушедшего от нас руководителя.

Велика наша скорбь. Тяжела утрата, которую мы понесли.

В этой обстановке долг каждого из нас, долг каждого коммуниста еще теснее сомкнуть наши ряды, еще крепче сплотиться вокруг Центрального Комитета партии, сделать на своем посту, в своей жизни как можно больше для блага советского народа, для укрепления мира, для торжества коммунизма.

Советский народ безгранично доверяет своей Коммунистической партии. Доверяет потому, что для нее не было и нет иных интересов, чем кровные интересы советских людей. Оправдать это доверие — значит идти вперед по пути коммунистического строительства, добиваться дальнейшего расцвета нашей социалистической Родины.

У нас, товарищи, есть такая сила, которая помогала и помогает нам в самые тяжелые моменты, которая позволяет нам решать самые сложные задачи. Эта сила — единство наших партийных рядов, эта сила — коллективная мудрость партии, ее коллективное руководство, эта сила — единство партии и народа.

Наш Пленум собрался сегодня для того, чтобы почтить память Леонида Ильича Брежнева и обеспечить продолжение дела, которому он отдал свою жизнь.

Пленуму предстоит решить вопрос об избрании Генерального секретаря Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза.

Прошу товарищей высказаться по этому вопросу.

Речь товарища К. У. ЧЕРНЕНКО

Дорогие товарищи!

Политбюро поручило мне выступить перед участниками настоящего внеочередного Пленума ЦК. Наш внеочередной Пленум ЦК носит действительно чрезвычайный характер. Страна и партия в глубококом трауре. Ушел из жизни Леонид Ильич Брежнев.

Советский народ потерял выдающегося руководителя, который почти два десятилетия стоял во главе партии и государства, отдавая все свои силы и огромные способности во имя счастья советских людей, во имя дела коммунистического строительства в нашей стране. Мы можем сказать, что человечество потеряло великого, поистине неутомимого борца за идеалы мира, свободы и социального прогресса. Мы, советские коммунисты, наши братья в социалистических странах, наши соратники в мировом коммунистическом движении потеряли талантливого продолжателя ленинского дела, человека, у которого учились беззаветной верности интересам трудящихся.

Слова бессильны выразить всю горечь нашей утраты, но в эти скорбные дни великой помощью всем нам служат уроки жизни дорогого всем нам Леонида Ильича.

Леонид Ильич в полной мере обладал даром целиком жить интересами общества, интересами народа. Так было всегда, начиная с юношеских лет и до последнего дня жизни.

Леонид Ильич хорошо знал, что одни благие пожелания — это пустой звук. Мало высказать правильные мысли, нужно подкрепить их четкой организаторской работой, сделать понятными и доступными широким массам трудящихся. Он любил людей. Он умел доверять людям.

Леонид Ильич был человеком исключительного мужества. Он доказал это не только в Великую Отечественную, которую прошел от первого до последнего дня. Мужество не изменяло ему на всем жизненном пути. И он высоко, очень высоко ценил в каждом товарище смелость, принципиальность, стойкость при любых испытаниях.

Быть рядом с Леонидом Ильичом, слушать его, воочию ощущать остроту ума, находчивость, жизнелюбие — это была школа для всех нас, кому выпало счастье работать с ним рука об руку.

Леонид Ильич Брежнев оставляет нам драгоценное наследство. Наша 18-миллионная партия едина и сплочена. Советский народ беззаветно верит в мудрость партии. Нормами нашей жизни стали требовательность и уважение к кадрам, нерушимая дисциплина и поддержка смелых полезных инициатив, нетерпимость к любым проявлениям бюрократизма и постоянная забота о развитии связей с массами, о подлинном демократизме советского общества.

Бережь и развивай этот стиль руководства, дорожить всем, что завещал нам своим словом и делом Леонид Ильич, — наш долг перед его памятью, наш долг перед партией и страной. Прочным залогом того, что так будет, служит руководящее ядро партии, ее Центральный Комитет, Политбюро, сформировавшееся при решающем участии Леонида Ильича.

От имени Политбюро я хочу выразить глубочайшую уверенность, что наш Пленум продемонстрирует перед всей страной, перед всем миром, что партия твердо пойдет дальше ленинским курсом, который на современном этапе четко и полно выражен в решениях XXIII—XXVI съездов КПСС. Внутренняя и внешняя

политика нашей партии, в разработку и осуществление которой громадный вклад внес Леонид Ильич Брежнев, будет проводиться уверенно, последовательно и целеустремленно.

Нашими ориентирами были, есть и будут благо народа и сохранение мира на земле.

У нас есть развернутая, хорошо взвешенная социально-экономическая программа. Экономика должна быть экономной. Такова установка партии. А это означает техническое перевооружение индустриального и аграрного секторов, совершенствование управления и, конечно, улучшение организации труда, рост его производительности. На этой базе будет неуклонно развиваться экономика нашего государства, повышаться благосостояние народа. На этой же базе будет крепнуть обороспособность страны.

У нас есть широкая, конкретная Программа мира для восьмидесятых годов. Она отвечает чаяниям народа. Разрядка, разоружение, преодоление конфликтных ситуаций, устранение угрозы ядерной войны — вот задачи, которые мы ставим перед собой. Мы хотим надежной безопасности для себя, для своих друзей, для всех народов мира.

Дорогие товарищи!

Все мы, очевидно, сознаем, что крайне трудно восполнить урон, который причинила нам кончина Леонида Ильича. Сейчас вдвойне, втройне важно вести дела в партии коллективно. Дружная, совместная работа во всех партийных органах обеспечит дальнейшие успехи как в коммунистическом строительстве, так и в нашей деятельности на международной арене.

Политбюро ЦК КПСС, обсудив создавшееся положение, поручило мне предложить Пленуму избрать Генеральным секретарем ЦК КПСС товарища Андропова Юрия Владимировича. Думаю, нет нужды рассказывать его биографию. Юрий Владимирович хорошо известен в партии и стране как самоотверженный, преданный делу ленинской партии коммунист, как ближайший соратник Леонида Ильича.

За плечами у Юрия Владимировича разносторонняя деятельность в области внутренней и внешней политики, идеологии. Был он и комсомольским вожаком, и крупным партийным работником и дипломатом. Немало труда им вложено в укрепление социалистического содружества, в обеспечение безопасности нашего государства.

Леонид Ильич высоко ценил марксистско-ленинскую убежденность, партийность, широкий кругозор, его выдающиеся деловые и человеческие качества. Все члены Политбюро считают, что Юрий Владимирович хорошо воспринял брежневский стиль руководства, брежневское отношение к кадрам, решимость всеми силами противостоять пронкам агрессоров, беречь и укреплять мир.

Юрию Владимировичу присущи партийная скромность, уважение к мнению других товарищей и, можно сказать, пристрастие к коллективной работе. Политбюро единодушно считает: товарищ Андропов достоин доверия Центрального Комитета, доверия партии.

Дорогие товарищи! Склоняя свои головы перед светлой памятью Леонида Ильича, мы торжественно обещаем, что будем неустанно продолжать нашу созидательную работу. Все, что не успел совершить Леонид Ильич, что наметила под его руководством партия, будет сделано.

НАША ВОЛЯ НЕИЗМЕННА

Геннадий ПАНОВ — поэт, лауреат премии Ленинского комсомола Алтая.

Перестало биться сердце большого человека, пламенного патриота, прошедшего славный путь: рабочий, землеустроитель, секретарь обкома, комиссар армии и фронта, Генеральный секретарь нашей партии. На всех постах, куда направляла партия Леонида Ильича Брежнева, его отличали принципиальность и требовательность, чуткость и уважение к людям. Нам, коммунистам, он оставил главный завет: работать, работать упорно во имя торжества нашего дела — построения коммунизма, во имя мира на нашей планете. Очень верно сказано в «Обращении Центрального Комитета КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР к Коммунистической партии, к советскому народу»: «Неизменна воля советского народа к миру. Не подготовка к войне, обрекающая народы на бессмысленную растрату своих материальных и духовных богатств, а упрочение мира — вот путеводная нить в завтрашний день».

Жизнь Л. И. Брежнева, верного продолжателя великого дела Ленина была вся без остатка отдана этому делу. И глубоко символично звучат и сегодня слова поэта, написанные почти шестьдесят лет назад:

...А те, кто вживе,
А те, кого оставил он,
Страну в бушующем разливе
Должны заковывать в бетон.

Советские люди уверенно смотрят в будущее — порукой тому сплоченность, единство всех народов нашей великой многонациональной Родины.

Шишкина Екатерина Евгеньевна — старший научный сотрудник НИИ садоводства Сибири имени Лисавенко, зав. лабораторией, лауреат Государственной премии.

В 1972 году Леонид Ильич Брежнев посещал наше садоводство. Он подкупал своей скромностью и простотой, проявил большую заботу о развитии садоводства в Сибири. Во время посещения он подсказал нам новые идеи, над которыми мы сейчас работаем, назвал наш институт национальным богатством Родины. Это высокая оценка стала для нас действенным импульсом для дальнейших свершений. Светлый образ Леонида Ильича Брежнева останется навсегда в нашей памяти.

Белых Иван Иванович — член КПСС, механизатор совхоза «Юбилейный», кавалер орденов Ленина, Октябрьской революции, шести медалей.

Мне пришлось поднимать целину. Это было трудное и героическое время. Леонид Ильич Брежнев вложил много сил, энергии, здоровья в освоение целинных и залежных земель. Л. И. Брежнев придавал огромное значение укреплению рядов партии, внедрению подлинно ленинского стиля в работе. Его работа, служение партии — является примером для нас, советских коммунистов.

Столяренко Александра Дмитриевна — неоднократный победитель краевого и Всесоюзного социалистического соревнования, рабочая Усть-Калманского элеватора.

Жизнь Леонида Ильича Брежнева — это страницы яркой истории нашей страны. Велика боль от неизменной утраты, постигшей наш народ. Но мы еще теснее сплотимся вокруг ленинского Центрального Комитета и Советского правительства. Наш коллектив приложит все силы, знания и энергию, чтобы успешно выполнить исторические решения XXVI съезда КПСС.

АЛЕКСАНДР РАДОВИЧ

Электронная библиотека АКУНБ, eilib.altlib.ru

Юрий Владимирович АНДРОПОВ

Юрий Владимирович Андропов родился 15 июня 1914 года в семье железнодорожника на станции Нагутская Ставропольского края. Образование высшее. Член КПСС с 1939 года.

Шестнадцатилетним комсомольцем Ю. В. Андропов был рабочим в г. Моздок Северо-Осетинской АССР. Затем его трудовая биография продолжилась на судах Волжского пароходства, где он работал матросом.

С 1936 года Ю. В. Андропов — на комсомольской работе.

Он был избран освобожденным секретарем комсомольской организации техникума водного транспорта в г. Рыбинске Ярославской области. Вскоре его выдвинули на должность комсорга ЦК ВЛКСМ судовождения им. Володарского в г. Рыбинске. В 1938 году комсомольцы Ярославской области избирают Ю. В. Андропова первым секретарем Ярославского обкома ВЛКСМ. В 1940 году Ю. В. Андропов избирается первым секретарем ЦК ЛКСМ Карелии.

С первых дней Великой Отечественной войны Ю. В. Андропов — активный участник партизанского движения в Карелии. После освобождения в 1944 году города Петрозаводска от фашистских захватчиков Ю. В. Андропов — на партийной работе. Он избирается вторым секретарем Петрозаводского горкома партии, а в 1947 году — вторым секретарем ЦК Компартии Карелии.

В 1951 году Ю. В. Андропов по решению ЦК КПСС переводится в аппарат ЦК КПСС и назначается инспектором, а затем заведующим подотделом ЦК КПСС.

В 1953 году партия направляет Ю. В. Андропова на дипломатическую работу. Не-

сколько лет он являлся чрезвычайным и полномочным послом СССР в Венгерской Народной Республике.

В 1957 году Ю. В. Андропов был выдвинут заведующим отделом ЦК КПСС.

На XXII и последующих съездах партии Ю. В. Андропов избирается членом Центрального Комитета КПСС.

В 1962 году Ю. В. Андропов избирается секретарем ЦК КПСС.

В мае 1967 года Ю. В. Андропов назначается председателем Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР. В июне того же года он избран кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

В мае 1982 года Ю. В. Андропов был избран секретарем ЦК КПСС.

С апреля 1973 года Ю. В. Андропов — член Политбюро ЦК КПСС.

Юрий Владимирович Андропов — депутат Верховного Совета СССР ряда созывов.

На всех постах, где по воле партии трудился Ю. В. Андропов, проявлялась его преданность великому делу Ленина, партии. Он отдает все свои силы, знания и опыт претворению в жизнь решений партии, борьбе за торжество коммунистических идей.

За большие заслуги перед Родиной Ю. В. Андропову — видному деятелю Коммунистической партии и Советского государства — в 1974 году присвоено звание Героя Социалистического Труда. Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Октябрьской Революции, Красного Знамени, тремя орденами Трудового Красного Знамени и медалями.

Н. Ф. АКСЕНОВ,

член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета СССР,
первый секретарь Алтайского крайкома КПСС

ИСТОКИ ВЕЛИКОГО БРАТСТВА

Трудящиеся Алтай вместе со всем советским народом торжественно отмечают славный юбилей — 60-летие образования СССР. К этому знаменательному рубежу наша великая социалистическая Родина идет в расцвете своего могущества. Советский народ, вооруженный историческими решениями XXVI съезда партии, майского и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС, широко развернул социалистическое соревнование, стремясь ознаменовать юбилей новыми трудовыми свершениями во имя торжества коммунизма.

В преддверии юбилея советский народ, все прогрессивное человечество понесли тяжелую утрату: перестало биться сердце Леонида Ильича Брежнева. В дни траура в связи с кончиной Леонида Ильича советские люди единодушно заявили о своей поддержке политики партии, о своем безграничном доверии к ней. Каждый советский человек хорошо знает: что бы ни случилось, знамя Ленина, знамя Октября, под которым одержаны всемирно-исторические победы — в надежных руках!

Выступая на ноябрьском (1982 г.) Пленуме ЦК КПСС, Генеральный секретарь ЦК КПСС Ю. В. Андропов подчеркнул, что стратегия партии на период одиннадцатой пятилетки и восьмидесятые годы в целом «нацелена на то, чтобы советские люди год от года жили лучше и чтобы труд их приносил все более весомые результаты, чтобы наш социалистический строй все полнее раскрывал свою гуманную сущность, свои созидательные возможности.

...Неуклонный подъем экономики, улучшение благосостояния народа — это и наш долг перед советскими людьми, и наш интернациональный долг».

Шестьдесят лет — срок невелик. Но велики деяния советского народа, который под руководством КПСС, своего испытанного авангарда, сумел в эти годы вместить целую историческую эпоху. Прошедшие с момента образования СССР десятилетия отмечены небывалым социально-экономическим ростом нашей страны. Вот несколько цифр и фактов, красноречиво подтверждающих это: национальный доход в 1981 году по сравнению с 1922 годом возрос в 167 раз; доля СССР в мировом промышленном производстве увеличилась с одного процента в 1922 году до 20 процентов в настоящее время; по общему объему промышленного производства наша страна занимает первое место в Европе и второе в мире — она производит нефти, стали, чугуна, цемента, тракторов, сельскохозяйственных машин, металлорежущих станков, тепловозов, бытовых холодильников, сахара и других видов промышленной продукции больше, чем любое другое государство. Это вызывает законное чувство гордости у каждого советского человека.

История не знает государства, которое в кратчайшие сроки сделало бы так много для всестороннего развития наций и народностей, как СССР — социалистическое Отечество всех наших народов,

В дружной семье динамично развивается экономика всех советских республик. На XXVI съезде КПСС было особо подчеркнуто, что с пер-

вых лет Советской власти наша экономическая и социальная политика строилась так, чтобы как можно быстрее поднять бывшие национальные окраины России до уровня развития ее центра. И эта задача была успешно решена. Важнейшую роль здесь сыграли тесное сотрудничество всех наций страны, и прежде всего бескорыстная помощь великого русского народа.

XXVI съезд партии поставил новую задачу — выравнивание социальных различий в территориальном плане. Речь идет о том, чтобы в Сибири и на Дальнем Востоке, в северных районах страны уже в этой пятилетке более высокими темпами вести строительство жилья, всего социально-культурного комплекса, улучшать снабжение населения товарами массового спроса.

Без этого трудно увеличить приток населения из других мест, осуществить программы освоения Западной Сибири, зоны БАМа, других мест азиатской части страны. Мы рады принять у себя, на алтайской земле, людей из Средней Азии, Кавказа, других районов европейской части страны, где есть избыток рабочей силы. Они найдут работу по душе для наиболее полного раскрытия своих творческих возможностей и таланта.

В нашей стране происходит целенаправленный процесс взаимного выравнивания экономического уровня всех союзных и автономных республик, краев и областей. Эта закономерность социалистического и коммунистического строительства проявляется в СССР в полной мере, что оказывает благотворное влияние на многие страны мира, служит примером братского, бескорыстного, взаимовыгодного сотрудничества. Ныне для всех наших союзных и автономных республик, краев и областей характерны высокоразвитая современная промышленность, интенсивно развивающееся сельское хозяйство, высокий уровень науки и культуры.

Это касается и нашего края, который Владимир Ильич Ленин называл «богатейшим краем» (см. ПСС, т. 42, стр. 179). Но богатства Алтая не только и не столько дар природы, сколько результат героического труда наших людей, тружеников города и села. Сейчас трудно представить себе те первые рубежи, с которых приходилось начинать новый отсчет времени. А он, как известно, начался с победы Великой Октябрьской социалистической революции. Октябрь разбил цепи социального и национального гнета, поднял к самостоятельному историческому созиданию все народы нашей страны. Сбылись слова поэта И. Федорова-Омулевского о Сибири, какую он мечтал ее увидеть: «И ты — уже не край изгнания, а край свободного труда...». Эти слова с полным основанием можно отнести и к Алтаю, который до революции производил всего 0,08 процента промышленной продукции России.

Здесь существовала только мелкая, кустарная промышленность по заготовке и обработке сельскохозяйственного сырья и древесины. Все держалось на ручном, каторжном труде.

Не лучше обстояло дело и в сельском хозяйстве. В 1917 году в деревне одна жнейка приходилась на шесть дворов, на тринадцать — молотилка, на двадцать семь — сеялка. Производительность труда была крайне низкой. Хорошим считался урожай по 6—8 центнеров с десятины.

На огромных просторах царской вотчины процветали нищета и бесправие, полудикость и самая настоящая дикость: на двадцать тысяч жителей приходился один врач; имелось всего шесть средних школ.

Еще более темным и отсталым уголком дореволюционной России был Горный Алтай. Здесь отсутствовала промышленность, не было путей сообщения и средств связи. Народ Горного Алтая не имел своей письменности. Из каждой тысячи только восемнадцать человек умели читать и писать. Коренное население было обречено на вымирание. И это случилось бы неминуемо, если бы в 1917 году пролетариат России под руководством большевиков не взял власть в свои руки. После побе-

ды Октября Алтай — одна из самых отсталых и заброшенных территорий России, место жестокого угнетения рабочего и крестьянского люда — был превращен в край современной индустрии, крупного механизированного сельского хозяйства и высокой культуры.

В горниле революции, а затем гражданской войны рос боевой отряд алтайского пролетариата и беднейшего крестьянства, мужала краевая партийная организация.

Мы помним и свято чтим имена большевиков-ленинцев Ивана Присягина, Матвея Цаплина, Анатолия (Ворожцова), Эмилии Алексеевой, Петра Сухова, Ефима Мамонтова, Игнатия Громова, Федора Колядо и многих других, отдавших жизнь за торжество революции. Их имена навечно вписаны в историю советского Алтая, в историю краевой партийной организации, их именами названы колхозы, совхозы, улицы, железнодорожные станции, пионерские организации. Образ негибавших революционеров-ленинцев вдохновляет новые поколения людей на трудовые и ратные свершения во имя нашей любимой Родины, первого в мире социалистического государства.

Получив в наследство от царизма отсталое хозяйство, преодолевая неимоверные трудности, голод и разруху, вызванные гражданской войной и контрреволюционным мятежом в Сибири, рабочие и крестьяне, представители разных наций и народностей Алтая под руководством партийных организаций горячо взялись за его восстановление.

«Если частная собственность и капитал неизбежно разъединяют людей, разжигают национальную рознь и усиливают национальный гнет, то коллективная собственность и труд столь же неизбежно сближают людей, подрывают национальную рознь и уничтожают национальный гнет». Этот тезис из резолюции состоявшегося в марте 1921 года X съезда РКП (б) об очередных задачах партии в национальном вопросе блестяще подтвердился в практике на Алтае. Восстанавливали хозяйство, создавали первые предприятия индустрии, переводили мелкое раздробленное крестьянское хозяйство на рельсы коллективизации плечом к плечу русские и украинцы, белорусы и казахи, татары и чуваша, алтайцы и марийцы, узбеки и туркмены, представители всех наций и народностей, населяющих наш край.

Слово пятилетка одинаково звучало на разных языках как символ государственной мудрости и трудового подвига. Росли города и села, рос и мужал советский человек.

В тридцатые годы на Алтае был сдан в эксплуатацию Барнаульский меланжевый комбинат, одно из крупнейших текстильных предприятий Сибири. В эти же годы на базе мастерских были созданы Барнаульский вагоноремонтный и Бобровский судоремонтный заводы, маслодельные, овчинно-шубные, кожевенные, лесообрабатывающие и другие предприятия. Темпы роста промышленности края превышали в то время общесоюзные. В 1940 году, например, объем валовой продукции Алтая был в 34 раза больше, чем в 1913 году — году наивысшего экономического роста при царизме.

Одинаково понятно на языках народов нашего Союза звучит и слово **коллективизация** — революция в производстве, быту, культуре, психологии крестьян.

В 1921 году на территории теперешнего Родинского района полсотни крестьянских дворов объединились в коммуну «Свобода». Земли было много, но без техники трудно было ее «оседлать». Тогда и решили коммунары послать своих ходок к Ленину. Владимир Ильич внимательно их выслушал и распорядился направить сибирякам трактор. На этом тракторе была проложена первая борозда на коммунарском поле, которое по праву называется сегодня Ильичевым. С этого поля и началось социалистическое преобразование деревни, ломка единоличной межи, всего уклада сельской жизни.

В героические годы первых пятилеток на Алтае зародилось знаме-

нитое движение за получение высоких урожаев зерновых культур. Зачинателем его был Михаил Ерофеевич Ефремов, заведующий хатой-лабораторией сельхозартели «Искра» Белоглазовского (ныне Шипуновского) района. При поддержке партийных, советских, профсоюзных организаций в короткое время на Алтае было создано 33 специальных звена, куда вошли лучшие колхозники. Им было предоставлено право самим выбирать средства для получения наивысших урожаев. Это породило многообразие агротехнических методов, которые и составили основу ефремовского движения.

В 1936 году М. Е. Ефремов получил по 60 центнеров яровой пшеницы с гектара, а в следующем году его последователь Иван Ефимович Чумаков в том же районе установил небывалый рекорд по урожаю яровой пшеницы — 86 центнеров с гектара.

Слава об алтайских мастерах прозвучала на всю страну. Весной 1939 года газета «Правда» писала: «Сибирь — родина передовой стахановской агротехники, новых культур. Ефремовские звенья — вот та новая форма организации труда в колхозах, которая таит в себе неисчерпаемые возможности повышения урожайности». Ефремовское движение убедительно показало, какие могучие силы таит в себе колхозный строй и сибирская земля.

Жизнеспособность и прочность нашего общественного и государственного строя, дружбы народов СССР проверены в огне суровых испытаний Великой Отечественной войны. Фашистские стратеги исходили из того, что под первыми ударами их бронированного кулака развалится многонациональное Советское государство. Но как жестоко они просчитались. Нерушимая братская дружба наших народов оказалась тем монолитом, о который разбилась гитлеровская Германия — ударная сила мирового империализма.

Свой патриотический и интернациональный долг перед Родиной с честью выполнили в этой войне и сибиряки-алтайцы. Они покрыли себя неувядаемой славой. В первых рядах, как всегда, шли коммунисты и комсомольцы.

Краевая партийная организация направила в действующую армию только в начальный период войны свыше 15 тысяч коммунистов. Из Барнаула ушло на фронт 40 процентов городской партийной организации. В первый год войны алтайский комсомол направил на фронт 50 тысяч комсомольцев.

Не потускнеет в памяти поколений подвиг двадцати восьми гвардейцев-панфиловцев, остановивших под Москвой атаку пятидесяти фашистских танков. Среди гвардейцев находились славные сыны Алтая: политрук Василий Ключков, Петр Емцов, Абрам Крючков, Иван Шадрин, Гавриил Митин, Николай Трофимов.

На всю страну прозвучали тогда крылатые, зовущие в бой слова Василия Ключкова, воспитанника алтайского комсомола: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

336 Героев Советского Союза, 76 тысяч награжденных орденами и медалями — сибиряки-алтайцы...

Мы гордимся, что наши земляки коммунисты Красилов и Черемнов вместе с украинцем Герасименко зимой 1942 года в трудную минуту первыми поднялись во весь рост и одну за другой закрыли грудью вражеские амбразуры. Их имена, как и тысячи других наших героев, отдавших свои жизни за Родину, золотыми буквами сияют на обелисках братских могил, на постаментах мемориальных памятников. Благодарная народная память будет вечно хранить их мужественный образ. Герои войны и сегодня живут в наших повседневных делах.

Не меньший героизм проявили в годы войны и труженики тыла. Преодолевая невероятные трудности, они снабжали Советскую Армию всем необходимым для победы. На Алтай было перебазировано 40 крупных предприятий с европейской части страны.

Перед краевой партийной организацией, всеми тружениками Алтая встала труднейшая задача — в очень короткие сроки в суровых климатических условиях Сибири наладить их работу. Эта задача, как того и требовала Коммунистическая партия, была успешно решена. В 1942 году Урал и Западная Сибирь дали более 97 процентов чугуна, 82 — стали, 84 процента — проката, производимых в стране.

Ушедших на фронт мужей, отцов и братьев заменили на заводах, стройках, фабриках, полях и фермах их жены, дочери, сестры, старики и подростки. Тысячи алтайских женщин впервые сели за руль трактора, встали за штурвалы комбайнов. Из среды женщин выдвигались председатели колхозов, бригадиры, заведующие фермами. В крае хорошо известны имена Т. И. Ткачевой, Ф. В. Митусовой, Н. П. Пастелевой и других талантливых организаторов колхозного производства в военный период. Родина, Коммунистическая партия по достоинству оценили ратный и трудовой подвиг сынов и дочерей Алтая. Свыше 60 человек стали полными кавалерами орденов Славы, 460 тысяч воинов и тружеников тыла, в их числе 180 тысяч женщин, награждены орденами и медалями.

В послевоенные годы невиданными темпами продолжалось развитие индустрии на Алтае.

Сегодня всей стране известны такие флагманы машиностроения, как Алтайский тракторный завод им. М. И. Калинина, переживающий свое второе рождение, Алтайский моторный завод, Алтайсельмаш, завод Трансмаш, Барнаульский аппаратурно-механический, станкостроительный и многие другие.

Ныне трудно представить, что шесть десятков лет назад к нам, на Алтай, завозилась буквально каждая мелочь, вплоть до гвоздей. Теперь наш край сам поставляет разнообразную промышленную продукцию в различные районы страны, во многие государства мира.

Мы называем наш край индустриально-аграрным, и это правильно. Ведущее положение в промышленности Алтая занимают машиностроение и металлообработка, химия и нефтехимия, электроэнергетика, то есть отрасли, определяющие технический прогресс в народном хозяйстве. На их долю приходится более 62 процентов выпускаемой продукции.

Алтай стал мощной базой производства тракторов, более половины земель в стране вспахиваются плугами с алтайской маркой. Котельные заводы края производят одну треть мощностей выпускаемых в Российской Федерации паровых котлов. Алтайские дизели, механические прессы неоднократно были отмечены дипломами на Всесоюзных и международных выставках. Алтай занимает первое место среди областей и краев страны по выпуску твердых сыров, ведущий за Уралом район сахароварения.

Новая яркая страница в развитии промышленности Алтая вписана в одиннадцатой пятилетке: в 1981 году пущена в строй первая коксовая батарея, в канун 65-летия Великого Октября досрочно сдана в эксплуатацию вторая батарея. Крупнейший в стране Алтайский коксохимический завод — первенец черной металлургии в крае — начал давать сырье для производства металла. Прав молодой алтайский прозаик Виктор Слипенчук, который утверждает, что «сегодняшний герой не воевал, не голодал, не поднимал целины. Герой нашего времени — коллектив, коллектив-монолит, спайка, как один человек».

Алтайский коксохим — творение рук коллектива молодых героев 80-х годов, представляющих более пятидесяти наций и народностей нашей страны, подлинный университет гражданского, интернационального воспитания.

В последние годы в промышленности Алтая произошли не только количественные, но и качественные изменения. В строй действующих вошли новые предприятия и мощные производства, сотни цехов и участков комплексно механизированы, установлено более 5 тысяч механи-

зированных поточных и автоматизированных линий. За десятую пятилетку в крае внедрено 120 автоматизированных систем управления производством.

Алтай всегда был богат своими рабочими — умельцами, патриотами и энтузиастами. На всех этапах становления и развития индустрии края были свои герои. От ударников двадцатых годов приняли эстафету стахановцы первых пятилеток. Это были прядильщицы Воробьева и Жердева, ткачихи Козловы с меланжевого комбината, слесарь Шаталов с ВРЗ. Токарь станкостроительного завода Фомичев в годы войны положил начало соревнованию «тысячников». В послевоенные годы славные трудовые традиции продолжили Г. И. Яровой, З. В. Воротникова, Герои Социалистического Труда В. П. Неупокоева, И. К. Шипулин, А. В. Селиверстов, В. С. Ланцов, Н. А. Ростовцев, А. И. Сигида, В. П. Докукин, Г. П. Бородин, Т. М. Журавлева, глава знатной рабочей династии С. И. Грязев и многие другие.

Достоинным преемником трудовой славы старшего поколения стала молодежь — лауреаты премии Ленинского комсомола Валерий Павлов, Михаил Банин, Алексей Грачев, Надежда Таран, Павел Колосунин, Григорий Неделько, Леонид Гладких, Василий Ломакин.

Алтай — важнейший сельскохозяйственный район на востоке страны. В Западной Сибири Алтаю принадлежит ведущая роль в производстве зерна, мяса, молока, яиц, шерсти. Хлеб — главное богатство Алтая, его слава и гордость. Наш край дает более десяти процентов зерна высококачественной пшеницы в республике.

В летопись социалистического содружества как символ всенародного подвига, единства действий всех наций и народностей СССР вписана целинная эпопея.

За четыре года на Алтае было освоено целинных и залежных земель около 3 миллионов гектаров. В прежде безлюдной степи выросло 155 крупных совхозов и колхозов, новые города и поселки, школы, Дворцы культуры и спортивные сооружения. Здесь вырос умелый, заботливый труженик, рачительный хозяин земли, в корне обновляемый его трудом. Среди них прославленные хлеборобы-механизаторы Герои Социалистического Труда С. Е. Пятница, Н. Г. Добшик, Ф. В. Чабанов, П. Д. Губин, В. М. Бахолдина, М. И. Гусельников, положившие начало новым хлеборобским династиям. Сегодня они передают свою горячую любовь к земле, богатый опыт и мастерство молодому поколению земледельцев Алтая.

В боевом социалистическом соревновании за призы имени знатных алтайских хлеборобов рождаются десятки новых выдающихся мастеров хлебных нив, достойных продолжателей лучших трудовых традиций. В их числе мы по праву называем В. М. Трапезникова, И. А. Максименко, А. В. Ильичеву, Н. П. Печенкина, И. А. Сорокина.

За годы освоения целинные и залежные земли дали около двух миллионов тонн добротного зерна. Разительные перемены произошли в сельскохозяйственном производстве после мартовского (1965 г.) Пленума ЦК партии, определившего основы аграрной политики КПСС на современном этапе.

Как и во всей стране, в колхозах и совхозах края качественно обновилась материально-техническая база, глубокие изменения произошли в условиях жизни и труда работников сельского хозяйства, успешно решены многие социальные проблемы.

За последние 15 лет государство вложило в сельскохозяйственное производство Алтая 6,2 миллиарда рублей. Колхозы и совхозы получили 75 тысяч тракторов, почти 45 тысяч зерноуборочных комбайнов, 41 тысячу грузовых автомобилей, много другой сельскохозяйственной техники.

Основные фонды сельскохозяйственного назначения сегодня превышают три миллиарда рублей и возросли в три раза. Фондовооружен-

ность труда за этот период поднялась в 3,4 раза, энерговооруженность — в 2,3 раза и составила на одного работающего соответственно 10 тысяч рублей и 38 л. с.

Раньше в крае практически не велись мелиоративные работы, большинство степных районов страдало от безводья. Теперь регулярно орошается более 62 тысяч гектаров посевов. Это самый крупный орошаемый массив в Западной Сибири. Ведется строительство Кулундинского оросительного канала, протяженностью 182 километра. Начинается строительство канала Обь — р. Бурла. Чарышский водопровод уже дал питьевую воду.

За эти годы в 5 раз возросли поставки краю минеральных удобрений.

Осуществляя курс на специализацию, концентрацию и межхозяйственную кооперацию в сельском хозяйстве, за последние годы труженники Алтая построили 7 птицефабрик, 47 животноводческих комплексов, организованы специализированные хозяйства по дорашиванию и откорму крупного рогатого скота, свиней, овец. Создана крупная база племенной животноводства. поголовье крупного рогатого скота в общественном секторе увеличилось на 440 тысяч голов, коров — на 100 тысяч, свиней — на 204 тысячи, овец — на 700 тысяч голов, в четыре раза стало больше птицы.

Убедительным примером преимуществ промышленной технологии является птицеводство. В 1965 году птицеводческую продукцию в крае производили свыше 200 колхозов и совхозов. В среднем каждое хозяйство давало 700—750 тысяч штук яиц, яйценоскость кур не превышала 120—130 яиц на несушку. Затраты труда и средств на продукцию были огромны, а отрасль в целом убыточной. В настоящее время 14 специализированных хозяйств и 17 инкубаторно-птицеводческих станций ежегодно поставляют государству свыше 460 миллионов штук яиц — 97 процентов от общего объема закупок их в крае.

Значительные изменения произошли в составе сельскохозяйственных кадров. Теперь в колхозах и совхозах занято более 30 тысяч специалистов, имеющих высшее и среднее образование. Численность механизаторов достигла почти 100 тысяч человек.

За пятнадцать лет на селе построено свыше 5 млн. квадратных метров жилья. Оплата труда в совхозах возросла в 2,2 раза, в колхозах — в 2,5 раза. Во многих районах края изменился весь облик сел, более содержательным стал образ жизни сельских труженников.

Принятые партией меры, самоотверженный труд колхозников, рабочих совхозов, специалистов, работников промышленности дают свои результаты, хотя, как известно, тяжелые погодные условия нередко вмешиваются в наши планы и сдерживают развитие сельского хозяйства.

Но тем не менее сдвиги произошли немалые в развитии сельского хозяйства края. По сравнению с седьмой пятилеткой среднегодовой объем валовой продукции сельского хозяйства, производства зерна и сахарной свеклы увеличились в десятой пятилетке в 1,3, мяса — в 1,4, молока — в 1,5, шерсти — в 1,7, яиц — в 4,4 раза.

Однако достигнутые рубежи нельзя считать достаточными.

Майский (1982 г.) и ноябрьский (1982 г.) Пленумы ЦК КПСС определили, что центральное место в наших планах занимают меры по реализации Продовольственной программы, которая позволит надежно обеспечить население страны продуктами питания. Это не только первостепенная экономическая, но и актуальная социально-политическая задача, вытекающая из решений XXVI съезда партии. Удовлетворение жизненных запросов советских людей было и остается важнейшей программой Коммунистической партии.

В соответствии с установками Продовольственной программы и постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О комплексном

развитие сельского хозяйства в районах Сибири, Дальнего Востока и в Курганской области» колхозы и совхозы края должны довести ежегодное валовое производство зерна до 7—7,5 миллиона тонн. Добиться устойчивого роста производства пшеницы твердых и сильных сортов, крупяных, зернобобовых и масличных культур. Среднегодовое производство овощей и бахчевых культур по сравнению с 1981 годом надо увеличить в 2,4 раза, картофеля — в 1,5 раза. Производство мяса в крае уже в 1985 году должно достигнуть не менее 487 тысяч тонн, молока 1840 тысяч тонн, яиц — около одного миллиарда штук.

Главным резервом повышения урожайности полей и увеличения производства зерна в нашем крае является внедрение научно обоснованной системы земледелия, в полной мере учитывающей особенности погодных условий природно-климатических зон. Это подтверждает опыт колхозов «Заря Алтая», «Путь к коммунизму» Завьяловского, имени И. Я. Шумакова, «Восход» Змеиногорского районов, опытных хозяйств имени Докучаева и Кулундинской опытной станции, сортоучастков края.

На полях колхоза «Заря Алтая» среднегодовая урожайность зерновых возросла с 11,2 центнера с гектара в восьмой пятилетке до 18,2 центнера в девятой и 21,2 центнера в десятой пятилетке. Устойчиво вышли на двадцатисцентнеровый рубеж колхозы «Восход» и имени И. Я. Шумакова Змеиногорского района, «Путь к коммунизму» Завьяловского района.

Заметное влияние на развитие производства оказывают ученые Алтайского научно-исследовательского института земледелия и селекции сельскохозяйственных культур.

Большим авторитетом в крае пользуется коллектив Научно-исследовательского института садоводства Сибири имени М. А. Лисавенко во главе с депутатом Верховного Совета СССР, академиком ВАСХНИЛ И. П. Калининой. Вместе с руководителями и специалистами колхозов и совхозов ученые добились того, что сегодня на Алтае около 20 тысяч гектаров земли занято под садами. Селекционерами создано 158 сортов плодово-ягодных культур, из которых 43 районированы в 76 краях и областях, восьми союзных республиках страны. Особой популярностью не только на Алтае, в Сибири, но и во всей стране и за рубежом пользуются выведенные в институте зимостойкие сорта смородины, малины, сливы, вишни, яблони и других культур. За введение облепихи в культуру девять сотрудников института удостоены Государственной премии СССР в области науки и техники за 1981 год.

Неоценимую помощь специалистам хозяйств в деле ускорения научно-технического прогресса в животноводстве оказывает Алтайский научно-исследовательский институт животноводства, возглавляемый доктором сельскохозяйственных наук Ш. А. Мкртчяном.

Алтайскими учеными-селекционерами в содружестве с передовыми специалистами создана уникальная в стране порода алтайских тонкорунных овец.

Ученые института цитологии и генетики Сибирского отделения Академии наук СССР вместе с алтайскими учеными и селекционерами на базе совхоза «Чергинский» Горно-Алтайской области работают над важной научной проблемой — сбором и сохранением генофонда домашних и диких животных, наиболее ценных для селекции. В перспективе мы ожидаем, в частности, получение гибридов, групп животных, обладающих такими нужными качествами, как скороспелость мясных животных крупного типа, жирномолочность в сочетании с высокими удоями, устойчивость к заболеваниям и т. д.

Коммунистическая партия, Советское правительство оказывают истинную отеческую помощь народному хозяйству Алтая, постоянно заботятся о благе трудящихся края. Новым проявлением такой заботы явилось постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах

по дальнейшему улучшению социально-бытовых условий жизни сельского населения Алтайского края».

В соответствии с этим решением предусматривается в 1981—1985 годах на селе построить жилья 2,3 млн. квадратных метров, школ на 11 тысяч, детских дошкольных учреждений почти на 22 тысячи, Домов культуры на 35 тысяч мест. В одиннадцатой пятилетке 600 колхозов и совхозов получат устойчивое водоснабжение, закончатся подключение оставшихся хозяйств, населенных пунктов к государственным электрическим сетям, будет окончена газификация сел края, получит дальнейшее развитие дорожное строительство, сеть автобусных сообщений сел с райцентрами, а последних с городами края и многое другое. Значительное улучшение социально-бытовых условий жизни сельчан будет содействовать закреплению кадров в колхозах, совхозах, подъему сельского хозяйства и на этой основе — ликвидации разницы в социальном положении рабочих и крестьян, жителей города и деревни.

Отмечая юбилей нашего многонационального государства, мы, как всегда, по доброму советскому обычаю, подводим итоги сделанного, намечаем задачи на будущее. А дел у нас в текущей пятилетке немало. Предстоит увеличить объем промышленного производства на 25—27 процентов и достичь выпуска продукции в 1985 году на сумму 6—6,3 млрд. рублей, вместо 4,9 млрд. рублей в 1980 году. Этот значительный прирост намечено получить за счет реконструкции действующих и строительства новых предприятий, улучшения использования имеющихся мощностей.

Отмечая особо важное значение успешного выполнения плана экономического и социального развития на 1983 год, пятилетки в целом, ноябрьский (1982 г.) Пленум ЦК обратил внимание партийных, советских, хозяйственных и других организаций, трудовых коллективов на необходимость направить все усилия на реализацию важнейшей задачи, выдвинутой XXVI съездом КПСС, — усиление интенсификации общественного производства и повышение эффективности народного хозяйства. Важно в максимальной степени использовать имеющиеся возможности для улучшения хозяйственной деятельности, ускорения научно-технического прогресса, роста производительности труда во всех звеньях народного хозяйства, увеличения выпуска и повышения качества продукции.

Мы направляем капитальные вложения, в первую очередь, на реконструкцию тех предприятий, которые в короткие сроки могут дать весомую отдачу. Например, завершение реконструкции всего комплекса заводов нефтеперерабатывающей и нефтехимической промышленности — шинного, РТИ, АТИ, технического углерода — при затратах на это около 37 млн. рублей даст возможность получить прирост объема производства на сумму 105 млн. рублей.

При освоении 300 млн. рублей капитальных вложений на реконструкцию действующих предприятий в крае мы рассчитываем получить прирост выпуска промышленной продукции на 1 млрд. рублей.

Наряду с реконструкцией в одиннадцатой пятилетке будет продолжено строительство новых предприятий. Всего будет введено 17 предприятий, в том числе четыре батареи коксохимического завода в г. Заринске, заводы синтетического волокна и механический в Барнауле, завод для водохозяйственного и мелиоративного строительства в Славгороде, мостовых конструкций в Бийске, кирпичный завод в р. п. Поспелихе и другие.

Не менее важная задача — улучшение использования имеющихся в промышленности производственных мощностей.

Опережающими темпами будут развиваться базовые отрасли промышленности края: машиностроение, химия, нефтехимия, энергетика, приборостроение, пищевая и перерабатывающая промышленность.

Многое надо сделать предприятиям сельхозмашиностроения в све-

те требований майского (1982 г.) и ноябрьского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС. Главное для всех коллективов этой отрасли — наращивание выпуска продукции для сельского хозяйства, создание новых машин, улучшение их качества. На тракторном заводе необходимо обеспечить разработку и освоить выпуск нового трактора. Предстоит в полтора раза увеличить выпуск плугов и противоэрозийной техники, больше производить запасных частей для сельского хозяйства.

Доброй славой в стране и на мировом рынке пользуются алтайские прессы, электропечи, паровые котлы, дизели, газосварочная аппаратура, многие продукты химии и товаров народного потребления.

Мы должны в этом пятилетии повысить технический уровень и качество выпускаемых машин, значительно поднять их экономичность и надежность, снизить материалоемкость, улучшить эксплуатационные характеристики. Этому будет способствовать в большой степени внедрение комплексной системы управления качеством по опыту лучших предприятий страны.

Главным и решающим фактором в выполнении намеченных задач является наш славный рабочий класс, его организованность, дисциплинированность, высокий энтузиазм и творчество.

Трудовой подъем на предприятиях Алтая в нынешний юбилейный год проявляется особенно ярко. Встав на трудовую вахту в честь 60-летия образования СССР, трудящиеся края перевыполнили текущие планы по объему и реализации промышленной продукции, росту производительности труда. Выполнен также план по производству продукции высшей категории качества — ее изготовлено на 6 миллионов рублей больше, чем за первое полугодие прошлого года, товаров народного потребления произведено на 3,6 миллиона рублей больше, чем за сравнимый период прошлого года. Строители края только за счет государственных капитальных вложений ввели в действие основных фондов в 1,4 раза больше, чем в 1981 году.

Сложным оказался этот год для тружеников сельского хозяйства. Засуха нанесла тяжелый урон земледелию. В этих условиях краевая партийная организация мобилизует тружеников городов и сел на успешное завершение всего комплекса сельскохозяйственных работ, а главное — быстрое и высококачественное проведение уборки урожая.

Преодолевая трудности, животноводы края в первом полугодии выполнили план продажи государству мяса, яиц. Предстоит напряженная и умелая работа каждого коллектива колхоза, совхоза, партийного комитета любого уровня, чтобы закончить сельскохозяйственный год с более заметными итогами.

Нас радует, что 18 тысяч предприятий, цехов, участков, смен, бригад и 170 тысяч тружеников края решили завершить план второго года пятилетки досрочно, к 60-летию юбилею Союза ССР.

Около 7 тысяч бригад участвуют в движении «Пятилетке качества — рабочую гарантию». Более 6 тысяч передовиков производства завоевали право работать с личным клеймом качества. Массовое распространение получают патриотические начинания «Работать без отстающих», «Работать с оплатой по конечным результатам», «60 ударных недель — юбилею СССР».

Огромной важности задачи стоят в области сельского хозяйства, в деле выполнения Продовольственной программы.

Несмотря на определенное развитие сельского хозяйства в крае, его уровень, экономические показатели и темпы роста производства важнейших продуктов еще не удовлетворяют возрастающих потребностей. Чтобы сельское хозяйство и связанные с ним отрасли промышленности Алтая вышли на передовые рубежи, открываемые современной наукой и техникой, необходим решительный переход на преимущественно интенсивные факторы роста. Это наиболее действенный путь решения Продовольственной программы.

На предстоящие годы ключевой проблемой в сельском хозяйстве остается дальнейшее ускорение и устойчивое производство зерна. По краю ставится задача в этой пятилетке выйти на среднегодовую урожайность зерна — не менее 16—17 центнеров с гектара, то есть дать прирост 6—7 центнеров с гектара. Опыт передовых хозяйств свидетельствует, что решение этой задачи возможно. Для этого необходимо лучше использовать каждый гектар земли, продолжать борьбу с ветровой и водной эрозией почв, повышать культуру земледелия.

Важнейшая составная часть Продовольственной программы — развитие животноводства. Край располагает большими возможностями в увеличении производства мяса, молока, яиц, шерсти и другой продукции. Ставится задача добиться годового надоя молока от коровы не менее 2500 килограммов, а сдаточного веса скота 400—450 килограммов. Задачи крупные, их старыми методами не решить. Здесь нужно настойчиво внедрять промышленную технологию, переводить отрасль на индустриальную основу, нужно иметь на каждую условную голову 30 центнеров кормовых единиц.

Колхозы и совхозы — основные производители сельскохозяйственной продукции, их вклад в решение Продовольственной программы решающий. Вместе с тем, как того требует решение майского Пленума ЦК КПСС, мы не забываем о развитии подсобных хозяйств предприятий и жителей села. В крае уже действует 160 подсобных хозяйств, построено 175 откормочных помещений. В 1981 году «подсобка» дала почти 6 тысяч тонн мяса, 3400 тонн молока, 344 тысячи штук яиц, 790 тонн меда, 3500 тонн картофеля и овощей. У населения было закуплено в том же году около 1800 тонн мяса. Мы ставим задачу, чтобы подсобные хозяйства имели не только заводы, предприятия, но и города, рабочие поселки на кооперативных началах.

К концу одиннадцатой пятилетки все заводские подсобные хозяйства края произведут около 15 тысяч тонн мяса. Все это поступит в заводские столовые, буфеты сверх централизованных фондов.

Планы на текущую пятилетку напряженные, но реальные. Мы имеем богатые земли, современную технику, замечательные кадры руководителей, специалистов, механизаторов и животноводов, которым по плечу решение стоящих перед нами задач.

На основе подъема материального производства в крае получит дальнейшее развитие жилищное строительство, сфера торгового и бытового обслуживания, здравоохранение и просвещение.

За 60 лет существования нашего многонационального государства, трудом всех народов СССР совершены огромные преобразования в культурной жизни. Достаточно сказать, что до революции на Алтае не было ни одного профессионального творческого коллектива, работало всего лишь несколько библиотек. Но тяга народа к знаниям, к свету была неодолимой. И как только Великий Октябрь открыл доступ к просвещению, искусству, трудящиеся показали невиданный энтузиазм в области культурного творчества.

Архивные источники первых лет Советской власти рассказывают, как разоренные гражданской войной, еще не выбившиеся из жесточайшей нужды крестьяне, собравшись на сходы, принимают решения о сборе средств на избу-читальню, на библиотеку, коллективно засевают полюску земли, урожай с которой собирается на нужды культпросвета.

Уже в 1920 году в Алтайской губернии были открыты 541 библиотека и 393 избы-читальни. Слово «ликбез» одинаково было понятно русскому и украинцу, казаху и алтайцу, белорусу и узбеку, и с одинаковым рвением все народы страны двинулись в поход за знаниями.

Ленинский завет — «Все блага культуры и искусства народу!» — находит реальное воплощение. Сейчас в распоряжении трудящихся имеются две тысячи клубов, три тысячи библиотек с книжным фондом в 44 миллиона экземпляров, более четырех тысяч киноустановок, семь

театров, шесть музеев, десятки парков, стадионов, более 160 детских музыкальных, художественных и спортивных школ. Край полностью радиофицирован, 95 процентов его населения смотрят телепередачи. Сегодня на Алтае издаются 2 краевые и 2 областные, 97 городских, районных и многотиражных газет общим тиражом свыше 700 тысяч экземпляров.

Наша земля вскормила и дала крылья в жизнь таким видным советским писателям, как А. Караваева, М. Бубеннов, С. Зальгин, А. Коптелов, Е. Мальцев, кинорежиссеру И. Пырьеву, писателю, режиссеру и актеру В. Шукшину, актеру В. Золотухину и многим другим.

Среди наших тружеников широкой популярностью пользуются произведения алтайских прозаиков и поэтов Н. Дворцова, А. Адарова, П. Бородкина, М. Юдалевича, И. Кудинова, Л. Квина, Е. Гущина, Б. Укачина, Г. Панова, В. Сидорова и других. В них отображены жизнь и труд людей края, раскрываются их гражданская и политическая зрелость, богатый духовный мир, активная жизненная позиция.

Большой любовью пользуются актеры краевых театров Л. Двоглазов, А. Самохвалов, С. Талалаева, Э. Овчинников, Ю. Кашин, Ю. Жеребцов. Произведения художников Г. Борунова, В. Туманова, А. Вагина, И. Ортонулова, М. Ковешниковой, П. Миронова, Ф. Торхова с успехом экспонировались на республиканских, союзных и международных выставках.

Неоценимый вклад в дело коммунистического воспитания тружеников края, в пропаганду социалистического образа жизни вносит многотысячная армия работников культпросветучреждений. Настоящими энтузиастами своего дела стали заслуженные работники культуры РСФСР: заведующая Некрасовской сельской библиотекой Славгородского района С. Л. Буленок, режиссер народного юношеского театра «Ровесник» бийских химиков К. П. Князева, руководитель изостудии Дома культуры завода Трансмаш А. В. Иевлев, директор сельского Дома культуры Благовещенского района В. Г. Реймер, киномеханик из Горного Алтая Ф. Л. Кубекова, заведующая отделом культуры Рубцовского райисполкома В. М. Халина и другие. Наши рабочие, колхозники, служащие — не только потребители духовных ценностей и культуры, но и их творцы.

Более двухсот тысяч юношей и девушек участвуют в художественной самодеятельности в клубах и Дворцах культуры, двадцатитысячный отряд добровольных помощников-пропагандистов книги работает в массовых библиотеках, число занимающихся физической культурой и спортом приблизилось к 800 тысячам человек. Тысячи людей в свободное время занимаются творчеством — народно-прикладным, художественным и изобретательством.

Постепенно сбывается мечта творцов научного коммунизма К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина о расцвете всех сторон личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство, моральную чистоту, физическое совершенство.

Из стен восьми высших учебных заведений и сорока восьми техникумов ежегодно в большую трудовую жизнь выходят 13 тысяч молодых специалистов. А 90 профессионально-технических училищ выпускают для народного хозяйства края десятки тысяч квалифицированных рабочих по 200 специальностям.

Поистине студенческим городом стал наш краевой центр. Здесь 50 тысяч юношей и девушек получают высшее и среднее специальное образование. Сочетая учебу с практикой работы в летний период в строительных отрядах, они вносят значительный вклад в успешное выполнение краем народнохозяйственных планов и обязательств.

У нас построены и действуют почти две тысячи школ, более 600 из которых — средние. Почти тридцатитысячный отряд педагогов обу-

чает и воспитывает 345 тысяч учащихся, будущих работников и хозяев родного края.

Глухой край, некогда населенный безграмотными людьми, дал ныне Родине двух космонавтов — Г. С. Титова и В. Г. Лазарева. Это ли не яркий показатель стремительного роста и всестороннего развития советского человека! Подобное стало возможным только благодаря победе социалистической революции, отеческой заботе КПСС о перестройке человеческих отношений на принципах равенства и братства.

Алтай — многонациональный коллектив тружеников. Здесь живут и работают представители более чем ста наций и народностей Советского Союза. И каждый из них чувствует себя свободным и полноправным гражданином своего Отечества, одинаково ответственным за судьбу Родины, за дела в трудовом коллективе. Ни национальная принадлежность, ни язык и цвет кожи определяют место человека в обществе, а лишь одно — его отношение к труду, к труду на общую пользу. И если он работает хорошо и дает обществу то, что может дать, — он заслуживает самых высоких званий и титулов, он Герой.

Убедительным доказательством жизненности и неодолимости ленинской национальной политики, политики дружбы и братства народов СССР является входящая в наш край Горно-Алтайская автономная область, недавно отметившая 60-летие своего образования.

За короткий исторический срок при жизни одного поколения людей алтайский народ при братской помощи русского народа, всех народов страны совершил переход от кочевья к оседлости, от примитивного труда, нищеты и невежества, беспощадной эксплуатации и вымирания — к расцвету.

Сегодняшний Горный Алтай — это развитая аграрно-промышленная область, имеющая 42 промышленных предприятия, оснащенных передовой техникой и технологией. Современный облик области определяют легкая, пищевая, деревообрабатывающая, добывающая, строительная и другие отрасли промышленности. Труженики Горного Алтая вносят весомый вклад в решение краевой и российской производственной программы. Постоянно наращивая темпы производства животноводческой продукции, древесины, обуви и швейных изделий, электроприборов, гардинно-тюлевого полотна и других изделий, область с честью выполняет свой патриотический и интернациональный долг.

Огромную помощь в деле развития экономики Горного Алтая оказывает ЦК КПСС, Советское правительство. Только за годы десятой пятилетки для развития промышленности, строительства, транспорта, сельского хозяйства области выделено 209 миллионов рублей, что больше, чем за годы седьмой пятилетки, в три раза. Капитальные вложения в одиннадцатой пятилетке составят более 250 миллионов рублей.

В 1926 году средняя продолжительность жизни алтайцев не превышала 30 лет, сейчас — около 68 лет. Широкая сеть медицинских учреждений, постоянная забота об улучшении условий труда, отдыха людей и многое другое — все это обеспечивает такое огромное социальное завоевание, как продолжительность жизни человека, возрастание его трудоспособности и общественной активности.

До Октябрьской революции в Горном Алтае было 3 монастыря, десятки церквей и ни одного культурного учреждения, народ не имел своей письменности. Литература была представлена лишь народным эпосом. В целях преодоления культурной отсталости, быстрой ликвидации неграмотности Советское государство направляло на народное образование алтайцев в 3—4 раза больше средств, чем в другие районы. Ныне в области 177 общеобразовательных школ, в которых обучается более 30 тысяч учащихся. В пяти профтехучилищах и пяти средних специальных учебных заведениях занимаются свыше шести тысяч юношей и девушек. В пединституте работают 53 кандидата наук, обучаются около четырех тысяч студентов.

Из 172 тысяч жителей области всеми видами обучения охвачены 48 тысяч человек. В области работает 18 тысяч специалистов с высшим и средним образованием, половина из них — алтайцы и казахи.

В области есть национальный драматический театр, десять народных театров, народный цирк, краеведческий музей, более 180 Домов культуры и сельских клубов, 147 библиотек с книжным фондом 1,5 миллиона экземпляров. Работает Научно-исследовательский институт истории языка и литературы. С 1922 года выходит на алтайском и русском языках областная газета «Звезда Алтая». Областное радиовещание ведет передачи по двум программам на русском и алтайском языках, а также передачи из Москвы, Барнаула. 65 процентов жителей области смотрят телепередачи.

В годы Советской власти сложилась и получила развитие алтайская литература. Алтайский народ по праву гордится основоположником алтайской национальной литературы Павлом Кучияком. Его творчество стало летописью жизни алтайского народа с предреволюционных лет до Великой Отечественной войны. Большой известностью пользуются произведения старейшего писателя Горного Алтая Ч. Чунижекова, поэтов и прозаиков Л. Кокышева, А. Саруевой, С. Суразакова, Э. Палкина, Д. Каинчина и других. Произведения алтайских писателей издаются на многих языках народов СССР, как и произведения других народов переводятся на алтайский язык.

Душой и сердцем алтайского народа, всех тружеников Горного Алтая является областная партийная организация, вобравшая в себя одиннадцать тысяч лучших представителей рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. Областная партийная организация мобилизует трудящиеся массы на решение экономических и социально-политических проблем, ведет большую работу по их воспитанию в духе марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, непримиримой борьбы со всякого рода проявлениями национализма.

За успехи, достигнутые трудящимися в развитии народного хозяйства и культуры, Горно-Алтайская автономная область в 1967 году награждена орденом Ленина, а в 1972 — орденом Дружбы народов.

Напряженно, с энтузиазмом работают трудящиеся области в текущей пятилетке. За победу во Всесоюзном социалистическом соревновании Горно-Алтайская автономная область по итогам 1981 года награждена переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

Таков Горный Алтай сегодня.

Дружба народов СССР дает нам великую силу. Интернационалисты-ленинцы не забывают, что национализм — последнее убежище подлости и бесчестия, что все нацеленное нашими недругами против нашего строя, наших идеалов направлено в первую очередь против этой дружбы, против КПСС, неуклонно проводящей в жизнь ленинскую национальную политику. Вот почему мы и впредь будем крепить и беречь дружбу народов как зеницу ока.

Труден, но и славен пройденный путь народами нашего Союза за 60 лет его существования. И все, что достигнуто трудящимися края за минувшее шестидесятилетие, — это триумф ленинской национальной политики, результат героических усилий всего советского народа и его признанного авангарда — Коммунистической партии Советского Союза.

«Мы идем навстречу важному событию в истории нашего многонационального социалистического государства, — говорил Ю. В. Андропов, — 60-летию образования Союза Советских Социалистических Республик. В эти дни советские люди свои лучшие помыслы обращают к нашей ленинской партии, которая стояла у истоков создания СССР и мудро ведет народы нашей страны по пути строительства коммунизма».

Игорь Михайлович Пантюхов родился в 1937 году на Кавказе. В 1967 году закончил Литературный институт имени Горького. Работал в краевых газетах. Служил на крейсере «Свердлов». Первый сборник стихов «Юность в бушлате» издан в Калининграде. Автор книг «Волнолом», «Морская почта», «Берег раздумий», «Моряна», «Лесные чудеса».

Член Союза писателей СССР.

Живет в Барнауле.

Игорь ПАНТЮХОВ

ТЫ ПОСЛУШАЙ...

ХЛЕБ И СОЛЬ

Баллада

Памяти друга моей
целинной юности В. С-ва

ПРОЛОГ

Приглашают ли в праздник к застолью,
хлебосольством по-русски гордьясь,
в будний день ли...

Меж хлебом и солью
для меня есть особая связь.
Связь прямая

и необратимая, —
к сожалению, —
не обрати...

То ль за хлеб схоронил побратима я,
то ль за соль?..

Ты уж, милый, прости,
что тревожу, —
не надо тревожиться,
не тебя я тревожу,
а боль...

Все никак в голове не уложится:
«Хлеб — и соль?»

Хлеб и соль!
Хлеб—и соль...».

* * *

— Хлеб да соль! —
и гости на пороге.
— Хлеб да соль! —
быть празднику в дому.
— Хлеб да соль!..

А память по дороге,
только мне известной одному,
все ведет туда,

где две березки,

все туда,
где снегом заметен,
спит на нераспаханной полоске,
соль в мешке прикрыв собою,
Он.

Два квадратных метра —
эка малость!

Но когда вздымалась целина,
то у нас невспаханной осталась
эта вот полоска.

И она
до сих пор не поддается плугу, —
плуг ее обходит стороною.

Мы, как долг,
ее отдали другу,
и поныне этот долг — за мной.
А еще за тем,

кто спозаранок,
на палатки бросив беглый взгляд,
вместе с ним ушел на полустанок,
вместе с ним!
но не пришел назад.
Сел на поезд —

даже не попутный, —
и махнул рукой:
— Давай, пиши!..

То ли дело слабости минутной,
то ли мера всей его души,
той,

что неизвестно где возрастала,
чем дышала в беспросветной мгле,
той,

что и исчезни,
так не стало б
меньше человеком на земле.

Сорок верст до полевого стана,
где мы соли ждем, —

сидим, галдим...

Утром —

двое шли на полустанок,
а обратно с солью — шел один.
А буран в степи — плохой попутчик
и плохой связной между людьми...

Бросил бы ты соль,
вернулся б лучше,
тоже бы уехал, черт возьми!
Мы бы как-нибудь перетерпели,
перебились пресным бы пайком,
только бы не видеть той капели
и тебя над сморщенным мешком,
где уже не соль,

а черный камень,
где уже не ты, а...

Не пойму... ●

Молча под березками

руками

мы могилку вырыли ему
на его невспаханной полоске,
на его целинном рубеже...

Столько лет он спит,

что те березки

бабушками сделались уже.

Спит...

Ему, должно быть, сладко спится —
ни забот уже

и ни обид —

спит.

А в изголовии пшеница
все шумит, родимая, шумит.

Ничего она не понимает,
звонкая, открытая душа:

все зовет, все будит — поднимает,
мол, вставай,

гляди, как хороша!

Колос мой потрогай —

сделай милость,

в сноп свяжи потуже —

я не прочь!..

Вот такой она ему и снилась

в ту слепую мартовскую ночь:

жаворонок в небе звонко-звонко

разливался о своей любви,

а вокруг —

хлеба до горизонта,

разбегайся — и плыви, плыви!..

И в волнах резвился, как хотел он:

«брассом» плыл,

переходил на «кроль»,

а в висках стучало оголтело:

«Соль!..

Соль!..

Соль!..».

* * *

Соль...

Какая ей цена —

семь копеек пачка, что ли?

Соль...

Кому она нужна —

разве жить нельзя без соли?

Можно.

Только иногда,

и когда известно — сколько.

Ведь без соли — и вода

только «аш два о» —

и только!

Не пытая докторов,

знаем мы еще по школе —

на две трети

наша кровь

из железа,

и — из соли.

Да к чему в науку лезть,

в ту,

что химия,

и в эту...

В жизни соль, конечно, есть,

но без соли —

жизни нету!

ЭПИЛОГ

Соль тогда он не донес,

лег,

но не расстался с нею...

С той поры

вокруг берез

хлеб в три раза солонее.

ЗЕРНО

В обычный день, когда

буханка хлеба

на стол ложится слитком золотым

горячим, знойным,

как в июле небо,

как август ярим солнцем налитым, —

я вижу не комбайны

и не жатки,

не замки элеваторных громад,

и даже

не размах алтайской жатвы,

когда часы

и люди парасхват.

И не моря хлебов —

хлеба морей бездонней,

а потому их сравнивать —

грешно.

Я вижу только борозды ладоней,

баюкающих

спелое зерно.

Бесхитростное,

нежное,

живое, —

мельчайший слепок
матери-Земли.
Как и она,
он возвратит с лихвою
все,
что мы, люди,
дать ему смогли.
Мы — с почестями,
он в наш дом —
со счастьем,
теплом согреем —
солнцем возвернет.
Вот почему
высоким словом
«Мастер»
тебя венчает, хлебороб,
народ.
Ты слышал — в зернах кровь земли
стучала,
и пульс был пульсу твоему сродни?!
Всего живого
на Земле начало —
в твоих руках,
держи,
не урони!

ТЫ ПОСЛУШАЙ...

Ночь стояла
по пояс в высоких хлебах,
теплый ветер
нагревшимся полем пропах,
я лежал, засыпая,
и чудилось мне:
слышу я,
как пшеница растет в тишине!
Мне пришлось много дани отдать целине,
а потом —
бить поклоны балтийской волне,
но я слышал
в гудящей от залпов броне,
как ночами пшеница растет в тишине.
Мне по-щедрому радости было дано,
и беда мне не раз постучалась в окно.
И тогда-то
мне было нужнее вдвойне
вспоминать,
как пшеница растет в тишине.
Люди, люди!
Зачем мы друг другу подчас
не прощаем обид?
Кто-то должен из нас
первым точку поставить
в ненужной войне
и сказать:
— Ты послушай,
пшеница растет в тишине!

«ПЯТЬСОТ-ВЕСЕЛЫЙ»

М. Родионовой

Как саранча
в ночи, врываются в села мы:
простили,
воровали — как когда...
Кто первый вас назвал
«пятьсот-веселыми»,
далеких лет шальные поезда?
Платформы, вдрызг разбитые теплушки,
телятники — с «плацкартой» вдоль стены...
Мешочники, картежники, старушки —
невольные попутчики войны.
Хоть и без них
в пристанционных селах
война немало дани собрала,
но если прибывал «пятьсот-веселый» —
милиция ночами не спала.
Сбивались с ног блюстители порядка, —
голодный люд порядки нарушал...
Лишь инвалид с растерзанной трехрядкой
особых опасений не внушал.
Он голосом, охрипшим от махорки,
нескладной песней изливал печаль,
и, как слеза на старой гимнастике,
блестела одинокая медаль.
С угрюмой болью, как-то виновато,
не отрывая от кисетов глаз,
ему, на фронт спешащие солдаты,
крутили самокрутки про запас.
Звенел зазывно рельсовый осколок, —
я и поныне помню этот зов, —
и трогался опять «пятьсот-веселый»,
наполненный печалью до краев...

НА ФРОНТ

...А нам не довелось играть в войну, —
не мы в нее — она играла нами:
на фронт мы убегали пацанами,
с вагонных крыш смотрели на страну
суровую,
в морщинистых траншеях,
в седилах непокошенных полей,
в деревнях под молчаньем тополей,
и в журавлях, сиротски тонкошеих.
Ловили нас в вокзалах оголтелых,
гоняли с крыш,
снимали с буферов,
И бегали мы так, что будь здоров! —
Хоть неизвестно, в чем душа сидела.
А поезд снова рельсы сотрясал,
и мы в углах —
черней бездомных кошек...
Когда бы не тепло людей хороших,
я этих строк уже бы не писал...

Дань отдавая добрым их сердцам,
и тех, кто гнал нас,
я прошу,
не троньте!
Ведь что мы знали, в общем-то, о фронте,
когда на помощь ехали к отцам?..
Теперь и мы коснулись седины,
уже давно отцами сами стали..
А впрочем,
что там крупповские стали,
когда у нас такие пацаны?!

МОНОЛОГ ГОНОЧНОГО МОТОЦИКЛА

*Многочисленной чемпионке России
по мотокроссу мастеру спорта
Н. Савченко*

Вам знакома буря мотокросса?
Вам уже от этого вопроса
жарко не становится в груди?
Вы мотали трассу на колеса
так, что сосны падали с откоса
и кололось небо впереди?
Нет?
Мне жаль вас,
мне за вас обидно.
Мне своих прожженных шин не стыдно, —
рамы в шрамах я не заменю.
Да, я измотал себя солидно,
но еще за два своих цилиндра
зацепиться в гонке заманю.
Ах, как это празднично бывало:
публика,
балдея,
прибывала,
булькал в нетерпении полный бак.
Я решал,
что с самого начала
так рвану,
чтоб ветру скучно стало, —
пусть на старте крутится, слабак!
Так и было.
Так оно и было:
все на трассе грудь моя дробила,
погляди —
все трассы на груди!
Но я помню, как меня знобило,
как от злости мелкой дрожью било,
если кто маячил впереди!
Черт с ним, что он тоже из металла,
что одна когда-то мать рожала
нас, всюю орущих близнецов.
Мне на трассе места не хватало,
если он не сплевывал устало
и не уступал в конце концов.
Гонка, гонка,
как ты скоротечна!

Знаем,
где отстать,
где подналечь нам.
До упора выжимая газ,
в заблужденье пребываем вечном
гонки,
А в итоге-то конечном
не бывает бесконечных трасс.
Старт!
Моторы рывкают разрывно
на рывке —
в клочки летит резина.
Жизнь — мой гонщик —
как ты там в седле?
Крутит трассу кругом абразивным.
Ну-ка ты,
посторонись, разиня,
дай прижаться поплотней к земле!
Взлет,
занос,
вразброс летят ухабы,
а разиня — вроде не из слабых.
Что ж,
давай посмотрим — кто кого?
Мне сейчас газку чуть-чуть хотя бы!
Есть?
А жизнь — иначе не могла бы —
Гонщика я знаю своего!
Впереди еще трамплин — я знаю,
не жалея,
пришпорь меня, родная,
слышишь,
сколько сил еще в груди!
Твердь сейчас развернется земная,
словно рана вскрыется сквозная.
Гонщик мой,
молю,
не упади!..

Взлет, еще..
Но что со мною стало?
Что стучать в цилиндрах перестало,
что во мне так тягостно звенит?
Почему ты дышишь так устало,
гонщик мой,
до финиша — так мало!..

Что?
Ты говоришь: «Начнем сначала!» —
Извини, родная,
извини...

Впрочем, нет!
Не вышло время наше,
мы еще попишем и попашем,
мы еще покрутим по земле,
мы еще соперникам покажем,
и друзьям на финише помашем
так,
как машет Савченко Наташа,
подбоченясь лихо на седле!

Борис Укачинович Укачин родился в 1936 г. в селе Каярлык Горно-Алтайской автономной области. В 1956 г. окончил национальную среднюю школу, в 1967 г. — Литературный институт имени А. М. Горького. Автор поэтических книг «Есть такая земля», «Ветка горного кедра», «Земля синего неба», ряда прозаических произведений. Член Союза писателей СССР. Живет в г. Горно-Алтайске.

Борис УКАЧИН

УБИТЬ БЫ МНЕ ГОЛОД

ПОВЕСТЬ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА. Пожалуй, я больше автора волнуюсь за судьбу повести «Убить бы мне голод» и вот почему — Борис Укачин знаком русскому читателю и стихами и прозой, и эта его повесть — одна в ряду других. Для меня же она — первый опыт перевода. Почему же тогда я брался за него? Во-первых, хотелось попробовать, во-вторых, между Россией и Алтаем давнишние, уходящие в глубь веков связи, вспомним хотя бы легендарное Беловодье — страну, где нет плачущих от горя, ведь она, по преданию, именно на Алтае и заселена выходцами из России, в-третьих, я бывал на Алтае и влюбился в него с первого взгляда. Ну, хорошо, скажут мне, это все к делу не относится, ты же не знаешь алтайского. Да, не знаю. Но я читал стихи и прозу Бориса Укачина, особенно книгу «Эхо вечного Алтая», и это мне помогло. Читал алтайские сказки и алтайский героический эпос «Маадай-Кара». Читал, чтобы войти в звуковую ритмику, нет, скорее, в звуковую гармонию, так как ритмика подчиняет, а к гармонии идешь через душу; но главное, вот что главное, — когда я читал подстрочник автора, то увидел столько сходного в своем детстве и детстве, описанном в повести, то это и решило дело.

Жаловаться же на то, что хлеб переводчика тяжел, нельзя. Он труден, но радостен. Для меня было важно, чтобы переводчика в повести не чувствовалось, чтобы сохранился образный строй, а особенно та нелегкая правда жизни, которая только одна и приличествует литературному процессу. Говоря о сходстве судеб, я не имел в виду буквально сходство занятий, они в Вятке и на Алтае разные, имел в виду одно — чем жили в духовной жизни люди в разных концах Отечества.

А жили они верой и ожиданием. Наша страна единственная, может быть, на земном шаре, побеждавшая в истории не только силой своей армии, но и всем народом.

А в заключение воскликну: о, великий Алтай-Кудай — Бог-Алтай, прими скромный труд русского человека, чтобы труд одного из твоих сыновей стал известен далеко-далеко от своих сияющих вершин.

В. КРУПИН

ГЛАВА ПЕРВАЯ, где я вспоминаю избушку семерых доярок в урочище Кайру-Бажи

Борбок-Кара вошел в палату совсем неожиданно, и я, увидев его, от удивления закричал:

— Ба!.. Как это так?! Ты ли это?

О, алтайский кудай-бог! Как здорово он изменился. Раньше, в те давно забытые дни, разве он был таким?!. Прежними остались только глаза: спокойные и холодные. И со дна этих глаз на меня тихо и тайно глядит еще один человек.

И я тут же, воочию, увидел избушку в урочище Кайру-Бажи, где жили семеро доярок и их многочисленные дети. Алтайцы бы, конечно, не сказали «многочисленные», а опоясывающие очаг дети.

У избушки не было крыши. Вместо окна была дыра, закрытая не то телячьей, не то овечьей шкурой, иначе бы от зимних ветров и морозов нам не спастись. Домик был похожим на одноглазого печального человека. Глубоко придавленный к земле, он будто стеснялся своей слепоты и бедности.

Кайру-Бажи — это в переводе Вершина Кайру. Это зимнее стойбище дойных коров. В маленькой и единственной во всем урочище избушке жили семеро женщин-доярок со своими детьми. Да, семеро одиноких доярок. Их мужья ушли, как тогда говорили, на кровавую войну.

Вечером, когда наши матери возвращались с работы, было очень тесно в маленькой и одноглазой избушке. Особенно во время еды — негде сесть. Поэтому какой бы мороз ни скрежетал во дворе своими клыкастыми зубами, некоторые из нас не ходили в избу, оставаясь в островерхой юрте-виле, покрытой корой лиственниц. Почему-то более всего в зимней холодной юрте оставалась Кару со своими четырьмя детьми.

Малыш был совсем ребенком. Я дружил с Метиреем, средним сыном тетушки Кару.

И вот со своими четырьмя детьми тетушка Кару чаует посреди зимы в холодной юрте. Да, чаует. Ведь кроме чая ничего густого и сытного нет. Если бы в руках детей каждый раз кроме чая оказывалось по маленькому кусочку алтайского сырчика-курута или мучной лепешки, испеченной в жаркой золе очага, тогда, конечно, никаких слез, криков и драк не могло бы быть. Голодные дети — что собаки, дерущиеся из-за где-то найденной косточки.

Вчера колхоз каким-то образом добыл немного ячменного зерна. Каждому работающему досталось не много и не мало — всего по одному килограмму. Из этого зерна Кару приготовила полкилограмма талкана — жареной муки. Как она теперь разделит между своими голодными детьми и на сколько дней этого талкана им хватит?

Наши места суровые. Богатого хлеба не вырастишь, да и кому заниматься хлебопашеством? Нет людей. За скотом некому присмотреть. Нет ни трактора, ни одной машины.

В наших местах даже картошка не растет. Изредка, правда, привозили в зимнюю пору мерзлые, как лошадиный помет, картошины. Тетушке Кару доставалось примерно с ведро. На сколько дней хватит ведра картошки на пятерых?.. Ведь дети всегда хотят есть и даже чаще — больше старших.

— Дай, мама, еще талкана, — Метирей, протягивая руки, подает матери свою деревянную чашку.

— На тебе талкан! — Кару большой и черной, потрескавшейся от постоянной работы и мороза ладонью шлепает сына по рту, а сама молча глотает светлую кипяченую воду.

В хорошие времена алтайцы пьют чай с солью и молоком. Соли

теперь тоже нет. Настоящего чая днем с огнем не найдешь. Вместо чая заваривали корни трав и растений или томон — отходы от жареного зерна, то есть скорлупу ячменя.

— Дай мне еще картап-картошку! — Малайт глядит на мать своими острыми, как иголка, зрачками. — Есть хочу, я не наелся...

— На тебе картап! — черная ладонь тетушки Кару закрывает рот маленького Малайта.

Метирей, Паша, я и братишка Борбок-Кары горбатый Атыр — все мы одногодки. А Борбок-Кара старше нас лет на пять или на шесть. Ростом он был невысок, но крепок. Глаза круглые, черные и холодные...

Вот он стоит. Только что перешагнул порог моей больничной палаты. Бородатый. Каким-то странным он теперь стал. Не так-то скоро его узнаешь. Прежними остались лишь его глаза...

«Ба-та!» — восклицаю про себя. Мне кажется, давая новорожденному имя, алтайцы предугадывают, каким будет его внешний облик. И потому многие имена похожи на их владельцев. Посмотрите на Борбок-Кару, как он похож на свое имя! А что значит «Борбок-Кара»? «Борбок» — наполненный, полный, даже круглый, а «кара» — черный. Так и есть — мой Борбок-Кара крепкий, полнецкий и, если добавить к этому его пышно-окладистую и черную, как смоль, бороду, то совсем похож на свое имя. Удивительно, не правда ли? Только что на свет божий появился человечек, а тот, кто дает ему имя, предугадывает, каким он будет. А в иных случаях имена могут за много лет вперед почти точно определить характер человека.

Ко мне пришел предводитель моего детства. Нет, как он все-таки схож со своим именем! Посмотрите на щеки его. Будто он постоянно держит воду во рту. Руки и ноги короткие, движения медленные, уверенно крепкие.

Тихо наблюдаю за Борбок-Карой и на память приходит давнее и очень многое: исчезают прожитые годы, живыми голосами говорят давно ушедшие люди, мычат на летних и зимних стойбищах коровы. Четко вижу масти коней и коров, родные горы и долины. В моих ушах шумят давно спиленные деревья. Вижу скалы, дороги и тропинки, реки и ручьи родных нам Кайру-Бажи и летней стоянки Актел...

Борбок-Кара сел на табуретку рядом с моей койкой. Улыбается. Смотрит на меня. Радостно объявляет:

— Я тоже тут, в этой же больнице отдыхаю! Курортничаю, Барыс! Вот какова по-литика! — Он с детских пор любил при каждом случае вставлять в разговор слово «политика», и причем это у него получалось не слитно, а отдельно: «по-литика». — Ну как дела, что случилось, парень, с тобой?.. Тяжелой работы ты давно не делаешь. Обманывая людей, мажешь чернилом по бумаге — даром получаешь много денег. При такой жизни разве можно болеть так тяжело?.. Ой-ой-ой, как ты здорово постарел!

Борбок-Кара сильно удивляется, как я постарел, а на себя-то не посмотрит. Годы и его не пощадили. Глубокими бороздами легли морщины на его узенький лоб. Под глазами бугрятся мешки. Больные почки, наверное.

Ведь и я впервые лежу в больнице. И даже смешно, что и палата, как у Чехова, номер шесть.

Алтайцы об умершем говорили раньше, что он уехал в страну Кара-Тонош, за солью. Вот и я чуть не отправился за этой горькой солью. Но спасибо врачам!

Услышав голос Борбок-Кары, я чудом воображения оказался в Кайру-Бажи. Тело мое на больничной койке, а душа летит, бежит по косогорам и полям страны моего детства. Босоногим и полуголым мальчишкой шагаю, бегу, плачу и смеюсь, мчусь на коне, отчаянно дерусь со своими сверстниками.

Борбок-Кара, Борбок-Кара, однако ты странный человек. Оказывается, ты и болеть умеешь! Никогда я не думал, что ты можешь попасть когда-нибудь в больницу. Может быть, я зря предполагал, что твой организм из камня или железа?.. Ай, Борбок-Кара, ай, Борбок-Кара... Обожди, последний раз мы когда же встречались?..

А-а, вспомнил, ясно. И это дело было связано со стоянкой, с твоей работой. Верно ведь, это было не так-то давно. С того времени самое большее прошло лет десять.

Тогда мне пришлось написать о Борбок-Каре фельетон и опубликовать в нашей областной газете. После этого его чуть ли не судили. Таскали его туда-сюда, но все же под конец отпустили. А дело было так: в урочище Кайру-Бажи, возле того самого единственного домика, в последние годы стала зимовать отара овец. За ней ухаживал Борбок-Кара.

Зима. Как в давние годы, трещал сильный сибирский мороз. Борбок-Кара, видать, не заметил, как несколько сот овец гурьбой зашли в загон, где хранился стог сена. А овцы — они не лошади и не коровы, ибо они могут из-за клочка сена затоптать друг друга. Упадет одна овечка, другая и, наступая на них, полезут к сладостному и желанному корму остальные. Так погибли сразу более сорока овец.

Как быть, что теперь делать, как оправдаться?.. Очевидно, Борбок-Кара об этом много думал и страдал. И потому, не найдя другого выхода, он... запел. Запел?! Что за чушь, скажете вы. А он на самом деле сидел среди погибших овец и пел протяжную алтайскую песню.

В тот день случайно приехал в Кайру-Бажи совхозный ветеринарный врач Диман. И вот он с ужасом видит, как чабан с ножом в руках сдирает шкуры с мертвых овец и сам при этом, словно ничего не случилось, поет песни. В руке чабана острый, сверкающий на зимнем солнце нож, а кругом красный снег. Ужас! — других слов не найдешь.

— Что это такое?! — крикнул ветеринар Диман.

Чабан, перестав петь, размахнулся ножом. Молодой ветеринар, конечно, едва не потерял сознание от испуга.

— Руки вверх! — закричал Борбок-Кара. — Тебе ездить по стоянкам на хорошем коне, а мне вечно одному страдать... Ишь, начальник нашелся! Я тебе покажу, что это такое!

Ветеринар больше ничего не смог сказать человеку, у которого в руках обгаренный нож. Даже показалось Диману, с лица Борбок-Кара брызгала кровь. Некуда деваться — пришлось ему бежать назад, к своему коню. А Борбок-Кара, как разъяренный барс, с рычанием бросился за ним. Хорошо, что Диману удалось вскочить в седло и ускакать в Кайру, где совхозная ферма. Представьте себе, если ветеринар попался бы в руки чабана, что бы случилось, а?..

— Преступление! — закричал Диман, войдя в контору. — Почему вы доверили пасти совхозных овец, да еще племенных овец, сумасшедшему человеку?! Ножом режет одну за другой и поет песни. Скажите мне, пожалуйста, что это такое, товарищ управляющий?

— Кто, где поет и каких овец режет?! — удивился управляющий. — О чем вы говорите, мой молодой друг?..

— Отправляйтесь немедленно! Сейчас же привезите его сюда! — ветеринар Диман продолжал кричать, удивляя всех присутствующих в конторе. — Говорю же я вам, он там сидит и поет и режет овец одну за другой... Отправляйтесь, иначе всю отару зарежет.

В это время я в качестве корреспондента областной газеты приехал в родной Кайру и как раз сидел в конторе.

Прежде всего управляющий и другие люди, сидящие тут, слушая истерические крики, глядя в глаза молодого ветеринара, которые, казалось, вот-вот, как две испуганные птицы вылетят из своих гнезд, подумали о том, что парень заболел. Что случилось с молодым человеком, что с ним?.. Потом кое-как разобрались. Оказывается, он правду

говорил. Вот именно тогда я и написал о халатности, даже о лентяйстве Борбок-Кары свой ужасный фельетон.

О, высокий кудай-бог, какой я тогда был наивный и торопливый! Очевидно, думал о том, что нашел для газеты острый материал. Молод был. Теперь ни за что бы не написал, скажу прямо, такую дрянь. Это же было горе чабана. Ведь он запел-то от большой боли и потрясения.

Борбок-Кара и сейчас чабанит. В том же урочище Кайру-Бажи зимует. Почему-то совхоз до сих пор на этой стоянке не построил нового дома. Но домик тот, где в годы войны жили семеро доярок и их дети, сейчас выглядит чуть получше. Единственное окно шкурками незатянуто, застеклено. Кроме того, приподнята и покрыта шифером крыша. Ничего, стал похож на дом. Старый, конечно, но на мир смотрит бодро, приподняв плечи. И еще — внутри домика не железная печь, а сложили кирпичную, русскую. В ней теперь можно печь сколько угодно душистого, русского, отличного хлеба. О, это великое слово «хлеб»...

За тех погибших овец Борбок-Кара кое-как расквитался, но как именно, я лично не знаю. Помогли, конечно же, родственники Борбок-Кары...

Мой гость вдруг улыбнулся хитровато:

— Да, скажи ты мне, Барыс, за фельетон сколько ты тогда получил денег? Наверное, много, а?

Слыхали, каков мой друг Борбок-Кара? Не так уж просто он завялся ко мне. Издеваться он умеет.

— Ну-ну... не сердись, друг мой. Я так, от нечего делать просто говорю. Тфук! Забудь всю эту политику, — засмеялся Борбок-Кара.

Хорошее слово «друг». Вот и Борбок-Кара считает меня своим другом. Все-таки странно, когда так сильно я заболел, никто из городских друзей до сих пор не перешагнул порог этой горестной палаты. Никто из них не спросил и не позвонил, мол, улучшается ли твое здоровье, как идет лечение?.. Поскольку я до этого никогда не болел и в больницу не попадал, в серьезность моей болезни, наверное, они не верят. Может быть, я нужен им, когда здоров и трудоспособен? А вот Борбок-Кара, какой бы он ни был, пришел же ко мне. Он не только сам пришел, но с собою привел свежесть ветров и снегов родного нам Кайру-Бажи, хотя и трудную, но красоту нашего детства.

Борбок-Кара, Борбок-Кара — настоящий ты батыр и добрый ты человек!

А где теперь твой братишка Атыр? У него тоже нелегкая судьба. В детстве он сильно болел и почти не поднимался с постели. Мне вспоминаются его уши. Они у него были торчащими, как у горной косули. А как он страдал от первой любви! Ты этого не знаешь, тогда ты был в армии, Борбок-Кара. А какой сильный удар нанесла по твоему юному сердцу твоя первая любовь, помнишь, друг мой, Борбок-Кара?..

Сидит передо мной совсем другой человек — тихий, добрый и глубоко задумчивый. Может быть, это не Борбок-Кара?.. Вместо него передо мной сидит какой-нибудь таинственный кудесник?

— Твоя мама была очень хорошим человеком, — вдруг сказал он. — Да, добрая была тетушка! И нету ее сейчас. Жалко! Сколько нас она жалела, помогала каждому, кормила.

Эти его слова подействовали на меня, словно горячий, а потом холодный укол. По телу побежали мурашки. Я ничего не мог ответить Борбок-Каре. Лишь посмотрел на него. А он, не глядя на меня, уткнувшись взглядом под ноги, продолжал:

— На похоронах твоей матери, прости, не смог быть. Занят был, в тайге находился. С этими овцами иногда даже некогда взглянуть на солнце, стоящее над головой, Барыс. А мать твоя хороший человек. Ничего плохого не могу сказать о ней. Когда она работала старшей дояркой в Кайру-Бажи, нас, детей остальных доярок, старалась выручить, не дать в руки голода. Настанет зима, она подоит свою белую ко-

рову и кобылицу своего старого отца, надоит молока и из него сварит эдегей — творог или сыр-быштак, сама не поест толком, раздаст всем поровну. Ба-та! — восклицает Борбок-Кара, — какой вкусный был эдегей-творог и сыр-быштак! Их вкус и запах мне до сих пор помнятся.

Защемило в моих ноздрях и глазах. Захотелось плакать, но кое-как удержал себя.

— С тех пор я не ел такой вкусной еды! Запах той еды будто доньше живет в моем теле. Вот и сейчас все это я чувствую, хотя прошло много лет, — он, рассказывая о доброте моей матери, дальше еще больше удивил меня и тронул. — Ба-та, друг, когда мне прочитали, как ты пишешь о своей матери, поверь мне, я чуть ли не заплакал. И вспомнил свое детство, свою маму. Жизни наших матерей были нанизаны на одну ниточку.

Да, Борбок-Кара прав — все они жили одним страданием, одной душой и желанием. Как и мы, их дети, постепенно лишившиеся матерей:

Зимую первую зиму без матери —
Очень холодно...
Где бы ни сидел,
Каждый смех чужой,
Каждая шутка чужая
Кажутся мне издевательством
И от них мне больно.
Без матери сердце мое —
Не сердце, а кровавого мяса кусок.
Нет уюта вокруг меня,
Войду в дом, выйду во двор —
Под этим белым светом
Будто я один остался совсем.
Зимою, под холодную луну,
Словно без шапки иду...

Ах, мамы, мамы... Какое трудное время и доля вам достались и как вы нас, безотцовщину — голодных мальчишек и девочек, — подняли, сделали людьми под высоким сводом белого света?! Матери наши, дорогие, ласковые и добрые матери!..

Нет, я не зря говорил о том, что Борбок-Кара человек странный. Его печальный вид неожиданно исчез. Он стал веселым, посмотрел на меня и громко начал хохотать:

— Эй ты, парень, Барыс, помнишь ли старика Папая или ты о нем совсем забыл?

Как же мне не помнить дедушки Папая!

— А помнишь, как он утром открыл дверь и закричал: «Эй, Борбок-Кара, выйди сюда! Выйди сюда! Выйди ко мне, Борбок-Кара, я сообщу тебе большую радость!..»

Тут в палату вошла Ольга Петровна — мой лечащий врач:

— Что это за шум и смех, что тут происходит?!

Борбок-Кара, превращаясь опять в другого человека, тихо зашептал мне:

— Ты таким врачам особенно-то не верь, Барыс. — При этом украдкой взглянул на золотистые волосы и на большие голубые глаза Ольги Петровны, шутливо подмигнул мне краем своего небольшого правого глаза, несколько раз чирикнул звонко: «Чинг-чинг-чинг» и тихо шепнул по-алтайски: — Ай, какая бабенка, а?! По-литика!..

— А вы, товарищ больной, отправляйтесь-ка немедленно в свою палату! — скомандовала Ольга Петровна, покрасневшая от смущения.

— Ай, какая бабенка тебя лечит!.. Но все равно не верь ей, Барыс, — повторил Борбок-Кара, медленно приподнимаясь с табуретки. — Надо тебе ехать в тайгу, в Кайру-Бажи. Надо пить целебные воды родных гор, настой знаменитого теперь золотого корня. Вот тогда,

возможно, станет тебе лучше, — наказав так, направился было к выходу, но, не сделав и трех шагов, повернулся ко мне через левое плечо большой черной головой. — Пока. Завтра приду. Опять будем вместе вспоминать родной наш Кайру-Бажи, — и ушел...

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой я рассказываю об Ольге Петровне — моем лечащем враче

Я хотел было рассказать о некоторых смешных случаях между дедом Папаем и Борбок-Карой.

Почему решил дед Папай ранним зимним утром заехать к нам на стоянку, зачем ему нужен был Борбок-Кара, что за большая радость ожидала моего друга... Тут, как отрубленный острым топором аркан, прервалась моя мысль — вошла Ольга Петровна.

Впервые, когда я ложился в эту палату, состояние мое было очень плохое. Врачи долго гадали — что болит у меня, желудок или печень? Несколько дней подряд, кроме какой-нибудь жидкости, ничего я не мог есть. Теперь чувствую себя намного лучше. Можно сказать, что стал почти здоровым. После тяжелых и долгих мук, встав на ноги, как я не буду верить врачам, в особенности такой доброй и ласковой Ольге Петровне?! Что бы там ни случилось, но своему доктору буду всегда благодарен. За последние дни будто бы мост невидимой дружбы и милой, полущуточной беседы образовался между нами.

Я встречаю Ольгу Петровну строчками стихов мною любимого Назыма Хикмета:

— Здравствуйте, «солома волос, ресниц синева!»

— Спасибо, — отвечает доктор, — но героиня этих строк — любовь великого поэта. Куда мне до нее, — потом, показывая свои белоснежные зубы, лучась добрыми глазами, обязательно улыбнется.

От ее улыбки в палате светлеет. Мне кажется теперь, что я выздоравливаю не только при помощи хороших лекарств, но и от этой улыбки. Лежа тут, ежедневно глядя на нее, невольно я написал такое вот стихотворение:

Как красиво улыбается
Эта русская женщина:
Улыбка ее белоснежных зубов,
Улыбка глаз небесного цвета —
Наполнены добротой и красотой!
Чья же она печаль такая,
Чье же счастье бережет она?..
О, боже мой, подумать только! —
Вдруг с лица прекрасной России
Исчезнет куда-то улыбка такая,
Нигде никогда не покажется,
Лаской этой никто не одарится.
Вместе с потерей улыбки этой
Российские просторы бесконечные,
Небо голубое над землею
Станут вечно сиротливыми,
Пустынными, одинокими.
Если исчезнет такой смех —
Красота человека
И красота нашей земли
Тут же погаснут,
Бурьяном и пылью покроются!
И умрет душа живая и добрая,
Если исчезнет такая улыбка!

Здоровье мое улучшалось, но силы мои за время болезни иссякли. Доктор что только не предпринимала: ставила капельницы, около лит-

ра крови живой и свежей перелила — в общем, делала многое. А теперь «ты ей не верь...». Как это так, почему я должен не верить ей?

Разбросав поверх белоснежного халата золотисто-пышные волосы, она легкой и нежной рукой держит мою ослабшую руку. Иногда мне кажется, что она может вылечить человека всего лишь прикосновением, лучами глаз небесного цвета и звуками своего голоса.

— Кто это был? Мне кажется, обо мне он что-то сказал недоброе. Почему-то я сказал:

— Это был Борбок-Кара... Тибетский врач.

— Борбок-Кара? И чем он хотел вас лечить? — заинтересовалась Ольга Петровна и, подозрительно улынувшись, сказала: — Может быть, ваш «тибетский» врач хотел лечить сорокаградусной, а? Вам этого никак нельзя, иначе...

— Не-е, не сорокаградусной, — начал я тут же оправдываться. — Поедем, говорит, в тайгу. Буду, говорит, лечить разными травами, ничуть не хуже Ольги Петровны, говорит, буду лечить...

— Так, значит, к вам приходил древнетибетский врач, — засмеялась Ольга Петровна, — я и не догадалась, прогнала потому... а ваш новый врач не сулил ли лечить вас мускусом кабарги?

Тут я, конечно, вспомнил о том, как мы с Борбок-Карой и другими ровесниками из Кайру-Бажи когда-то ставили ловушки и петли на различных зверей; и в том числе на кабаргу.

— О-о, в петли тибетского врача много раз попадались эти мускусные зверьки. Он умеет с ними обращаться.

Ольга Петровна вспомнила, как она совсем недавно прочла книгу «Очерки китайской медицины».

— Какой бы интересной и ценной книгой она ни была, но я уверен, что мой Борбок-Кара ее не читал.

— Да, любопытная книга, — ответила Ольга Петровна. — Ведь интересно же знать, какими средствами и методами пользовались древние китайские врачи. В качестве лекарства применяли и золото, и жемчуг. Больным давали «озолоченную» воду, то есть либо такую, которая стояла в золотом сосуде, либо ту, в которой лежало золото. А если золотую пыль употребить, смешав с маральей кровью или с медвежьим салом, то, говорят, хорошо помогает легочникам. Еще взять, например, так называемую «лунную воду», кто-то мне сказал, ею раньше пользовались и алтайцы. В лунную ночь на улице оставляли зеркало, а утром собирали с него всю воду и промывали глаза. Лечат трахому.

— Это сам я видел, — отвечаю Ольге Петровне, — алтайцы раньше утренней росой промывали глаза. Вот у меня был еще один друг, звали его Метиреем. Его большие глаза наши «врачи», как древние китайцы или тибетцы, промывали росой и дождевой водой. А еще в наших местах жил старик по имени Папай. Охотник знаменитый. Он всегда медвежьим салом растирал суставы рук и ног. И при этом утверждал, что организм, пропитанный медвежьим жиром, не боится никакого мороза и любой простуды. Пример этот впоследствии перенял и мой друг Борбок-Кара.

— Значит, ваш друг — тибетский лекарь? — Ольга Петровна засмеялась. — В таком случае зачем бы ему лечиться у нас?

— Коль вы, Ольга Петровна, подвергаете сомнению древние методы лечения, то ради чего ими интересуетесь?

— Современная медицина всем интересуется, — серьезно ответила мой доктор. — Надо прежде изучить, лишь потом перенимать или отвергать. Для примера возьмите ту же тибетскую медицину. Ей около трех тысяч лет. В ней опыт древней Индии, Китая, Цейлона, Бирмы.

Далее Ольга Петровна увлеченно начала рассказывать, что тибетская медицина отрицает общие лекарства, пригодные для всех. Каждый организм — это особый мир. На земле не то что людей, нет абсо-

лютно похожих даже двух цветков. Муравьи и те бывают разными. К каждому организму надо относиться по-особому. Для того, чтобы прикоснуться к большому человеку, тот же тибетский медик, например, учится около двадцати лет. И потому, наверное, такой врач знает свыше трех тысяч точек на человеческом теле, куда можно вводить иголку без повреждения тканей и без особой боли тому, кто страдает недугом. Иголкавание — это есть одна из тайн, и этому мы должны учиться...

Глядя на Ольгу Петровну, почему-то вспомнил одну из семерых женщин, работавших доярками там, в вершине Кайру. Ее звали Кыйгас. Ее бархатисто-черные волосы были такими же длинными, пышными, как у Ольги Петровны, так же густо и красиво сверкали, переливаясь на плечах и стройной спине. Женская красота не только во внешности, она прячется еще и во внутренней доброте. Но Кыйгас, молодая доярка, работавшая вместе с моей матерью, никогда так счастливо не смеялась, как Ольга Петровна. Ее жизнь и труд, судьба ее, конечно, совсем другая. О той прекрасной и молодой женщине, работавшей в годы войны в Кайру-Бажи, никто, конечно, не сочинял стихи. О ее волосах, например, никто не говорил: «Женщина расчесывала ночь». Потому что не только в маленьком Кайру-Бажи, но и во всей деревне Кайру не было почти мужчин. Некому было любить ее и восхищаться. Мужчины были на фронтах и еще в каких-то неизвестных нам краях. Если бы вдруг среди тех семерых доярок появилась бы такая счастливая, с золотыми волосами женщина, я не знаю, что бы там случилось в то время.

— Лечебная сила есть и в серебре, — еще более вдохновляясь, продолжала Ольга Петровна. — В индийском походе Александра Македонского один за другим стали умирать от какой-то болезни солдаты. Но почему-то военачальники не страдали от этой страшной болезни. Оказалось, их спасли серебряные фляжки, они питьевую воду хранили в них. — Мой доктор вдруг осеклась: — Болтаю и болтаю, а вы, вижу, меня давно не слушаете! Что такое, о чем вы так усердно думаете?

Не ответив на ее вопрос, уклончиво улыбнулся я:

— Наверное, космонавты в свои полеты берут «серебряную» воду, а?

— Да, да, вы не смейтесь, пожалуйста, об этом я тоже читала.

Хотя я гляжу на Ольгу Петровну, но в то же время четко вижу ту избушку в урочище Кайру-Бажи. Предо мной лицо Ольги Петровны, ее ослепительно белый халат. А где-то там, за этим лицом и халатом, мерещатся густые черные, как ночь, волосы Кыйгас. А из-за них друг за другом появляются лица остальных женщин-доярок, их вечно печальные глаза. Какие костлявые и беспомощные их плечи! Именно вот на этих плечах невидимым грузом лежат судьбы родного колхоза и даже страны, будущее маленьких и голодных их детей. Как я это забуду и когда могу забыть, Ольга Петровна, «солома волос, ресниц синева»?

Ольга Петровна, какие красивые и белые у вас пальцы. В те годы я таких пальцев никогда не видел, поверьте. Ольга Петровна, ваши ногти покрыты красным лаком. В мочках ваших ушей, как две луны, ослепляя меня, горят золотые серьги. И что делать, опять я вижу худые, потресканные руки наших матерей, живших в немыслимом для вас урочище Кайру-Бажи. Вечерами и утрами, зимой и летом пальцы тех женщин доили коров, умели крепко держать вилы, которыми до войны мужчины метали большие и высокие стога. Руки их умели делать все: тяжелыми лопатами вычищать навоз, схватив за хвосты и головы, поднимать на ноги от худобы и бессилия упавших коров. Снова мне видятся сквозь годы их рваные овчинные шубейки. А какая была грязь, особенно после больших ливней на летних стой-

бицах. Утопая в ней во время дойки, в холодные осенние дни наши матери ходили без обуви. Я вижу их грязные, облепленные черной глиняной жижей ноги. Вижу их покрасневшими от холода, вымытыми росными травами...

Ольга Петровна, Ольга Петровна... Поймите меня, простите меня, мой доктор, добрая, красивая, «солома волос, ресниц синева». Я закрыл глаза. Я в самом деле хочу спать, я столько ночей в своей жизни не спал.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,
где я решил рассказать о дедушке Папае,
об его русском хлебе и о страшной судьбе Текемея —
моего ровесника

Эх, Борбок-Кара, Борбок-Кара. Дверь моей палаты не один ты открыл, через ее порог перешагнул не один. Ты с собою сюда принес легкий гул ветров над нашими полями, отзвуки громов и отблески молний, что прошли грохоча над нашими черными головами. Прохладу темно-голубых кедров и остроконечных елей, запах парного молока услышал я, и голова закружилась. Ты принес цветение многих весен, шорохи и скрипы белогривых зим забытого мною Кайру-Бажи. Слышу я знакомый с детства запах алтайского арчи — сыра, чую горьковатый дым над юртой. Тонким, чуть заметным туманом он тянется на фоне летнего голубого неба. Я слышу ржание коней и мычание коров.

Борбок-Кара, разве не видишь мальчишку, у которого рубашка истлела почти, разве не видишь его невымытое, грязное лицо? Так-то он, белокожий мальчик. Но изо дня в день копает он норы кротов и сусликов, чтобы ставить на них свои капканы. Это — я, мое детство возвратилось ко мне. Ты его привел, Борбок-Кара. Рядом с тобой стоят еще двое. Одного из них, у которого совсем нет рубашки, спина и ребра испачканы землею, зовут Метирей, он один из четырех детей вдовы Кару. А рядом с Метиреем стоит Паша, сын другой вдовы, Тообос. Не только ладони, но и верхняя часть обеих рук у Паши, как чешуя рыбы, — твердая и в ссадинах. Это тоже оттого, что каждый день ему приходится копать норы тех же сусликов и кротов. У всех такие руки, в трещинах, как зимняя земля, расколота морозом.

Паша надел какую-то очень грубую рубашку. Видать, сшита из материала, из которого делают лишь мешки. Поверх рубашки тонюсенький кожаный ремень. А между ремнем и телом он ловко ряд за рядом умудрился прицепить убитых им сегодня кротов и сусликов.

Ранняя весна. Середина месяца возрождения — апрель. Снег на склонах гор растаял. А в лесу и на полях земля прострая. В некоторых местах снег растаял, а в некоторых — еще держится. Вот в такую пору Паша, Метирей и я во главе с Борбок-Карой выходим на охоту. Из Кайру-Бажи спускаемся пониже. Тут солнце ярче, теплее. Склоны гор освободились от снега. Стало быть, уже просыпаются от зимней спячки суслики, начинают бегать по старым норам-коридорам, искать себе сладкие корни. Роют новые ходы, выбрасывая наверх земляные стожки. А кроты и суслики в то время были наравне или даже дороже золота. Прежде всего мы ловили их ради мяса, чтобы от голода не умереть. А потом, когда сдашь шкурки в госторг — вот тебе и праздник! В нашем колхозе «Яны-Дьол» — «Новый путь» — в то время не то что муки и сахара, даже чашки ячменного зерна не было. А мы, пацаны, сдавали в госторг шкурки кротов и сусликов, за это получали муку, сахар и помогали семье. Подумать только! Не то что мы, мальчишки-полусиротки, даже взрослые, например, как дедушки Папай и Ярын, каждому более чем по семидесяти лет, и те охотились за этими ничтожными зверьками. Если человеку трудно, если он во что бы то

ни стало хочет выжить, видеть над головой солнце, дышать воздухом родной земли, дожидаться возвращения своих отцов, сыновей и братьев, поверьте, он перешагнет даже невозможное. Одна из самых страшных бед на земле — это голод.

Из семи доярок, работавших в Кайру-Бажи, самой пожилой была тетушка Тудар. В связи с нашей охотой на кротов и сусликов мне придется вспомнить о ее сыне Текемее.

Текемей промыслял с нами вместе. Но ему, надо сказать, было значительно трудней и горестней. Потому что у Текемея было особое задание, попробуй не выполнить. Он каждый день должен был ловить не менее десяти сусликов и кротов. Таков наказ матери. Если Текемей приносил, например, семь сусликов, мать не то что его кормить, а в дом не пускала.

— Ночуй, где хочешь! Не показывайся мне! — сероватые глаза тетушки Тудар сверкнули холодным льдом. А у нашего друга и ровесника Текемея были такие же стального цвета глаза, как у матери.

Если Текемей приносил домой восемь сусликов и кротов, то мать его пускала ночевать, но не кормила. Друг наш это знал заранее. И потому, войдя в избушку или в юрту, тут же, закрыв голову старой овчинной шубой, ложился спать. В тот день, когда Текемею удавалось наловить девять сусликов, домой он возвращался с легким сердцем. Мать сегодня его пустит в дом и покормит, хотя все же останется еще одно наказание — разговаривать с сыном не станет.

Тяжело и горстно бывало Текемею, когда он убивал меньше восьми кротов и сусликов. Солнце, возвращаясь домой, своими лучами коснется хребтов западных гор, суслики, перестав бегать, спрячутся в своих теплых норах, плохо станет на душе Текемея — ему некуда деться. Как теперь идти домой, какими глазами смотреть на мать?.. Часто, чуть не плача, он просил:

— Если завтра я перевыполню свою норму, то возвращу обратно. Дайте мне сегодня по одному суслику или кроту...

Сперва мы жалели его и просьбу выполняли. Даже наш предводитель Борбок-Кара установил между нами очередность: сегодня, скажем, я, завтра — Метирей, послезавтра — Паша, затем сам Борбок-Кара давали Текемею сусликов и кротов. Но каждый раз выручать его было накладно. Мы хорошо знали, что шкурки, отданные Текемею, завтра станут сахаром и мукой.

Не могу сказать, что тетушка Тудар была жадной. Она так безжалостно относилась только к своему сыну. К чужим детям была ласковой и доброй. Ничего им не жалела, была щедрой, даже чрезмерно. Например, если мать моя уедет куда-нибудь, то за нашей маленькой сестренкой следила тетушка Тудар. Она не только молоко и сметану давала ей, даже кормила испеченной в жаркой золе мягкой мучной лепешкой. Много раз она спасала от голодной смерти младшего братишку Метирея — маленького чумазого Малайта...

Однажды, как Текемей ни унижался и ни плакал перед нами, мы ему перестали давать своих сусликов и кротов. Он был самым хорошим ловцом и охотником. Занимал после Борбок-Кары второе место. У него и капканов было больше, чем у нас.

После нашего отказа он перестал ходить на охоту с нами. Промыслял отдельно, но недалеко от нас. Сперва мы как-то не заметили, что он хитрит. Но позднее все выяснилось. Оказывается, он решил одновременно заниматься двумя делами: чутко следить за нами и за своими капканами.

Однажды Борбок-Кара сказал:

— Пацаны, давайте сегодня будем следить за Текемеем.

— А что случилось? Пусть сам себе ходит, зачем следить за ним?

— Пока не спрашивайте.

Мы специально с шумом и гамом прошли недалеко от Текемея,

будто идем купаться. А спустя некоторое время, крадучись, укрываясь за холмиками и бугорками, тихо поднялись по глубокому логу к своим капканам. Ждать долго не пришлось. Вдруг смотрим, низко нагнувшись к земле, бежит от норы к норе, от капкана к капкану Текемей. Ба! Он берет одного из сусликов, попавших в наши капканы. Послышался вдруг грозный голос нашего предводителя:

— Коршун, утаскивающий сусликов, попавших в наши капканы, оказывается, это ты? — При этом так же, как дед Папай, мягко засмеялся Борбок-Кара: — Ке-ке-ке, Текемей, а, Текемей...

Текемей проглотил язык. Стоял и трясся, глядя под ноги, держа в руке мертвого суслика. А когда Борбок-Кара схватил его за руку, от испуга он заорал:

— Ма-ма, ма-ма!

— Тут нет твоей матери, — спокойно сказал Борбок-Кара. — Что теперь надо тебе, а, Текемей? Ке-ке-ке...

— Я боялся матери. Сегодня она опять не пустит в дом, опять не будет говорить со мной.

Мы знаем, что наказание тетушки Тудар отличается от всех других наказаний. Но она никогда сына своего не била. Только не будет пускать в дом, кормить и разговаривать не станет, пока он не выполнит свою «норму».словно ее тонкие губы прилипли друг к другу. Иногда кажется, что она своими крепкими зубами их прикусила, чтобы молчать как можно дольше. Не от ветров и мороза Кайру-Бажи потрескались ее губы, а оттого, что зубами их стискивает, чтобы не говорить со своим родным сыном.

— Каждый дайте по тумаку Текемею, — приказал Борбок-Кара.

Мы ведь тогда были дурачками. Ни о чем не думая, подошли к вору и начали колотить, а Текемей присел, начал хныкать, просить прощения:

— Бейте меня, еще раз бейте. Заберите сегодняшних моих сусликов и кротов, но только о поступке моем не говорите матери...

— Нет, нам не нужны твои суслики! — от имени всех сказал Борбок-Кара. — Плюньте по одному разу в лицо этого коршуна, попавшего, наконец, в наш капкан! Свою бесстыжую морду подставь моим орлам, Текемей!

Мы знали, что от плевок лицо не опухнет, синяков никаких не будет. Тем не менее никто не решался плевать. Каким-то смутным и далеким чувством каждый из нас понимал, что нет горше позора и унижения, чем плевать на человека.

— Барыс, плюнь на него первым!

Когда я отказался, Борбок-Кара, отпустив Текемею, дал мне своим мощным кулаком подзатыльник:

— На тебе, козь жалеешь жадного коршуна! Подойди сюда и плюнь, Метирей!

Когда отказался и тот, улыбнулся Борбок-Кара и круглым подбородком кивнул на Пашу:

— А ты что там стоишь?

Кажется, он заранее догадался, что и Паша не станет слушать его. Борбок-Кара сказал Метирею:

— Иди и бей этого упряма!

Метирей даже с места не тронулся.

— А-а, значит, вы такие, да?! — Наш предводитель посмотрел зловеще. — Этих вонючих сусликов бей всех, Текемей, топчи ногами, плюнь на них!

Но Текемей, виновато нагнув голову, стоял на прежнем месте. Ничего не добившись, Борбок-Кара подходил к каждому из нас и бил кулаком. Завершив свой суд, он опять приблизился к Текемею.

— Если поймаю тебя еще раз, — сказал он, из ножен вытаскивая свой сверкающий на солнце белый и острый, как бритва, нож, — если

еще раз будешь воровать,отрежем твою руку! — Он сказал не «отрежу», — «отрежем». Значит, он выражал и наше мнение. — А теперь дуй отсюда!.. Дуй, говорю, что ты стоишь и мозолишь глаза?

Текемей заплакал неожиданно и опустил на землю. Сквозь слезы умолял и просил нас:

— Только не говорите матери. Не говорите, пожалуйста, матери. Не говорите... я... я...

— Мы не будем говорить! — от имени всех нас сказал Паша. А Борбок-Кара, хотя и ужалил Пашу глазами, но вслух ничего не сказал.

— Возьмите меня опять, — просил Текемей, — я хочу быть всегда с вами. Больше никогда у вас просить сусликов и кротов не буду. Я... я...

Хотя мы тогда ничего ему не ответили, но все равно с завтрашнего же дня стали, как прежде, ходить и охотиться вместе. А тетушка Тудар нисколько даже не убавила норму Текемея.

Наверное, есть особая, какая-то тайная жалость у судьбы к человеку. Текемей иногда даже стал опережать самого Борбок-Кара по ловле сусликов и кротов. В удачливые дни он убивал по пятнадцать и даже шестнадцать голов. Но Текемей — не мы, он не будет хвастаться своей добычей. Привык быть хитрым. Лишних он оставлял при себе, прятал. Как знать, удачен ли будет завтрашний день? Если Текемей не выполнит свою норму, то излишки вчерашнего дня спасут его сегодня. Будет идти с нами легким шагом, с радостью на лице, ведь в его торбочке десять зверьков.

Долгое время я не понимал и не мог открыть секрет — почему сын тетушки Тудар обязательно должен ловить не менее десяти сусликов и кротов. Если бы у нее было очень много детей, то ясно. Но при ней, кроме Текемея, никого, остальные два сына на войне. Почему она так поступает? Что это за странный, по меньшей мере, характер? Наверное, горе проклятой войны, страшный голод нарушили что-то в мозгу старой женщины. А может быть, как говорят алтайцы, внутренний дух ее тронулся? Кто знает...

Однажды Текемея постигла неудача — он убил пять или шесть сусликов. Эх! Каким жестоким бывает иногда сердце человека!.. Текемей робко попросил зверьков взаимы, но мы помнили еще его воровство, а Борбок-Кара вытащил из ножен и показал ему отточенный нож. Не сердца тогда были у нас, а холодные камни.

Бывало и до этого, что Текемей не возвращался с нами домой, а оставался один на стане, где мы охотились, и ночевал в брошенной, пустой и старой избушке. В то время на это мы не обращали внимания. Это было в порядке вещей.

Назавтра, ни о чем не думая, будто ничего особенного не случилось, мы вернулись на место своей охоты и, открыв дверь старой избушки... Нет, такого я после этого, клянусь, никогда не видел и видеть не хочу! Когда мы открыли дверь — темно-синий, припухший большой язык Текемея вылез как-то страшно изо рта и висел где-то возле нижней челюсти, а ноги его едва касались земляного пола избы — друг наш повесился на ремне от своих штанов.

О, бог ты мой, его язык был похож на суслика, который намеревался войти в свою нору. Может быть, это не язык, а нашего Текемея кто-то задушил сусликом...

...А кто таков дедушка Папай?

Во-первых, он знаменитый охотник. И его друг старый Ярын тоже охотник. Если речь шла о Папае, то возле него обязательно возникнет и оживет дед Ярын. Жизнь и судьба людей Кару похожи на под-

земные корни деревьев, которые переплелись, перекрестились древними и долгими нитями.

Папай и Ярын, конечно, охотились не только за кротоми и сусликами. Они сваливали и больших зверей. Под их пули чаще всего попадались горные козули и кабарга. Вдвоем они изредка, но убивали даже медведя. В те трудные годы в наших местах целыми стаями рыскали волки. Они в страхе держали людей и скот. Волки... Они приносили людям за бедой беду, но в то же время, от кого и зачем теперь скрывать, можно сказать, даже помогали людям.

Не боясь и не слушая страшные и яростные крики пастухов, не страшась множества костров, которые ярким пламенем горели тут и там возле отар овец или табуна лошадей, они, эти жадюги, нападали и с ходу перерезали глотки животных. А за скот надо держать ответ и платить за него колхозу. Чем и как платить каждый раз? Если стая волков нападет на скот, то на одном месте перережет не одну корову или овцу, а едва ли не десятки. Платить за скот, сражаться день и ночь с хищниками — одна из самых главных бед и забот женщин и даже детей в тылу. Легко ли выслушивать ругань колхозных вождей? Иногда приезжали милиционеры, допрашивали пастухов — почему и как допустили халатность, вредительство?..

Так в чем польза волков для людей?

Волк никогда не трогает худой, больной скот. Мимо промчится и пролетит, чтобы догнать и свалить самых сытых. Всю тушу, конечно, волки не съедят. А оставшееся от них мясо достанется пастухам. Что тут скажешь, это горе и радость голодных скотоводов и их детей. Разве это мало для человека?

Уничтожать волков было одной из основных проблем того времени. И потому решением колхозного собрания за каждого убитого волка давали по одному барану, только шкуру надо было обратно вернуть хозяйству. Убивший волка считал себя счастливецом. Кроме барана, он ведь сдаст госторгу волчью шкуру и получит за это деньги или что-нибудь из съестного.

А если охотник выследит и найдет гнездо волчихи, убьет сразу несколько волчат, то он сразу, можно сказать, станет богатым человеком. Умный охотник не сразу убьет волчьих щенят. Он будет ждать волчицу: хоть она и страшный зверь, но в груди ее все же материнское сердце. Когда волчица прибежит, услышав плач своих детей, тут-то встретит ее пуля охотника. Умей стрелять, охотник, иначе станешь сам жертвой матери-волчицы!.. Но Папай и Ярын умели стрелять, их пули не падали на пустую землю. Потому-то искры счастья чаще всего в те годы зажигали их очаги.

«Ке-ке-ке, Борбок-Кара, Борбок-Кара, — сквозь долгие года и пространства доходят до меня мягкий, хрипловатый голос и смех дедушки Папая. — Ке-ке-ке, Борбок-Кара, открой-ка, покажи-ка мне свою торбочку, я посмотрю, что там лежит, а?.. Ке-ке, Борбок-Кара...».

Наш предводитель и друг был весьма и весьма хитрым. Его быстрые руки доходили не только до капканов дедушки Папая, ставленных на сусликов, но и до его арчимаков — переметных кожаных сум, где охотник хранил свои припасы. А что, наш Борбок-Кара знает, где и откуда достать то, что надо. По сравнению с нами у Папая все есть, богат он. Быстрые руки Борбок-Кара, коль не поинтересуются его арчимаками, коль туда не полезут, то чем же займутся еще?!

Однажды мы сидели под деревом, на костре жарили мясо сусликов и кротов. Вдруг внезапно возник, подъехал на своем темно-сером коне Папай. Конь его был крупным и сытым. Сидит Папай, с улыбкой смотрит на нас, как с вершины большой горы.

Заметив его, Борбок-Кара быстро поднялся и хотел было убежать, но голос деда тут же остановил нашего батыра.

— Ке-ке-ке, Борбок-Кара, эй, Борбок-Кара, не убегай, милый, —

сказал неторопливо Папай. — Ке-ке-ке, Борбок-Кара, ведь пуля моего ружья бегаёт быстрее тебя.

Что делать тут бедному Борбок-Каре? Он замер. Можно сказать, умер стоя. Мы тоже встали и молча следили то за мягко улыбающимся дедом Папаем, то за холодными глазами нашего друга и предводителя. «Что же ожидает нашего вождя?.. Как бы дед Папай его пулей своего ружья...».

Папай, не прекращая улыбаться, медленно свалился со своего огромного коня, так же медленно подошел к Борбок-Каре и длинными, крепкими пальцами схватил его за уши.

Борбок-Кара скрючился, приоткрылись его толстые губы, показывая желтые, как у полевых грызунов, зубы. Конечно, он не нарочно сделал так. Когда Папай крутил его уши, от жгучей боли рот его сам по себе открылся. Пальцы Папая, как железные щипцы.

— Открой, Борбок-Кара, свою торбочку. Открой, говорю, я посмотрю, Борбок-Кара, что ты там прячешь, а? — И в это же время он не отпускал уши нашего предводителя, продолжал крутить их и мять. — Давай-давай, Борбок-Кара, открой-ка торбочку, мне очень хочется взглянуть туда, ке-ке-ке...

Делать нечего. Не то что Борбок-Кара, даже матерые волки не могут уйти, попавшись в капкан деда Папая.

И когда Борбок-Кара развязал узлы своего мешка, то все мы увидели, помимо убитых сусликов, русский хлеб со следами золотисто-желтых зубов нашего предводителя.

— Я ведь знал, ке-ке-ке, — Папай засмеялся еще теплее, еще мягче. — Ты, Борбок-Кара, вонючий щенок, с каких пор привык кушать русский хлеб?.. Скажи мне, объясни, щенок? — Старик еще пуше и сильнее начал крутить уши нашего вождя и друга.

Мы глядели на это, и наши собственные уши начали больно гореть, а колени наши, как прутики, тряслись. Может, тогда мы вспоминали Текемея, тот день, когда за воровство его бил сам Борбок-Кара.

— Плачь, Борбок-Кара! — хрипел Папай, не отпуская его уши. — А ты, оказывается, плакать не умеешь? Плачь, говорю, плачь! — Но Борбок-Кара молчал по-прежнему. — Скажи мне, Борбок-Кара, с каких пор ты научился есть русский хлеб?! Может быть, русским хлебом тебя кормит мать, Кажакай, а? Если еще раз ты протянешь руку в мой арчимак, то знай, останешься без ушей. Будешь ходить, как комолая корова, Борбок-Кара!..

Но наш предводитель ему слова своего не дал. Из небольших круглых черных глаз не выдавил ни капельки, ни зернышка слезинки.

Ай, Борбок-Кара, Борбок-Кара — наш вождь и батыр!

Теперь хотелось бы мне спросить у нынешнего поколения людей: если бы такой же старый дед, как дед Папай, сегодня бы крутил ваши уши, как бы вы относились к нему? Живо ли сегодня то почтение, чтобы старика уважать и бояться?..

Но между Папаем и Борбок-Карой кроме той встречи были и другие. Они, правда в редких случаях, жалели друг друга и помогали один другому. Даже, бывало, хвалили и славил самих себя.

Доброежелательство проявил Папай и в тот самый день, когда он ранним зимним утром приехал к нам на стоянку.

Старый охотник добывал косулей и волков не только при помощи ружья. Постоянно ездил он по горам и весям, находил следы диких зверей или предвидел, какими путями они будут ходить, и на тех местах умело ставил капканы, петли из крепкого провода, а иногда даже и самострел.

Перед тем, как приехать в нашу избушку, он по пути проверял петли и капканы. В один из них попал волк и замерз, как лед. Какие-то звери, может, сами же волки, съели его заднюю часть. Остались голова да грудь. Уезжающий в дальнюю дорогу Папай, видать, поленил-

ся возиться с мерзлым волком и решил отдать его Борбок-Каре. А в это время наш старший друг начал ходить по следам зверей и ставить на них, как Папай, петли и капканы. Так что доверить ему можно было...

Итак, Папай крикнул:

— Борбок-Кара, выйди сюда, хочу тебе сообщить радость. Дарю счастье тебе!

Наш вождь, услышав знакомый голос, испугался. Может быть, еще что-нибудь случилось, как знать? Но все же выскочил из избышки.

Во дворе трещал и скрипел зубами лютый мороз. У Папая шуба большая, мохнатая, а на ногах теплые новые кисы из лап горных козудей. Жидковатые усы охвачены снежной пылью. А Борбок-Кара перед ним стоял в одной рубашке, скорчившись от мороза. Глянув на него с высоты, Папай привычно засмеялся:

— Ке-ке-ке, Борбок-Кара, ты, оказывается, настоящий батыр! — похвалил он и дальше сказал: — Ты ведь хорошо знаешь местечко Кызыл-Шин. Вот там в капкан попал волк. Ты сам становишься большим охотником. Пригаси его, нагрей хорошенько возле печки и сними шкуру. Скажи, что сам убил. Колхоз тебе даст овечку. Целая баранина, я думаю, это намного выгоднее куска хлеба. — Сказав так, Папай отправился дальше на охоту.

У семерых доярок, живших в урочище Кайру-Бажи, было две лошади: кобылица рыжей масти, очень пугливая — если случайно отпустишь, то почти невозможно поймать; и серый конь — между четырех ног у него пройди — не пошевелится. Смирный очень. Ой, но что же был за характер у рыжухи! Чем иметь такую лошадь лучше ничего не иметь.

— Дьявол, эдакий дьявол! Иметь бы сейчас ружье, на месте застрелила бы! — отпустив рыжуху, каждая из наших матерей не раз проклинала ее.

Рыжуха была страшно осторожна, напугана. Идет и всегда насто-роже, будто на обочине дороги ее ждет сам страх. Вынюхивает, прислушивается, стрижет ножницами-ушами и вдруг ни с того ни с сего прыгнет, бросится в сторону! С нее кто только не падал. Так что всегда надо было быть готовым на все.

Борбок-Кара, услышав приятное сообщение деда Папая, забыв плохой норв рыжухи, быстро сел на нее и по снежным полям помчался в Кызыл-Шин, по обратному следу старого охотника.

Мы ждем его возвращения...

Глядим — мчится рыжуха, оглядывается и фыркает, выпуская или выбрасывая из широченных ноздрей белые облака и туман. Борбок-Кара на ней, покрасневший от испуга и холода. Он левой рукой держится за переднюю луку седла, а правой старается управлять поводом узды ошалелой лошади. Голова рыжухи высоко крутится, грива и хвост выются по разным сторонам, слившись с вольной пургой. А глаза вот-вот выскочат из глазниц. Летит рыжуха, фыркает, храпит, оглядывается и еще сильнее прежнего мчится. Невозможно ее остановить! А за ней, на конце длинного черного аркана, тащится волк, туда-сюда по кочкам стучаясь и подбрасываясь. Оглянется рыжуха на волка и опять летит неудержимо...

Позже выяснилось, что еще издавека рыжуха почуяла запах волка и не то что дать навьючить его на себя, но даже приблизиться к нему не захотела. Тут наш находчивый Борбок-Кара решил перехитрить рыжуху.

Слез с нее, отвязал с тороков аркан, одним его концом прочно привязал мертвого волка, а другой конец особым способом алтайцев прижал к седлу и двинулся вперед. Тут рыжуха, заметив, что за ней гонится волк, пустилась, спасаясь, во весь дух к родному дому.

Сами подумайте, ведь был-то не просто конь, а рыжуха, да кроме того, позади нее — страшный волк! Рыжуха, конечно, сошла тут с ума. Не глядя, что перед ней деревья, задевая за них, перепрыгивая через бревна и кустарники, летела она без ума. А наш бесстрашный предводитель и друг решил лучше умереть, чем отпустить другой конец аркана, оставив в горной круче замерзшего волка.

Ай, Борбок-Кара, ай, Борбок-Кара, мужественный маленький кормилец наш!

Вскоре Борбок-Кара кормил всех нас бараниной, которую получил за волка. Мы были тому рады и благодарны ему. Но вслед за счастьем и радостью, как известно, всегда подкрадываются горе и беда.

Мстительнее и злее волков, я впервые понял тогда, нет других хищников. Жестокие и безжалостные они. Волк похож на человека, потерявшего совесть. Им командует лишь черная и страшная мысль. Дьявол и сам злой дух в нем живут!

После того, как Борбок-Кара приволок волка, который попал в капкан дедушки Папая, случилась страшная месть. Думая об этой мести, вспомнил я рассказ одного знакомого кинооператора. И опять же о жестокости и коварстве волка.

В его новом фильме должна быть сцена о единоборстве матерого волка и человека. Потому-то киноработники ежедневно ходили в зоопарк, приучая волчонка-артиста к его роли. И артист-охотник знакомился со своим партнером-волком, чтобы зверь знал его и к нему привык.

Волчонок трудно поддавался дрессировке. Но постепенно дружба между ним и актером крепла. Прошел почти год, и настал, наконец, день съемки опасного эпизода схватки. Волк яростно должен был кинуться на человека. Актер для безопасности надел специальную одежду и у него были специальные подстраховщики.

— Мотор! — дал команду режиссер.

Выпустили волка. А волк промчался мимо артиста, с которым должен был сражаться, и неожиданно почему-то напал на режиссера. Его кое-как удалось спасти от разъяренного и злого зверя.

Что вдруг случилось с волком? Ведь его целый год готовили, дрессировали на роль, чтоб он дрался с актером?!

Позднее все выяснилось. Оказывается, в первые недели работы, когда волк был совсем маленьким, режиссер его сильно обидел. Во время тренировки волчонок то ли устал, то ли была другая причина, но он даже глаз открыт не захотел. Режиссер нервничал, курил, сердито ходил туда-сюда. Вдруг он ни с того ни с сего горячим концом своей папиросы ткнул в нос волчонка. И хотя прошло около года, звереныш этого не забыл. Запомнил своего врага. Он жаждал мести. Волк не собака.

Он даже умеет издеваться. И если захочет отомстить, то предпримет любое коварство.

...Прошло немного времени, как Борбок-Кара приволок того волка, что попал в хитрую ловушку деда Папая. В один из дней (такой зловещей беды никто не ожидал!) недалеко от нашей избушки, возле коровьего загона, истекая кровью, лежала наша рыжуха. Смотреть страшно!

Волки ночью разодрали ее. Нет, не просто разодрали, а жестоко поиздевались над ней. Это, говорят, знак ожесточения. Схватив ядовитыми зубами морду лошади, они оголили ее до самых ушей. Череп рыжухи стал голым и красным. Шкурка торчала отдельно. Волки поступили, как садисты. Отгрызли уши, бросили их в сторону, на белый снег. И язык вытащили и бросили тут же. Но ни куска мяса не съели. Все лежало целехонько. Что скажешь и как без страха глядеть на это?!

— Если бы ты не ездил за этим проклятым волком Папая! — люди нашей печальной стоянки, в том числе родная мать его, тетушка Кажакай, дружно стали обвинять Борбок-Кару. — Подумай и скажи, кто, кроме Папая и тебя, Борбок-Кара, кто тут еще виноват?..

Коль так поступили волки, значит, ожесточились они... Озлились! Добра и пощады от них теперь не жди! О боже, что делать, что делать-то? Гром и молния вот-вот упадут опять на непокрытые головы наших бедных матерей.

Что ты наделал, Борбок-Кара, почему об этом не думал раньше, Борбок-Кара?! Как теперь быть, что случится с нами?..

Эй, покоряемся, благослови нас, великий Алтай! От имени своих несчастных и беспомощных детей обращаемся к тебе, низко преклоняем колени, просим смиренно, Алтай, останови своих хищников! Освободи нас от приближающейся беды, от зла и жадюги поберега нас?!

Эй, восседающий на дне неба великий куда-бог, если видишь нашу беду, горе наше, страдания и горькие слезы наши, то хоть один раз помоги?! Все мы, смиренно сняв свои шапки, молимся тебе, только от тебя, великий и мудрый, ждем помощи, надеемся, просим, пощады бедных и голодных женщин?!

Алтай молчал и горы его молчали.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ — о моем старшем сыне

Дни проходят за днями. И вот в палате новый, очень дорогой мне посетитель — мой старший сын.

Теперь все дети рослые и стройные, а мой сын, кажется, скоро достигнет неба. Наши дети босиком по снегу не ходили, рваных одежд не знают. И, конечно же, тяжелую работу не видели. По-другому растут, чем мы, их родители.

С рождением первенца мук мы натерпелись предостаточно. Возвратившись со службы с Дальнего Востока, остался я в городе и работал первый год. Не было квартиры. А жена уже находилась в роддоме. Родится завтра ребенок, куда его везти, где жить?.. И до этого я множество раз ходил и бегал в горисполком.

— Вы не одни, даже более заслуженных и солидных людей не можем обеспечить квартирами. Не надейтесь, не просите и не ждите, — твердо и безжалостно отвечали мне. — Мы мало строим. К тому же работа эта идет очень плохо.

Это действительно было так. В то время наш город — столица автономной области — был сплошь деревянным, и новые дома почти не строились.

И вот у нас родился сын, первенец. А я жену не выписываю из роддома. Действительно, когда нет крыши над головой, куда мне деть новорожденного?.. Думал, гадал, страдал я и под конец решил — впервые в жизни перешагнул кабинет первого секретаря обкома партии. Сказать честно, я не перешагнул, а без разрешения и без предварительного доклада вбежал, ворвался в его кабинет, иначе кто бы меня пустил туда, какого-то мальчишку? Порог этот высокий хотят перешагнуть многие, и у них, наверное, другие, более важные и серьезные проблемы, чем несчастная квартира и рождение первого сына. Но у меня не было другого выхода. На улице мороз, поздняя осень. Теперь у нас маленький ребенок, поэтому, как раньше, мы никак не можем жить в чужом сарае. Чужие люди чужих детей не любят, и поэтому в дом не пустят нас с ребенком.

Тогдашний первый секретарь обкома неплохо относился к работникам литературы и искусства. И меня, только что делавшего в лите-

ратуре первые шаги, он принял хорошо, даже, можно сказать, ласково. Когда я вошел в его кабинет, то увидел крупного человека с густыми и седыми волосами.

— Что с вами, молодой человек?.. Не волнуйтесь, садитесь вот сюда, — приподнялся он и указал на стул, не отводя от меня внимательных глаз.

Я сел, вздохнул глубоко, чтобы прийти в себя. Погодя, с большим трудом и волнением рассказал, зачем явился. Он спокойно выслушал и тут же пригласил в кабинет каких-то незнакомых мне людей. Нет, впрочем, одну женщину я знал — заместитель председателя горисполкома по жилищно-бытовым вопросам.

— Вот, товарищи, познакомьтесь, — представил меня первый секретарь, — перед вами наш молодой, начинающий писатель. У него родится сын, а жить негде..

Честно признаться, до этого я никак не думал, что зампредседателя горисполкома, вот эта женщина, умеет так ласково и нежно улыбаться, так легко и плавно ходить и двигаться может. Конечно, она не мне так улыбалась. Оттаяла она и преобразилась перед первым секретарем обкома. Ведь совсем недавно я был в кабинете у этой же женщины. Она на миг приподняла свою голову с как-то высоко сооруженными тяжелыми волосами, мельком взглянула на меня и тут же, нагнувшись, стала перебирать какие-то бумаги, потом, не обращая на меня внимания или абсолютно забыв, что у ее порога смиренно стоит человек, начала звонить и с кем-то очень долго разговаривала, смеялась, сообщала домашние новости. Я стоял, ожидая, когда она закончит разговор. Наконец-то она положила телефонную трубку на место, почему-то вздохнула тяжело, посмотрела без тени улыбки и участия холодными серыми глазами на меня и сказала решительно:

— Что вы бегаєте сюда? Я вам, кажется, ясно сказала, что нет у нас квартиры! Даже нужных нам специалистов не можем обеспечить, понятно вам?..

Кто же они, эти непохожие на меня, очень нужные для нашей области люди?.. Как знать, возможно, на них держится земля Горного Алтая? Но неужели и я не нужен ему? Неужели мне ехать в другое место? Но здесь моя родина, я хочу помочь ей своей работой..

— Роман Александрович, — заговорила она сейчас ласково, — если этот молодой человек — писатель, то как же он будет писать романы, коль нет квартиры?!. Мы постараемся ему помочь, Роман Александрович... Роман Александрович, мы ему..

— Помогите ему, — перебил ее первый секретарь спокойным, но твердым голосом. — Что-то мне помнится, когда летом мы распределяли квартиры, в списке значилась фамилия этого молодого человека.

— Роман Александрович, вы говорите о благоустроенном новом кирпичном доме, да? — тут же подхватила она мысль секретаря обкома. — Извините нас, Роман Александрович, но в том новом доме квартиры мы выделили только нашим!..

— В течение десяти дней, — сказал секретарь, при этом посмотрев на женщину и почему-то улыбнувшись, — найдите этому молодому отцу жилище и доложите мне лично, понятно?..

— Разумеется, Роман Александрович... Постараемся и найдем, доложим, Роман Александрович!..

Куда там десять дней — на завтра же мне зампредседателя горисполкома, на этот раз вежливо улыбаясь, сама вручила ордер на новую и первую мою городскую квартиру. В каком-то деревянном доме получив однокомнатную квартиру, как мы тогда радовались, суетились и бегали, не чувствуя под ногами земли. С тех пор прошло около двадцати лет. Мой старший сын первые шаги сделал в том нашем доме и, можно сказать, вырос там. Теперь он учится в одном из высших учебных заведений Москвы.

Словно я никогда не был в Москве или он учится не в той Москве, где когда-то учился я сам, каждый раз, придя ко мне, увлеченно рассказывает о какой-то особой, неизвестной мне — о своей Москве. В каком театре какой спектакль посмотрел, какие из последних фильмов талантливые, нравятся ему, на какие можно не ходить — они, мол, бездарные. В разговорах и рассказах сына всегда я слышу имена певцов, актеров, режиссеров, поэтов. Послушаешь его и невольно придешь к заключению, будто эти известные люди с моим сыном пьют из одной чашки чай.

Что поделаешь с ним, я понимаю его. У сына есть своя мечта. Потому-то он интересуется многим, требует, просит. Любопытен ему окружающий мир, знает его хочет.

А в моей голове другие мысли. Машина моего мозга, находящегося в эти дни в плену военных времен, начала снова работать. Кайру-Бажи. Зима. Мороз. Конусообразная юрта наша и возле нее подслеповатая, с единственным окном избушка. Наша опять-таки единственная белая корова. Случай с ее белым теленком... Э-э-х, сынок, откуда тебе знать и испытать все это. Хорошо, что не видел, не знаешь такую жизнь. Смотрю на сына. Волосы его чуть ли не длиннее волос моего доктора, Ольги Петровны, или доярки Кыйгас, которая работала в Кайру-Бажи с моей матерью, его бабушкой. Длинные его волосы закрывали уши, почти рассыпались по плечам.

— Укоротить бы тебе немного волосы, а?

— Нельзя. Мода, — отвечает сын. — Молодые в Москве все так ходят.

В разговоре с сыном я вспомнил одну из деталей былой своей жизни. Когда мы охотились за кротами и сусликами в нашем летнем стойбище — джайлау, в местечке Актел, то в особенно жаркие солнечные дни ходили, как говорится, в чем мать родила. И это было одним из уроков нашего предводителя Борбок-Кары. Мы снимали свою одежду, бросали ее на муравьиные кучи, и муравьи съедали насекомых с наших штанов и рубашек.

Слушая меня, сын брезгливо качал головой, передергивал плечами, стыдливо морщил покрасневшее лицо.

— И-та-та-й!.. — сказал он. — Не говори об этом, пожалуйста!

— Наша мода была такой, — пошутил я печально.

На сыне брюки из черного бархата. Раньше алтайцы из бархата шили верх шапок, им же окаймляли свои шубы из бараньих шкур. А нынешняя молодежь шьет себе из него модные брюки, юбки, костюмы...

Глядя на сына, я опять улыбнулся. Вдруг подумалось: если бы перед дедом Папаем, когда он крутил уши нашему другу и вождю, вдруг бы я перед ним возник вот в таких бархатных брюках, с длинными волосами, со сверкающими на руке электронными часами, — как бы он на меня посмотрел?.. Видимо, от удивления не сказал бы ни слова.

Как бежит и проходит время! Когда я думаю о его облике, мне кажется, что оно через каждые пять или десять лет меняет свой цвет и характер. Изменяется дух времени, меняются и характеры людей, живущих в нем, особенно меняется молодежь. А может быть, и наоборот — дух и ход времени зависят от потребностей и характеров людей?

И мои сыновья, и сам я — люди одного века. Но все же между нами течет, разделяя нас, большая река — река времени. И на себя и на жизнь мы смотрим разными глазами. Мои сыновья — другие люди, хотя течет в их жилах кровь моя и моих предков. Они дети другого времени.

Мой второй сын родился в очень счастливый для меня год. Я тогда учился на последнем курсе литинститута. И вот здесь, в Москве, впервые на русском языке, вышел мой сборник стихов. С чем можно

сравнить счастье молодого стихотворца, когда в его жизни случается такое событие?! И еще — второй сын! Счастье мое было беспредельно.

А не великим ли событием в моей жизни был прием в члены Союза писателей... Ведь я сын вдовы, простой колхозной доярки...

С рождением детей, конечно, множатся заботы. Но дети и как-то меняют наши взгляды на жизнь и поднимают нас на новую ступень.

— Пап, тебе нравится моя рубашка? — говорит мне старший сын. Я улыбнулся:

— Как девичья кофта. Если бы я пришел в школу в такой пестрой рубашке, меня бы ровесники опозорили. Мы считали себя мужчинами, и матери никогда бы таких рубашек нам не сшили.

— Отстаешь от жизни, отец, — упрекает меня сын. — Это же дефицит! Ты бы себе тоже что-нибудь модное приобрел: дубленку или кожаное пальто... И меня не забудь. Мы ведь люди искусства, не должны отставать.

Вот как!.. Вещи жгучими углями беспокоят воображение сына.

— А у тебя есть главная цель, дорогой человек искусства? — спросил я сына.

— А как же!

— Какая?

— Служить искусству.

— Очень хорошо. Тебе, наверное, кажется, что без тебя искусство не будет двигаться вперед?

Сын почувствовал подвох.

— Кто знает, — засмеялся он. — О мировом искусстве не скажу, но наше, алтайское, без моего участия, может, и начнет хромать, а? — И неожиданно спросил: — Отец, почему студентов, успевающих в учебе, привыкли считать хорошими людьми? Ведь не всегда это так...

Мы говорили в тот день долго. Сын печалил меня и радовал. У него все впереди. Он в пути. Но за ним, как за молодым саженцем, надо умело ухаживать.

— Ну, отец, я пойду, — поднялся сын. — Мама, наверное, уже беспокоится.

— Да, да, иди. Ты маму сейчас особенно береги, помогай ей, сын, — прошу я.

— Отец, — сын посмотрел на меня, чуть смущаясь. — Ты ждешь дочку, да?

Я улыбнулся.

— А если опять сын родится?

— Ну что ж! Будет у меня три сына, три богатыря. А тебе тоже сестренку хочется?

— Ну, пока, — заторопился сын. — Поправляйся...

Пока, сын мой, «человек искусства!» Вот тебе мое напутствие: балам, ребенок мой, будь Человеком!

ГЛАВА ПЯТАЯ — воспоминание о белом бычке нашей белой коровы и о матери Борбок-Кары

У нас была очень хорошая корова: она давала до пятнадцати литров молока в день, и молоко у нее было жирным. К тому же белянка была хитрой: всегда умудрялась оставить молоко и для своего теленка. Поэтому к осени, когда подходил срок сдавать налоги, он был большим и жирным.

Однажды на зимней стоянке во время страшных морозов случилось такое, о чем мы, как говорится, и в трех снах не думали и не гадали.

Мы, дети, как-то заметили, что наши матери несколько дней тайно шепчутся, спорят, решая какую-то трудную задачу. Шушукались они в юрте, а нас прогоняли в избушку.

Суть этой тайны их многодневного собрания мы узнали много позже.

— Твой белый бычок, что ты сдала государству, потянет все семьдесят килограмм, — первой начала разговор с моей матерью тетушка Кажакай.

— Не меньше, — поддержала ее черноволосая Кыйгас. — И каждый год сдаешь так. А ведь положено шестьдесят... — молодая женщина испытующе посмотрела на мою маму большими черными глазами, полными печали.

— Чего вы от меня хотите? — заволновалась мать.

— Посмотри на детей, — подала голос не очень-то разговорчивая тетушка Кару. — Скоро с голоду умрут. Ты ведь старшая доярка, пожалей ребят...

— О чем вы? — не понимала подруга мама.

— Твои дети ведь тоже голодают, подумай, — уговаривала Кыйгас.

— На что вы меня толкаете?!

— Одного-то бычка можно списать. Сколько коров падет весной! — наконец решительно сказала тетушка Кару.

Во время войны и в трудные послевоенные годы трудились в колхозе в основном женщины да малые дети. Сил и рук не хватало, чтобы до лета заготовить корм скоту. Весной от недоедания и болезни гибло немало колхозных коров. С них нельзя было спускать глаз. Ляжет какая-нибудь корова в ямистое место, а подняться сама, худая, голодная, не может. Если не заметишь да не поможешь — там и умрет. Бывало, споткнется корова о какую-нибудь кочку или оступится — и тоже упадет. И не поднимется без пастуха. А вороны того и ждут: тут же прилетят, сядут на спину, начнут проклевывать шкуру животного. Случалась и такая беда: проглядит пастух — вороны выключают глаза и живой корове. А как быть со слепой коровой? И что сказать, как оправдаться?..

— На что вы меня толкаете?! — уже шепотом с ужасом переспросила мама. — Лучше мне не слушать вас, — она зажала уши, — молчите, милые, — поочередно посмотрела на сидящих вокруг очага подруг. — Молчите, иначе я завтра же поеду в контору и...

— А-а, — закричали дружно доярки, — ты нас опозорит, продать хочешь. Ты и детей наших и нас погубишь...

— Нет, — опомнилась мама, — наоборот, это вы толкаете меня на преступление.

Тут кто-то, видимо, испугавшись или одумавшись, сказал торопливо:

— Да что ты, успокойся. Мы пошутили, испытать тебя хотели...

Даже и лето для наших матерей, как понимаю сейчас, легким не было. Оно только нам, детям, казалось щедрым и вольным. Летом для нас было богатым и сытным: радовало молоком, сметаной, сладкими кореньями. А матери наши летом по три раза доили коров, поочередно возили молоко на завод, который находился тут же, в тайге, меж двух молочных ферм. Обучали быков и на них возили. Кони, как и мужчины, находились на фронте. Мы, мальчишки, были уверенны, что они тоже сражались, — яростно нападали на врагов, топтали, кусали их, — наши кони из далекого Кайру.

Живуч человек! Иногда сама всемогущая смерть боится его и отступает. Однажды тетушка Кару везла молоко на завод. День был жарким. В такие дни особенно злобствуют оводы и мухи. И вот, ког-

да Кару ехала, какой-то овод ужалил быка, и тот помчался, куда глаза глядят. Остановить его было невозможно. Фляги с брочки попадали, и все молоко поглотила черная земля. Кару тоже упала, сильно ушиблась и долго ходила на костылях. Сейчас бы мы сказали, бог с ним, с молоком, даже если его и несколько сот литров, главное — человек живым остался. А тогда!.. Сколько из-за молока было шума, ругани. Говорили, что это вредительство...

В те дни, когда Кару кое-как передвигалась при помощи костылей, к нам на летнюю стоянку заехал дед Ярын, который всегда охотился с дедом Папаем. Он пил чай, наблюдал за Кару и наконец сказал:

— Я принесу тебе, Кару, целебную воду.

Где старик нашел «живую воду», — я до сих пор не знаю, он это тщательно скрывал. Тогда же о своей тайной воде он поведал нам историю, подобную волшебной сказке.

— Вода эта из горячего источника. Она вечно бурлит и кипит, дышит теплым и густым туманом. И земля вокруг источника не замерзает. Даже белой зимой, вы только подумайте, растут на ней голубые цветы. — Дед Ярын, уронив на грудь лысеющую голову, долго молчал, потом продолжил: — Наш Алтай — земля священная. Она много хранит в себе тайн и богатств. А особые ее богатства — серебро и медь. Они настоящие волшебники, поверьте. Так залечивают переломы костей и трещины, что диву даешься!

— Откуда вам это известно? — поинтересовался Борбок-Кара.

— Ведь я не ты, Борбок-Кара, зря не буду болтать, если чего сам не знаю. — Дед Ярын потухшими глазами уставился на нашего друга. — Был такой случай: поранил я как-то марала. Ушел зверь. Прошло года два или три. Однажды решил я заехать к своей воде. Вечерело. Подъезжаю и вот тебе на — неожиданно из воды выскочил и не успел далеко удрать огромный марал: пристрелил я его. Снял шкуру и в кости на правой ноге нашел пулю. А пулю своего ружья хороший охотник узнает! Спроси охотников, они это подтвердят. Папая спроси и других, коль не веришь... Тот самый, мною раненный, марал опять попал под мою пулю. Да, бывают такие случаи. Но чудо не в этом. Раненый марал не зря приходил и пил живую воду, лежал в ней. Вода его лечила: моя давняя пуля была замурована в кости красноватой медью и серебром. Опять повторяю, не простая это вода. Благословенная самой природой вода. В ней, кроме меди, упавшей с луны, есть и серебро. Жди меня, Кару, я принесу тебе живую воду.

Вскоре дед Ярын выполнил свое обещание. Тетушка Кару утром, в обед и вечером понемногу наливала в деревянную чашку живую воду и пила. Это я видел не раз...

...Через несколько дней разговор о белом бычке опять ожил. Он должен был возникнуть. Ибо все оказались на грани голодной смерти. В колхозном амбаре даже запаха хлебного зерна не осталось. Последний раз колхозницы поделили меж детьми предназначенный коровам жмых. Он был твердым и зеленым. Мы подогревали его у костра и, как мыши, грызли. Теперь и его не стало. Чай — не чай, а пустой кипяток. Что делать, как выжить?.. Не только дети, но и старшие стали опухать — лица у всех бледные, глаза острые, ждущие и ищущие. Кажется, дунешь на маленького Малайта — он упадет. Тогда говорили: «От голода человек последний раз жиреет, а потом приходит смерть и забирает его».

— Разве ты не видишь, вот-вот умрут дети! — упрекали мою мать женщины Кайру-Бажи. — Ты не мать, а подземный злой дух Эрлик!

— Говорите как угодно, но дать согласия не могу. Милые, не могу я пойти на такой шаг! — плакала мама. — Поймите меня, не могу обмануть доверие колхоза...

— Учти, говорим последний раз, упрашивать тебя больше не будем!

Когда вспоминаю зимние морозы тех лет, содрогаюсь и сейчас. Зубы о зубы стучат. Кажется, навеки в моем теле осталась далекая та зима.

В любой мороз наши матери ездили за сеном. Если плохо вершили летом стог или сено было сыроватым, то стожок замерзал до основания. И такими зимой оказывались почти все стога. Целыми днями стучали топорами женщины, разрубая смерзшееся сено, и только под вечер, смертельно уставшие и голодные, возвращались домой. А в их санях оказывались лишь небольшие квадратики черного мерзлого сена, и дома их не ждали ни кусок хлеба, ни теплая мягкая постель... Откуда они брали силы?

Женщины, которые оставались на стоянке, чистили хлев, ухаживали за коровами. Чистить было очень трудно — всюду в эти морозные дни в хлеву лед от мочи животных. Коровы худели, простуживались и болели. Чтобы их спасти, наши матери запрягали быков и опять отправлялись в лесную чащу. Там они искали под снегом сухие муравьиные кучи, чтобы прикрыть ими ледяные лежанки коров. На них животным было мягко и тепло. Но только через несколько дней опять все замерзало...

Мы в то время думали, что жизнь должна быть всегда такой — мало смеха, радостей и счастья. Чтобы не умереть, чтобы выжить, мы крепко держались за подола своих голодных и от горя злых матерей. Мы привыкли, что жизнь сурова и черна, и потому не проклинали ее.

Нашему Борбок-Каре тогда было примерно пятнадцать-шестнадцать лет. Он уже пас колхозных коров. Самостоятельный человек, пастух. Считался взрослым мужчиной. За все отвечал, как остальные колхозники.

Много воды утекло с тех пор, но не могу я забыть историю с нашим белым бычком.

Навсегда запомните, люди, ничто не заслонит правду! Правда всегда останется правдой. Когда на душе тяжело, как не освободиться от тяжести, которая угнетает, мучит?.. Сам от себя никогда и никуда не спрячешься. И если выскажешь эту тяжелую правду — светом озарится твое лицо, облегчится сердце твое...

Ночь.

Нас, более пятнадцати мальчиков и девочек, матери наши разбудили и привели из избушки в юрту, посреди которой чернел над коостром очага большой котел — казан. Густой дым и пар заполнили юрту. Щекочет нутро вкусный, душистый мясной запах. Все сели вокруг очага. Лица голодных людей насторожены. Вот кто-то помешал в казане черпаком, вытащил первые большие куски мяса...

В моем желудке будто сидела какая-то жадюга. Почувяв запах вареного мяса, жадюга шевельнулась всем своим существом и даже словно крикнула громко. Я едва в обморок не упал. Какой запах, как вкусно!..

Как ел мясо, плохо теперь помнится. Но поступок нашего Борбок-Кара в эту ночь мне никогда не забыть.

Когда перед ним поставили чашку с мясом, Борбок-Кара взглянул и вдруг тыльной стороной руки отодвинул ее от себя и заявил:

— Не буду есть!

Все замерли, испугались. Некоторое время в юрте стояла мертвая тишина.

— Мало мне дали! — громко и угрожающе сказал он и отодвинулся от очага в темноту. — Я пастух. Выдам вас всех!

— Борбок-Кара, Борбок-Кара, мой балам, — раньше и проворнее всех к нему приползла мать его, тетушка Кажакай. — Почему ты так делаешь, сынок?! Меня, как и отца твоего, завтра же спрячут в глухое

и темное место. Как ты будешь жить тогда? Пододвинься, сынок, Борбок-Кара, мой нежный, ласковый мой ребеночек! Кушай мясо.

— Милый Борбок-Кара, — тут же вслед за его матерью к нему подошла Кыйгас. Ее длинные черные волосы струились по старой, изношенной шубе с множеством заплат. — Хороший мой, — шептала она. — Борбок-Кара работающий парень... Не знает ни лени, ни страха. Хороший, красивый он!.. Эй, люди, побольше кладите мяса Борбок-Каре! — Кыйгас оглядывалась назад, к дояркам, что-то молча показывала им рукой, подмигивала испуганными глазами. — Наш Борбок-Кара — единственный мужчина! Он давно хочет, я догадываюсь, погладить мою голову и волосы. Хочешь, погладь сейчас, при всех погладь мои черные волосы. Борбок-Кара...

— Наш Борбок-Кара, дорогой Борбок-Кара, — снова раздался умоляющий голос матери его.

Тут запричитали мать Паши, тетушка Тообос и молчаливая тетушка Кару.

— Говорила ведь я вам! — громче всех закричала вдруг моя мама. — Говорила, говорила я вам всем! — неожиданно мать отобрала у меня чашку с мясом и, расплескивая бульон, почти бросив, а не поставив, чашку к очагу, брезгливо приказала мне: — Не ешь! И ты тоже! — повернулась она к моей маленькой сестренке. — Идите немедленно спать! — Мама стала выгонять нас из юрты, но тут неожиданно Борбок-Кара придвинулся к очагу, и мать забыла о нас. Все занялись теперь Борбок-Карой.

Перед ним теперь стояло полное корыто вареного мяса. Его холодные глаза сверкали. Он вытащил из ножен острый нож, умело и тонко отрезал мясо, отправлял кусок за куском в рот, зачерпывал ложкой наваристый бульон, противно чмокал толстыми губами.

— Борбок-Кара, подлить тебе еще? Кладите Борбок-Каре еще мяса, добавьте горячего и жирного бульона. Он у нас молодец! Наравне со взрослыми, может быть, даже лучше работает!.. — заискивали наши матери.

Толстыми короткими пальцами Борбок-Кара снова и снова брал куски. Вот он заметно потеплевшими глазами поглядел на следящих за ним людей.

Зазвякали чашки и ложки. В юрте постепенно оживлялось. Мама добавила в мою чашку бульона. Стали тихо разговаривать. А Борбок-Кара по-прежнему молчал, но всем было хорошо оттого, что он ест мясо белого бычка.

...Кончилась кровавая война. Прошло несколько трудных лет. К этому времени я оставил наши летнюю и зимнюю стоянки в урочищах Кайру-Бажи и Актеле. Теперь я учился в школе в областном центре и жил в интернате.

Однажды, во время весенних каникул, когда гостил дома, поехал я с матерью Борбок-Кары, тетушкой Кажакай, за хворостом в лес.

Поскольку давным-давно не было нашей рыжухи, мы запрягли в таратайку серка, очень уставшего и постаревшего за последние годы. Он, лениво махая хвостом, трусцой ехал по лесной тропинке. Весна была в разгаре. День теплый и погожий. Где-то куковала кукушка.

Мать Борбок-Кары любила петь. Особенно, казалось, ее вдохновляли тишина и красота гор — она начинала петь сперва тихим голосом, как бы пробуя себя, потом чуть громче, протяжнее и тоскливее. Слово соперничая с кукушкой, оглашавшей просторы неба и лесную чащу, пела она задумчиво и вдохновенно:

Когда жеребенок аргамака был маленьким,
Большая и глубокая река была ему преградой,
Когда сын отца был еще в колыбели,
Война кровавая и горестная мешала ему расти.

Болью в сердце отозвалась эта песня о трудной судьбе моего поколения, наших матерей. О горькой своей доле пела Кажакай. А кукушка, будто жалея вдову, вторила ей.

Над лесами и горами в тот день небо было голубое и высокое. Зелененькой весной на глазах сгущалась, поднимаясь над прошлогодними бесцветными травами.

Кажакай вдруг перестала петь и посмотрела на меня:

— Как хорошо и как вольно! — словно выдохнула она какую-то тяжесть из груди. — Войне бы черной больше не быть на земле, да смотрели бы так же чисто и тихо глаза неба на нас. — Задумалась на какой-то миг и начала негромко выводить новую мелодию, но вдруг снова обратилась ко мне: — Теперь ты учишься далеко, в большом городе. А мои сыновья продолжить учебу не смогли. Борбок-Кара стал переростком, а Аткиру, знаешь сам, болезнь помешала. Да черт с ней, с учебой. Мне бы их поженить, посмотреть на их свадьбы, поддержать на коленях внуков, погладить их по спинкам, понячить — и больше ничего не надо, можно спокойно умирать...

Каким я был еще мальчишкой и дурачком! Горько мне и стыдно сейчас за то, что совсем не к месту вспомнил я тогда ту далекую и забытую зиму, белого бычка нашей коровы и неожиданно для себя мстительно спросил:

— Тетушка Кажакай, вы помните, как мы однажды ночью ели мясо?

Кажакай вздрогнула, посмотрела испуганно. А я, увидев, что напугал ее, рассмеялся и продолжал:

— Борбок-Кара тогда всех вас взял в тиски. Как вы перед ним трепетали и унижались. О-о, мясо белого бычка было очень вкусным!

Мать Борбок-Кары, словно ее подкосили, как траву, неожиданно упала ничком на землю. Не поднимая головы, закрыв ладонями уши, она еле слышно прошептала:

— Ради бога, балам, Барыс мой, перестань, перестань, умоляю, не говори об этом. — Казалось, будь это возможно, тетушка Кажакай, пробив толщу земную, ушла бы туда, только бы меня не слышать. — Не говори, Барыс, молчи, не говори! Эхо человеческого голоса летает по вершинам деревьев и доходит до чужих ушей. Бог ты мой, молчи, молчи, перестань, пожалуйста!..

Она затихла. Через какое-то время стала подниматься, тяжело опираясь руками о землю. Я молча смотрел в ее посеревшее, как зрелая, лицо, а когда она встала, тыфу на меня! — опять напугал ее:

— Эхо ведь не птица, как оно может летать по вершинам деревьев? — Я опять не мог остановиться. — Оказывается, вы очень трусливы, до сих пор дрожите! — злорадствовал я. — Откуда же тогда взялась смелость зарезать нашего белого бычка?

Кажакай снова зажала ладонями уши.

— Ради кудая, мой Барыс, — почти молилась она, — молчи, молчи. И эти деревья, и солнце имеют уши, балам. Все они понимают и слышат твой голос. У них у всех есть глаза, уши, даже язык. Перестань, балам, замолчи, сынок...

После этого Кажакай не промолвила ни слова. И больше уже не пела.

Замолчал и я. Внезапно высказав затаенную с детства обиду, о которой, казалось, и сам не подозревал, обидев несчастную мать, я вдруг почувствовал себя опустошенным. Каким жестоким может быть человек!..

Мы молча нагрузили таратайку сухим хворостом, надежно привязав его к ней длинным арканом, чтоб не свалился, и молча вернулись домой. А весна цвела, зеленела кругом. Славя красоту земли и предстоящие человеку радости, по-прежнему оглашала просторы кукушка.

ГЛАВА ШЕСТАЯ — о том, как я впервые ходил на охоту

Уж который раз на склоны крутоверхих гор и на просторные поляны Кайру-Бажи выпадал первый снег, предвестник большой и долгой зимы. Утром на холодном и ясном небе медленно поднималось огромное солнце. Оно удивленно сверкало, словно впервые видело белые молчаливые долины. По их белизне бежали, отражаясь множеством звезд, лучи солнца.

С нынешней зимы мать разрешила мне пользоваться старым ружьем отца и самостоятельно ходить на охоту. Потому, увидав первый снег, обрадовался я, учащенно забилося сердце, торопя и беспокоя меня. Но откуда я мог знать, что первая охота принесет мне печаль и большую тревогу.

В те годы любой имел право носить ружье и пользоваться им. Запрета, как теперь, не было. В горах каждый имел собственное ружье. Но тем не менее в наших местах никто никогда не слыхивал, чтобы человек ружьем угрожал и даже убивал человека. Хотя сейчас у большинства жителей не то что ружья, даже охотничьего ножа нет, все же в том же Кайру нередко случается, что кто-то кого-то пырнул ножом или кому-то пустил в лоб пулю. Слушать это страшно и странно. Неизвестно, винить ли тут время или самих людей?..

Снял я старое кырлу — ружье отца и выбежал из юрты со своим ровесником Пашей. А в это время никого из взрослых не было в юрте. Правда, в избушке сидела тетушка Тудар. Остальные еще ранним утром ушли и уехали по разным делам. Кто-то из оставшихся чистил коровий хлев, кто-то раздавал телятам сено. Борбок-Кара тоже был на своем участке — пас коров. Присматривая за животными, он успевал и поохотиться, и расставить ловушки на звериных тропах. Бывало, иногда приносил он белку или зайца.

Мы с Пашей ушли недалеко в лес. Там с радостью заметили, что по первому чистому снегу зимы пробежали сотни лап. Кайру-Бажи тогда был не таким, как в нынешние годы. Полно было и белок, и лисиц, и быстроногих зайцев. Косули и кабарги тоже бродили по горам и лесам. А сегодня пойдешь в те же горы и леса, не найдешь ни одного следа — лишь нетронутый чистый снег встретит тебя. Зря говорю я «лес», «леса»... В Кайру-Бажи сейчас нет лесов. Кругом голо и неузнаваемо тоскливо.

Воспоминания о прошлых годах обостряют проблемы нынешних дней. Потом опять уводят к далеким временам детства.

...Мы шли по белому снегу среди бесчисленных следов зверей. Вдруг Паша закричал:

— Смотри, белка... белка!

На небольшой круглой поляне стояли всего лишь три дерева, и там с сучка на сучок проворно, словно пушистый мяч, прыгала белочка. Услышав наши голоса, она замерла, лишь смотрела на нас черными и хитрыми глазами, ожидая, когда мы удалимся.

Стрелять с руки, поднимать отцовское ружье было тяжело для меня. Поэтому я предложил Паше:

— Иди сюда и встань передо мной, а я ружье положу на твое плечо и буду целиться.

А что Паше — он послушался и смиренно встал. Я положил на его плечо длинное ружье и стал целиться в белку. Волнуюсь и тороплюсь. До первого грома моего кырлу прошел, кажется, целый год. И вдруг возле самых ушей Паши грянул выстрел. От испуга он так присел, что я уронил ружье. Не обращая внимания на Пашу и ружье, я смотрел на белку. Она, ударяясь и цепляясь за сучки, падала вниз. И вдруг

перед самой землей ловко зацепилась за нижний сук и тяжело, ползком, ушла вверх.

О, куда-то бог, не знаю, что тут, со мной случилось — сердце сильно забилось от волнения! Я даже не подумал, что ранил белку. Мне почудилось, что она, как крылатая птица, сейчас же улетит куда-то. Я торопливо поднял ружье, лихорадочно стал его заряжать.

А ружье заряжалось пулей, не дробью. Кроме того, у него не было затвора. Пулю надо было толкать прямо в ствол. Но прежде в ствол насыпался порох, потом вставлялась пуля, ставился капсюль, и только тогда можно было стрелять.

Пашу я снова поставил перед собой, положил на его плечо ружье, прицелился и нажал курок. Но, к удивлению, выстрела не было. Лишь разбился от удара бойка капсюль и раздался негромкий звук. Но белка и его испугалась, поднялась еще выше.

Я совсем расстроился. Что случилось, почему ружье не выстрелило?

— А-а! — невольно закричал я, вспомнив и догадавшись, в чем причина. — Я забыл насыпать порох в ствол. Затолкал только пулю. Что теперь делать, как быть?..

Думали, думали и наконец решили: потихонечку насыпать в отверстие от капсюля порох, после поставить капсюль и выстрелить. Так и сделали. Я опять поставил Пашу перед собой, прицелился, нажал на спусковой крючок. Раздался звук, чуть сильнее прежнего, но пуля осталась в стволе. А белка поднялась на самую макушку лиственницы.

Но мы почему-то решили, что пуля вылетела, просто мы промазали. Хорошо, хоть в стволе нет теперь пули. Теперь не надо торопиться. Сперва насыпать в ствол порох, потом вставить пулю. Нет, никак нельзя торопиться и забывать: вот смотри, Паша, сыплю в ствол порох. Насыпал, да?.. Видел, Паша, что я насыпал порох? А сейчас, вслед за порохом, смотри, толкаю пулю. Вот, затолкал. Ничего на этот раз мы не забыли. Сделали все правильно, как настоящие охотники. Теперь только хорошенько прицелиться и попасть в белку. Нельзя оставлять в лесу такое добро.. Подумать только — она стоит три рубля шестьдесят копеек! Нельзя бросать на ветер столько денег, друг! Как мы их здесь оставим, с какой совестью вернемся домой? Ведь три рубля шестьдесят копеек!..

Вдруг Паша сказал:

— Давай теперь ты встань, а я буду стрелять.

Хотя ружье мое, я не мог отказать ему. Может, Паша точнее целится? Кто знает. Встал я на место Паши. Пока он не выстрелил, я обернулся к нему:

— Паша, если ты попадешь в белку...

— Значит, скажем, что белку убил я, — гордо сказал он. — Придем домой, так и объявим. А деньги за шкурку разделим пополам...

— Идет, — согласился я и подставил плечо.

Насторожился, дышать перестал, жду, когда долгое эхо выстрела раскатится по горам. Всем существом ощущаю, что Паша сильно волнуется. Наконец он нажал на спусковой крючок, и так же, как и давеча, раздался слабый звук одного лишь капсюля. Порох опять не воспламенился!

Бог ты мой! Что, что это такое?.. Может быть, силой какого-то колдовства с нашим ружьем случилась беда? Вдруг в его стволе сидит сам черный алтайский черт?..

Судили-рядили, судили-рядили и выяснили: сперва забыв, что надо вперед насыпать порох, я в ствол поместил пулю, потом порох, а затем опять пулю. Таким образом, между двумя пулями образовалась прослойка пороха. Сунули шомпол в ствол ружья — он на два пальца не дошел до положенной черты. Теперь ничего не сделаешь. Об этом

надо украдкой сообщить только Борбок-Каре. Пусть он нам поможет выбить из ствола пули и порох. Он хитёр, придумает что-нибудь...

Словно ничего не было, я принес ружье, повесил на прежнее место. Два дня молчал, поджидая удобный момент. Но сердце не давало покоя. Оно, будто запертый щенок, выло и царапало меня изнутри.

Мать уехала за сеном. Другие доярки тоже ушли по делам. Борбок-Кара сегодня дома, у него день отдыха. Их двое, пастухов, работают поочередно. В свои выходные дни Борбок-Кара обычно или охотится или спит в избушке весь день, завернув пеструю от лишая голову старой шубой. Сегодня он остался спать.

— Борбок-Кара, — шепчем мы с Пашей, — ты сможешь нам помочь? В стволе нашего ружья застряла пуля.

Борбок-Кара встрепенулся, посмотрел на нас и горделиво ответил:

— Есть ли то, что я не мог бы сделать, а, пацаны?! Как же я буду считать себя вашим командиром, если не сумею выбить пульку из ствола? Где ружье?

— В юрте.

— Пошли.

Посмотреть, как Борбок-Кара будет выбивать из ствола ружья пулю, с нами увязалась и моя сестренка Клара, она была в избушке и слышала наш разговор с Борбок-Карой.

В юрте Борбок-Кара взял в руки карлу, повертел в своих крепких толстых пальцах, изучающим взглядом осматривая его и начал развизывать веревки, чтобы отделить ствол от ложа. Потом легкими и ловкими движениями пальцев с конца ствола отвинтил шуруп, на который ставится капсюль. Теперь в его руках остался голый ствол. Туда он засунул длинный шомпол и сильно стал толкать его двумя руками. Аж лицо покраснело! Но из этой затеи ничего не получилось.

— А ну-ка, молоток! — наконец приказал он. — Сейчас посмотрите, как вылетят эти проклятые пульки.

Борбок-Кара стал бить молотком по шомполу. Опять никаких результатов. Когда я вспоминаю об этом, и теперь страшно. Сердце чуть не подпрыгивает до горла. Может быть, человек на самом деле живет под богом? Подумайте сами, когда Борбок-Кара молотком бил по шомполу, ведь мог бы разогреться порох, находящийся между пулями, и тогда... На этом белом свете давным-давно не жил бы Борбок-Кара. Нет, лучше не думать об этом.

Наш командир, не выбив из ствола пули, рассердился.

— Ы! — огрызнулся он. — Ы!.. В таком случае найдем другой выход. Я ведь самый близкий друг великого охотника Папая! Разве я не Борбок-Кара?! Не может быть никакой преграды перед Борбок-Карой, понятно вам?! — сердился и хвастался он. — Скажите, кто из вас хитрее, кто догадается первым, как я достану пули?..

Моя сестренка сидела возле самого очага, грелась и смотрела молча, как мы стараемся освободить ствол. А Паша и я вертелись около Борбок-Кары. Откуда нам было знать, что вот-вот грянет беда!

Значит, в юрте Борбок-Кара, Паша, я и моя любопытная сестренка. Нет, я ошибся. Живых существ нас, оказывается, не четверо в юрте. В углу лежит больной теленок, укутанный старой овчиной. У нас всегда так: даже корова заболит — ее держат рядом с людьми. Ухаживают за ней, лечат ее и лелеют, кормят — лучше нас, детей.

Стало быть, в юрте нас пятеро — Борбок-Кара, Паша, я, маленькая моя сестренка и красной масти теленок. Но опять я считаю неправильно. Кроме нас, пятерых, в юрте находится еще одно живое существо. Это — огонь, горящий посреди юрты. Наш народ считает огонь живым существом. Садятся есть — прежде всего задабривают огонь. Он старше всех. Хоть и бедную, плохую еду, все равно он варит и жарит, сам угощается ею. Огонь — наше божество и хозяин наш.

Вдруг глаза Борбок-Кары стали хитрыми от осенившей его мысли. Он взял конец ствола, где грозно и тихо лежали пули и порох, сунул его в красные угольки, а другой конец прислонил к таганку.

— Ну, пацаны, сейчас свинец расплавится на жару и вытечет! — радостно и гордо объявил он.

Не прошло и минуты, как раздался страшный взрыв. Полетели головешки, красные угли и зола.

Очнувшись, я прежде всего заметил, что возле очага, закрыв ладошками лицо, навзничь лежит моя сестренка. Что тут случилось со мною! Я кинулся к ней, ничего не видя и не слыша вокруг. Рядом кричали Борбок-Кара и Паша, что-то делали, но я не мог прийти в себя. Приподнял сестренку — живая!

В следующий миг смотрю — в юрте полно народу. Первой заметил перепуганную до смерти тетушку Тудар. Возле нее стоят Метирей, Малайт. Оказывается, прибежал даже больной Аткаыр. Глаза у всех — как у коров и коней, на которых напала стая волков: испуганные, сверкающие — глаза беды.

Вдруг тетушка Тудар рванулась с места и кинулась ко мне. Она что-то кричала, ругала меня, наверное, — я не слышал. Лишь видел: шевелятся ее синеватые, искривленные губы.

Сколько времени прошло после выстрела — не знаю. Тетушка Тудар склонилась над моей сестренкой, а та вдруг схватила ее за шею и заплакала. Этот плач вывел меня из оцепенения. Тетушка Тудар крепко прижала девочку к своей груди, молча гладила и гладила ее черной и грубой ладонью по голове. Потом, как собака, обнюхала ее голову, щеки тонкие ручонки и начала приговаривать:

— Ничего, ничего, балам, успокойся. Вот придет твоя мама, мы покажем им, как баловаться ружьем...

Через некоторое время, опомнившись и успокоившись, мы начали собирать и складывать на место разбросанные головешки и угольки и лишь теперь заметили, что красный наш теленок, вытаращив глаза, лежит, растянувшись на земле, а из-под него ручейком течет кровь.

Слава богу, живой осталась сестренка. Моя самая нежная и маленькая сестричка, которая до сих пор уважительно обращается ко мне: «Акам — старший мой брат».

Э-гей, моя сестренка, помнишь, как ты в тот день, когда мама вечером пришла с работы, жаловалась и плакала?.. Тогда, помнится мне, ты не произносила буквы «р» и «л», вместо них говорила «й». На алтайском языке рука — «кол», а овечка «кой». И если ты хотела сказать, что вымоешь руки, то выходило — вымою овечек своих. В общем, сестренка, ты в детстве говорила очень забавно...

— Мама! — крикнула ты, как только мать перешагнула порог избышки, и побежала ей навстречу. — Бойбок-Кайа в меня стыйяй йужьем! Но не убий меня, а убий кйясного тейенка. Тепей — нет у нас тейенка, мама...

Случилось, конечно, вот что. Порох, бывший среди двух пуль, нагрелся и выбил их в разные стороны. Одна из пуль попала в очаг и вошла в землю. А могла бы попасть в кого-то из сидящих возле очага. Другая угодила в теленка. Колхозный этот теленок тяжелым грузом повис на шее и без того бедных наших матерей.

Вот чем кончилась моя первая охота.

Кто тут виноват, скажи, Борбок-Кара, ай, Борбок-Кара...

ГЛАВА СЕДЬМАЯ —
рассказ о нашем летнем стойбище и о том,
как я однажды отомстил Борбок-Каре

Летнее наше стойбище — зеленые горы и буйно цветущие долины местечка Актел.

Пока мы охотимся за сусликами и кротами на зимнем стойбище Кайру-Бажи, приближается весна, тают снега высоких и далеких гор, жарче и жарче становится солнце, высыхает земля. Созревают корни кандыка — съедобного растения. Каждый год в это время мы перекочевываем охотиться в Актел, где больше кротов и сусликов, поскольку «своих» мы успели переловить. Чтобы добраться туда, необходимо перейти реку Кайру. Стоит время таяния снегов и льдов горных вершин, воды Кайру с каждым днем прибывают, бурля и кипя грозными волнами, высоко заливая крутые берега.

У каждого из нас свой котелок. За спиной еле тащим капканы. Нельзя туда идти, если у тебя их меньше десяти. Больше всех капканов, конечно, у Борбок-Кары. Наверное, не меньше двадцати. Среди его ловушек непременно найдутся и украденные у деда Папая.

В нашем «великом кочевье» река — главная преграда. Нет моста. Кайру мы переходим в местечке Чанак-Кечу, что означает Санный переход. Река там узкая, и кто-то перебросил с берега на берег дерево. Белые и пенистые волны перекатываются через него. Намокшее дерево скользко, опасно. Чтобы пройти по нему, надо быть шустрым и ловким, как белка.

Как нужна была нам помощь, когда переходили реку, но Борбок-Кара, наш предводитель, не вел нас за руку и не переносил нас на своей спине. Нет, такой ласки и добра мы не знали и не ждали от него. Не было нам такого праздника. Его дело — стоять в стороне и наблюдать, как мы, дрожа и замирая, переходим по опасному дереву. Мы были благодарны ему и за то, что хоть следил за нами в эти минуты. Переходим реку по жребию, наломает Борбок-Кара каких-нибудь прутьев и предложит:

— Давайте, орлы, тяните. Кто вытянет самый длинный — первым пойдет, кто короткий — последним.

Каждый раз мы с замиранием сердца молча смотрели друг на друга: кто же из нас пойдет первым? А Борбок-Кара, понимая наше состояние, улыбнется хитровато и торопит:

— Ну, тяните!

Самая длинная палочка каждый раз почему-то доставалась Метирею.

— Такова твоя участь, — скажет Борбок-Кара весело. — Шагай вперед, Метирей, ступай на мостик и переходи. Если ты плохо думаешь обо мне, волны Кайру схватят тебя и с собою унесут. Если чисты и белы твои помыслы, то спокойно перейдешь на ту сторону.

Что оставалось Метирею? Трясаясь, как от холода, первым ступал он на мокрое дерево. Затем шел я, а вслед за мной Паша. Сам Борбок-Кара не торопился. Он всегда последний. Показывая всем свою храбрость, с песней пошагает он по ненадежной переправе. Борбок-Кара себя сравнивает с батыром Шуны из алтайской легенды и потому всегда поет одну и ту же песню:

Батыр Шуны никогда не ударит
 Своего героического коня.
 Не страшась течения Катуня и Бии,
 Его верный конь их с легкой пляской перейдет.

Когда рядом с нами такой батыр, как наш Борбок-Кара, скажите, кого и чего нам бояться? Он следит за нами, он поможет, если случится беда,

Перешли. Начинаем охотиться. Но тут поджидает другое мучение. Никто из нас не осмелится обратно переходить реку по дереву. А так хочется домой! Мы тосковали по матерям, оставшимся в Кайру-Бажи, и не могли к ним вернуться — Борбок-Кара ни за что не согласился бы никого из нас сопровождать. Мы нужны были ему тут. Он не хотел здесь оставаться один. А ему хоть бы что — он давно забыл эти лучшие в мире слова: «дом» и «мама». На актелской стороне он мог жить сколько угодно, промыслять сусликов и кротов хоть до старости. Таков его характер. Он не знает боли и тоски.

Поэтому мы ставили капканы и с нетерпением ждали середины месяца кукушки — мая, когда с криком, шумом и песнями, мычанием коров и телят, ржанием коней перекочуют сюда, на летнюю стоянку, наши матери — семеро доярок.

В Актеле земля густо удобрена навозом, поэтому на ней рано цвел кандык и быстро созревали его съедобные сладкие корни, которыми мы питались, считая их одним из лучших даров родной природы. Но о кандыке — потом. Сначала — о нашей охоте за кротами и сусликами.

Стоило нам перебраться по злосчастному дереву на актелскую сторону, Борбок-Кара начинал хвастать:

— Я умею разговаривать даже с самой землей, пацаны! — скажет так и ложится на землю, прижимая то одно, то другое ухо к ней, прислушиваясь, что-то таинственно шепча. Потом поднимется и скажет: — Теперь мне все ясно. Земля обо всем нашептала мне. Посмотрите во-он на тот солнечный склон горы. Только что земля сказала, что там норка крота. На него не ставьте свои капканы. Сам буду ставить.

Затем он указывал еще и еще места, где «сам будет ставить».

Заранее занятая нашим предводителем земля всегда была близкой к стану или юрте, где мы временно жили. И там действительно всегда оказывались норы кротов и сусликов. Борбок-Кара хорошо знал актелскую землю. Да и зачем ему, предводителю, далеко ходить в поисках зверюшек? Сперва он переловит тех, что поближе. А далеко пусть другие ходят, тратя силы и время. Он — вождь! Эта земля, кроты и суслики — все ему принадлежит!

Но однажды...

Мы, как всегда, внимательно выслушали Борбок-Кара, запомнили, где будет охотиться он, и разошлись ставить свои капканы. А Паша поставил свой капкан на заранее «занятое» нашим командиром место. И поймал крота.

— Почему ты опередил меня?! — грозно спросил наш предводитель. — Ты убил единственного белого крота, самой землю предназначенного мне!.. Отдай моего священного крота!..

Среди охотников существует поверье: кто убьет редкого в алтайских горах белого, подобно снегу, зверя или зверька, будет удачливым и счастливым — ему попался священный зверь. Не так просто убить его. Значит, это дар самого всевышнего...

— Отдай сюда моего белого крота! — потребовал Борбок-Кара.

Паша не отдал.

— Кто придет вперед, тот получит огонь, — ответил он. — Так учит пословица. Я, Борбок-Кара, не только белого, даже серого крота тебе не отдам!

После этих слов Борбок-Кара, наверное, вспомнил уроки деда Папая, схватил за уши упрямца Пашу и свалил его на землю. Он был сильнее Паши.

— Э-ке-ке, Паша, с каких пор ты повадился убивать священного белоснежного крота?

Хотя уши нашего друга горели, а худое и бледное лицо его еще сильнее побелело, он крепился, чтобы не заплакать. А наш предводитель продолжал мучить его, приговаривая, как дед Папай:

— Еще будешь убивать, скажи, моих кротов?

Вдруг он вытащил из ножен свой нож. Мы с Метиреем, испугавшись, подбежали к нему и кое-как оттащили его от Паши.

Наш предводитель такого не ожидал. Вскочил на ноги и удивленно и страшно посмотрел на нас, покачал большой головой.

— А-а, вот вы какие стали, а?! — Борбок-Кара пожирал нас своими холодно-ватыми глазами. — Держитесь, паршивые псы, каждому из вас я сейчас покажу! Я вас прогоню отсюда и больше не буду брать с собой, щенки!

Мы испугались, отступили на несколько шагов. А он опять ударил Пашу и, свалив, сел на него.

— На тебе, белый крот! — Ручкой ножа он несколько раз ударил по голове упряма. — Хоть один раз еще пойдешь поперек меня, тут же поплывешь вниз по яростным волнам Кайру. Понятно тебе, дружок?!

Паша молчал. Он лишь прикрывал худыми руками голову от ударов, пытался и беспомощно дрыгал ногами. Тогда сидящий на нем Борбок-Кара начал бить его деревянной ручкой ножа по рукам. Тут Паша не выдержал и заплакал.

— А-а, неумеющий плакать показал слезы! — мстительно обрадовался Борбок-Кара. — Вон на том бугорке есть еще один крот, мною давно замеченный. Если на него осмелишься... знаешь, что я сделаю с тобой?.. Привяжу тебя к дереву арканом и оставлю одного. Тогда поймешь, что это такое!

— А что будет? — неожиданно спросил я.

— Ты видел того синего волка, которого я приволок в Кайру-Бажи? — спросил он меня, затем посмотрел на Пашу. — Все видели. Так вот. Жена того синего волка живет в лесах Актела. Ищет того, кто убил ее мужа, чтобы отомстить. Злая, жадная волчиха. Помните, что сделали ее подруги с нашей рыжухой? — Борбок-Кара посмотрел на нас таинственно и со страхом. — Вот когда привяжу Пашу к дереву, ночью придет волчиха со своими подругами и отгрызут они ему уши и язык, как нашей рыжухе, понятно теперь?

— Не я же убил мужа волчихи, — вдруг возмутился Паша. — Синего волка убили ты и дед Папай. Если кого-то и ищет волчиха, то тебя самого, Борбок-Кара!

Метирей и я были поражены смелостью нашего друга. Помнили мы ясно тот страшный случай с рыжухой. И, не найдя других слов, почти враз спросили у Паши:

— Если волчиха съест Борбок-Кара, что мы будем делать без него?

Паша не верил, что волчиха, мстящая за мужа, живет теперь в актелских лесах и постоянно крадется за кем-то из нас. На следующий же день он снова показал свое упрямство: поставил капкан на крота, о котором предупреждал Борбок-Кара, и поймал его.

Пытка нашего предводителя на этот раз была изощренной. Вечером Борбок-Кара спокойно, будто ничего особенного не произошло, спросил Пашу:

— Ты опять не послушался и убил моего крота, так ведь, Паша?

— А ты не видишь? — усмехнулся Паша. — Сегодня я убил не белого, а серого крота. Не священного. Сегодняшний крот толстый, как и ты.

— Говоришь, на меня похож, да? — улыбнулся Борбок-Кара. — Хочешь, в таком случае я покажу тебе урок культурных, оч-чень культурных парней?

Метирей и я, даже сам Паша — все мы удивились: какой это урок? Что-то теперь он покажет?..

— А не хочешь ли посмотреть Москву, Паша? — Наш вождь, улыбаясь хитро, уверенно поводя мясистыми плечами, неторопливо подо-

шел к Паше. Наш друг не сдвинулся с места, стоял и ждал. — Ке-ке-ке, Паша, сейчас я покажу тебе Москву! Слыхал, что есть такая, а? — Покажи! — Паша, конечно, чуял недоброе, но сдаваться не хотел, ответил еще тверже: — Хочу посмотреть Москву!

Борбок-Кара с быстротой опасного пса кинулся на Пашу, схватил его за уши.

— Вот тебе Москва, посмотри! — он приподнял с земли хилого, но цепкого мальчика.

Тот закрыл от боли глаза, мотал головой и хотел вырваться из рук предводителя. Болтая ногами, он случайно ударил меж ног нашего предводителя. Борбок-Кара сразу же вскрикнул от боли, отпустил уши, весь скорчившись, долго катался по земле и стонал. Слезы сами по себе текли из глаз. Мы стояли рядом — и Паша тоже — и молча смотрели на него.

Я не помню, чтоб после этого между Борбок-Карой и Пашей случались столкновения.

Непонятно нам было одно: где Борбок-Кара научился, сказав: «Хочешь ли посмотреть Москву?» — хватать за уши и поднимать за них человека. Мы долго мучились догадками и наконец спросили самого Борбок-Кара об этом, но он толком ничего не ответил, а вместо объяснения обронил загадочное слово, которое удивило нас еще больше и которое осталось в языке нашего Борбок-Кара на всю жизнь:

— Это по-литика, пацаны!

С этого момента он всегда — подходило, нет ли — любил вставить: «По-литика».

Что это значило? Мы озадаченно смотрели друг на друга. А через какое-то время нам стало известно...

Однажды Борбок-Кара, чтобы сдать шкурки кротов и сусликов госторгу, спустился с гор в Ело. Это село находится в десяти километрах от нашего Кайру. Дети, живущие в таких больших селах, как Ело, знают многое. Куда нам до них!

Сдав шкурки и получив за них немного сахара и муки, Борбок-Кара возвращался в Кайру-Бажи. Когда он шел между двух деревень, ему встретились мальчишки из Ело. В те годы был обычай: случайно встретившись, ребяташки двух разных деревень должны были помериться силами. Когда Борбок-Кара отказался от состязания, то еловские хитрецы ему предложили:

— Если ты не хочешь драться с нами и бороться, давай мы тебе покажем Москву. Хочешь ли посмотреть, парень из Кайру, Москву?

— Что это значит? — поинтересовался наш непобедимый вождь.

— Это по-ли-тика, — хором ответили ему шустрые мальчишки из Ело. — Нельзя, друг, вперед объяснять. Вот согласишься и скажи нам: «Хочу посмотреть Москву», тогда все поймешь. И эту новую политику покажешь своим кайрунским ребятам, друзьям своим...

Очень интересно стало Борбок-Каре. Перед его глазами встали удивленные лица Паши, Метирея и мое, наверное. Решил он узнать тайну политики.

— Где она, ваша Москва, хочу посмотреть! — заявил Борбок-Кара...

Вот какая она была, политика. А для нас было открытием, что в том самом Ело живут парни умнее и сильнее даже нашего Борбок-Кара. Нет, в далекую страну, называемую Ело, лучше нам не ехать, не показываться столь умным мальчишкам...

Ай, Борбок-Кара, ай, Борбок-Кара...

Я до сих пор не могу забыть твой железный кол. А сам ты помнишь, какой то был кол?..

Он был четырехгранный, тяжелый и с приплюснутым острием.

Ни у кого из нас не было такого железного кола. Мы пользовались деревянными. Копать ими норы кротов и сусликов было мучительно, особенно ранней весной, пока земля была еще мерзлой. Переда наших рубашек вечно были порванными. Помнишь ли, Борбок-Кара, наши рубашки?.. Мы животами налегали на кол и крутились, чтобы вырыть нору или выкопать корень кандыка. Очень больно было животам. Даже теперь вспоминать об этом горько. Неужели мы тогда не могли найти нужного железа, чтобы сделать для себя хороший, острый кол, как у Борбок-Кары?!

Особенно долго и тяжело было выкапывать деревянным колом кандык. Когда отпадут лепестки цветов кандыка, останется круглая головка — серая, словно отлитая из свинца пуля. Это значит, созрел кандык. Съедобный корень его не больше пальца маленького ребенка. Вывернешь землю, оттуда выкатится белый, как женский зуб, корень. Изредка попадается и большой корень. Но все равно не наешься, коль копаешь деревянным колом.

Всюду нужна хитрость. Мы умудрялись точно прижать колышки к ремням своих штанов. И живот не так болит, и рубашка не рвется. Но если соскользнет колышек с пряжки, то может проткнуть живот. Еще один подходящий способ — подкладывать свои шапки. Так тоже лучше, мягче. Правда, жалко шапку, она портится, рвется. А где взять новую?..

Борбок-Каре хорошо. Он железным колом быстро действует и при копании нор, и при добыче кандыка. Не устает, как мы. Все ему достается куда легче.

— Ох, надоело есть кандык! Хватит! — скажет он громко, чтобы мы завидовали ему. Ляжет на зеленую траву, подставит под жаркое солнце загорелый живот и тихо, под ритм пляски, по нему будет шлепать ладонями.

— Разреши, Борбок-Кара, я покопаю твоим железным колом? — так мне приходилось много раз обращаться к нему.

А Борбок-Кара медленно повернет голову и, как всегда, скажет:

— Братъ — бери, Барыс. Но за это накопишь мне пригоршню отборных кандыков...

Он мучал нас, как хотел, но и жить тоже учил. Сколько бы он нас ни обманывал, сколько бы ни издевался и ни смеялся над нами, мы все равно от него не отказывались. Верили ему и слушались. Слово нас привязали к нему невидимой веревкой.

Мне думается, жизнь, ее практическая сторона, есть следствие учебы таких, как Борбок-Кара. Как знать, если не было бы таких грубых и работающих людей, как он, знала ли бы современность стеклобетонные небоскребы и ядерные реакторы... Так ли я говорю, кто меня разубедит?..

Ай, Борбок-Кара, ай, Борбок-Кара... Помнишь, как ты заставил меня драться с Метиреем? Как это началось?

— Ты хорошо ведь знаешь, Барыс, те две листовницы, которые в прошлом году вырвал из земли и свалил большой осенний буран? — однажды сказал мне Борбок-Кара.

— Которые? А-а, чуть ниже нашей стоянки? — вспомнил я.

— Да. Точно говоришь. Молодец, помнишь. — Откуда мне было догадаться, какая коварная мыслишка прячется в голове Борбок-Кары. А он продолжал: — Под теми упавшими деревьями проторили себе дорогу черные кроты. Сейчас время их гона, они там беспрерывно снуют. Ты не говори ни Метирею, ни Паше, поставь свой капкан. Сам знаешь, черный крот дорого стоит: одна шкурка — рубль двадцать.

За это выкопашь мне всего пригоршню кандыка. Возьми мой железный кол.

Ясно, я обрадовался доброте Борбок-Кары. Пока он лежал под жарким солнцем и грел живот, я быстро накопал ему кандыков и побежал к тем деревьям. И думал по пути: все же какой хороший друг у меня!

Только ведь Борбок-Кара никому не даст зазря ни одной копейки. Оказалось, что он о тропе черных кротов «совершенно секретно» сказал и Метирею. А черный блестящий крот попал в мой капкан.

Метирей летом никогда не носил рубашку. Оттого тело его, особенно спина, было коричнево-черным. Иной раз, мне казалось, он очень походил на быка, копытами рывшего землю: лицо чумазое, на спине и груди полосками и мелкими ручейками грязь и пот. Глаза у Метирея большие. Когда он на что-то сердится, на белках глаз выступают тонкие красноватые прожилки.

— Почему ты поставил свой капкан на то место, где давно стоит мой?! — Метирей шел навстречу мне.

— Нет, это ты поставил на мое место! — не менее грозно наступаю я. — Тропу черных кротов мне указал Борбок-Кара...

— Он мне сказал! — не уступает Метирей.

— Барыс врет, Метирей, — вдруг громко засмеялся появившийся Борбок-Кара. — Ты, оказывается, великий врун! — обратился он ко мне, потрясавшему его коварством. — Я никогда не думал, что ты такой. Тропу кротов я показал только одному Метирею. Барыс тебя обманывает, Метирей.

Почувствовав, что Борбок-Кара его поддерживает, Метирей яростно напал на меня. А почему я должен отступать?.. Тут же дал ему сдачу. Началась ожесточенная драка...

А Борбок-Кара сидел на одной из упавших лиственниц и, подражая алтайскому кайчи — сказителю горлового речитативного пения — и как бы играя на топшуре — музыкальном инструменте, — грязными ладонями хлопал себя по животу и хриплым голосом пел:

— О-о-о-ох, бууй, бууй, буй... Бодаются мой черный и белый быки, о-о-о-ох... Копытят они черную землю, бууй-бууй-буй... О-о-о-ох, из их ноздрей летят брызги красной крови... О-о-о-ох, что делать, бодаются, бодаются быки... Бууй-бууй, буй, черный бык и белый бык, страшные они, сильные они... Ай-уй, ай-у, оч-оч, быки сильные мои, хорошие мои... О-о-о-ох!!!

Мы дрались под пение Борбок-Кары, злые на него. Но, скажу честно, откуда нам было быть похожими на могучих быков?! Просто были мы похожи на двух беспомощных петушков.

Умывая разбитое лицо, я думал: «Неужели ты, Борбок-Кара, не ощущаешь, как проходит время? Не только ты, и мы растем, умнеем и силу набираем. А если мы отмстим тебе, а, Борбок-Кара? Хоть однажды... Пусть пройдет время, немного подожди, дружок. И над твоей лишайной головой грянет однажды возмездие. Тогда поймешь, что такое «о-о-о-ох, бууй-бууй, буй...». Мы припомним тебе, как смеяться над чужой бедой!»

Летом на актелское стойбище приезжало много людей. В это время весь колхозный скот на альпийских лугах. Через стойбище проходили все пути-дороги пастухов и чабанов, живущих дальше, в других горах и лугах. Когда они двигались к своим джайлау, то нередко даже ночевали у нас. В этом была своя прелесть.

Как бы там ни было, работа доярок связана с молоком. А молоко — это различные молочные продукты. Лето — самое веселое и праздничное время.

Я не скажу, что годы моего детства лучше сегодняшних дней. Но и бывали дни, не уступающие сегодняшним...

В годы моего детства алтайцы могли выпить и немного повеселиться лишь в летнее время. Из молока готовили чегень, или айран, — квашеное, наподобие кумыса, молоко. Из него варили араку — алтайскую водку. Не было борьбы, как сейчас, против бесщадного пьянства. Водки в то время в магазинах почти не было. Употребляли только араку. И это, повторяю, бывало лишь летом, во время большого молока.

Однажды в Актеле ночевал табунщик по имени Яра, пасший колхозных коней в урочище Маргалу. Он был старше нашего предводителя Борбок-Кары. Значит, он был сильнее. Видимо, и храбрее нашего вождя: ведь он далеко в горах один ночует, выполняет ответственную работу. Табунщик — звучит-то как здорово! А наш Борбок-Кара пасет лишь коров. Пасты коров — разве это удел мужчины? Коровьи пастухи не ночуют в глухой и таинственной тайге одни, под кедром. Они всегда возвращаются к вечеру в стойбище. Пастух всегда среди людей.

Яра был немножко косоглазый и с вывернутыми губами. А конь его был подобен быстрокрылой птице. Таким и должен быть конь настоящего табунщика. Из колхозных коней он выбирал себе самого лучшего. У Яры был конь стальной масти, с подтянутым животом, красивой головой, был конь высоким и тонконогим.

Вечерело. Яра снял седло с коня и повел своего красавца на травянистый луг. Там он привязал его длинным арканом к колу, оставив пастись до утра.

Когда он вел коня, меня вдруг осенила идея: отомстить Борбок-Каре. «Из-за тебя, из-за твоего обмана мы с Метиреем зря дрались, Борбок-Кара. Дождался, наконец-то, я своего часа. Теперь ты поплачешь», — ликовал я, радовался своей находке. От неожиданной, скажу честно, темной мысли стало даже жарко.

Утром, когда все встали, не оказалось на месте коня табунщика Яры. Иноходец исчез. Куда? Конечно, помчался в Маргалу, где табунуют его многочисленные подруги. Извиваясь змеей, следы аркана и коня ушли по пыльной тропинке к перевалу, откуда вчера спустился Яра. Настоящий табунщик сразу узнает своего коня. Яра следопыт, его не проведешь. Да, но как пешком доберется Яра до Маргалу? У наших матерей-доярок нет коней, чтобы дать Яре. Даже колхозное молоко они возят на быках.

Навьючив на спину седло и потник, Яра — что делать! — ушел пешком. Трудно было идти через горы и перевал пешком, да вдобавок столько дум одолевало в пути: вдруг конь уйдет в сторону, за что-нибудь зацепится арканом и умрет от голода, или заматается аркан на ноги, или упадет конь в пропасть — разные мысли мучили Яру. Как и чем платить за коня колхозу? У Яры волос на голове не хватит, чтобы возместить стоимость такого иноходца...

Уж больше тридцати лет прошло с тех пор, Борбок-Кара, ты не сердись. А впрочем, это дело твое, можешь сердиться. Хотя ты и сам тут виновен. Уроки-то ведь твои, Борбок-Кара. Ты помнишь свою радость и свой смех, когда мы с Метиреем разбивали друг другу носы? А наши синяки и царапины на лицах, а Борбок-Кара? Ты видел их и хохотал! Как ты пел — кайларил, сидя на упавшей лиственнице, глядя, как мы истязаем друг друга! Или ты забыл об этом? Вот ты и получил «о-о-о-ох, бууй-бууй-бууй...».

...День кончился. Медленно погас огонь в очаге. Людей объял глубокий сон. Я тихо встал с постели, вышел из юрты. Трава на лугу была холодной и сырой. Быстро подбежал к коню Яры, отвязал его, махнул рукой: «Иди, ты свободен». Конь почувствовав волю, легкой рысцой направился в сторону Маргалу. А куда же еще?..

Через несколько дней опять по перевалу, глядим, спускается Яра на своем пританцовывающем аргамаке. От легкого движения иноход-

ца позванивают многочисленные кольца и железяки — безделушки, украшающие сбрую. Вот Яра подъехал к юрте, собирается слезть у коновязи и привязать коня. А я тут как тут!

— Вы знаете, Яра, — тихо шепчу ему, — но только никому не говорите...

— Ты о чем? — Яра, косыми глазами подозрительно посмотрев на меня, почему-то снял с головы шапку, вытер ею с некрасивого, будто чьими-то сильными пальцами приплюснутого лица пот. — Скажи-ка, о чем я должен никому не говорить?

Слово не воробей: вылетит — не поймаешь. И все же я стою в нерешительности, молчу, боюсь высказать свою мысль до конца. Видать, Яра что-то почуял и потому, подражая мне, таинственным шепотом спросил:

— Что ты хотел мне сообщить, парень? Клянусь, я никому не скажу!

— Если вы скажете Борбок-Каре, он меня сегодня же убьет, — вынужден был я ему шепнуть.

— Клянусь!

— Я знаю, кто отпустил вашего коня...

— Кто? Скажи-ка, милый? — Яра насторожился. — Умру, никому не скажу, вот! — он быстро надел шапку, указательным пальцем чиркнул по горлу. — Клянусь!.. Кто?

— Борбок-Кара, — выдохнул я.

— Мы-мы! — в косых глазах Яры засверкали мелкие искорки молний. — Мы-мы! Я его сейчас! — Яра повернул коня в сторону загона, где шла вечерняя дойка.

Солнце еще не закатилось. Летом оно всегда уходило как бы нехотя. Вот и сейчас казалось: оно присело на гольцы западной большой горы и наблюдает оттуда за нашим стойбищем. Мне думалось, что солнце жалеет наших матерей, потому и не торопится уходить, ждет, когда они закончат свою работу. При свете дня легче работать. Ведь каждая доярка должна подоить шестнадцать-восемнадцать коров. И каждая хочет закончить дойку дотемна. И доброе солнце понимает это.

Борбок-Кара сейчас возле загона: он всегда в это время помогает дояркам — вовремя пускает к матерям телят, потом снова их отгоняет. Иначе нельзя. Если с коровой оставить теленка — к утренней дойке в ее вымени не останется ни капли молока.

Я притаился у коновязи, смотрю вслед Яре. Как только он причался к загону, оттуда раздался крик:

— Эй, Яра, ты сдурел, что ли?

— Что ты делаешь, разольешь молоко!

— Не пьяный ли он, люди?

Яра нашел Борбок-Кару. Я от испуга сжался в комок. Что теперь будет? Наверное, Борбок-Кара убежит от Яры. Может быть, спрячется среди коров или, как белка, полезет на дерево?

— Мм-мы! — зло выстонал Яра и, сидя в седле, белым волосатым чумбуром-поводком ударил по голове Борбок-Кару. — На, получай, змееныш, отпустивший моего коня! — Видать, он озверел. — На, на тебе! — еще и еще раз хлестнул по пестрой голове нашего предводителя. — Сладко ли, когда мой белый чумбур причесывает твою вшивую голову?

Борбок-Кара обхватил голову руками, скорчившись там, где его настиг Яра. Сперва я подумал злорадно: «Так тебе и надо!» Но вдруг что-то защемило в груди, зануло в сердце. Я не мог кайларить и буйкать, как Борбок-Кара!.. Сорвался с места и побежал к сердитому табунщику и своему вождю.

— Не бейте, Яра, не бейте его! — кричал я, плача. — Не надо... я... я...

Но табунщик на меня даже не взглянул. Еще раза два или три ударил он нашего предводителя тем же чумбуром по коричневой спине, оставляя следы, похожие на прочерки молний, повернул своего иноходца в сторону дороги, уходящей в деревню, и помчался. Не так далеко отскакав, осадил вдруг коня, повернул искаженное лицо к загону и крикнул:

— Понял теперь, Борбок-Кара, как отпускать коня? Попробуй хоть раз еще поиграть со мной! Мм-мы! — И не найдя, что еще сказать, он грозно фыркнул и помчался дальше.

Борбок-Кара ни слова не промолвил, лишь, медленно приподняв голову, как-то сбоку взглянул на удаляющегося табунщика острыми, как бритва, полными слез глазами. А на голой спине нашего непобедимого вождя были и до сих пор мне видятся темно-красные следы от ударов.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ —

о смешном и печальном случае, происшедшем в больнице

Если бы не доктор, моя Ольга Петровна, «солома волос, ресниц синева», и краешками ушей не услышал бы я об истории, которая произошла с Борбок-Карой в больнице.

В жизни бывает так: близкий тебе человек становится другом твоего приятеля. И тогда не замечаются недостатки, прощаются слабости друг друга. Костер, зажженный твоим приятелем, кажется его новому другу необыкновенно светлым и теплым, слова его, кажется, имеют высокий смысл и мудрость, ибо исходят от друга твоего друга.

Борбок-Кара часто приходил ко мне в шестую палату, мы вспоминали прошлую нашу жизнь, смеялись и печалились. И Ольга Петровна начала привыкать к моему приятелю, даже изредка задавала ему вопросы о лекарственных травах. Как-то шутливо назвала его тибетским лекарем, и это прозвище понравилось Борбок-Каре.

— Скажите мне, тибетский лекарь, — иногда экзаменовала его Ольга Петровна, — почему, например, алтайцы прикладывают к ране листы бадана?

— Бадан хорошо вытягивает яд из раны, — уверенно отвечал Борбок-Кара. — Кроме того, он не прилипает к ране, то есть делает перевязки безболезненными.

— А почему вместо чая заваривают иногда корни пиона?

— Эти корни мы даже в суп кладем. Ничего тут плохого нет, — Борбок-Кара, видно, плохо знает лекарственные свойства этого корня и потому отвечает уклончиво. — Приятный у него запах. К тому же говорят, что корень пиона помогает работе сердца... А скажите мне, Золотой Волос — Алтын-Чач, почему русские любят капустный суп?

Постепенно, в таких вот разговорах и диалогах между моим доктором и Борбок-Карой установились весьма теплые, приятельские отношения.

— Здравствуйте, тибетский лекарь!

Борбок-Кара отвечал непременно тем же шутливым тоном:

— Приветствую вас, Золотой Волос — Алтын-Чач.

— Я только начала привыкать к «соломе волос, ресниц синеве», — Ольга Петровна улыбалась, показывая красивые белые зубы. — А вы мне дали новое прозвище. Вдруг я потеряюсь среди этих «золотых» имен? Вдруг забуду свое собственное?

— Какие у вас белые зубы, Алтын-Чач! — не удержится Борбок-Кара. — Если бы мне такие зубы, не был бы чабаном, а стал бы именно врачом.

Ольга Петровна от души смеялась. Потом вынимала маленький платочек и осторожно вытирала им уголки своих небесного цвета глаз.

— Вот Барыс ваши волосы сравнивает с соломой, — не унимался Борбок-Кара и качал большой головой. — Разве красоту можно сравнивать с никудышной соломой?!

— Но ведь это не моя выдумка... — начинал оправдываться я.

— Кто бы ни выдумал, все равно не подходит! — останавливал меня жестом Борбок-Кара. — Пусть тебе будет «солома волос», а для меня Ольга Петровна — Алтын-Чач, Золотой Волос. Это не прозвище, а мое почтительное отношение.

В одну из наших встреч в шестой палате Борбок-Кара пожаловался Ольге Петровне:

— Запах лекарств, мне кажется, проник во все мое тело, Алтын-Чач. Кажется, я начал забывать красивые, свежие запахи тайги, цветов и трав.

— Что-то не пойму, — Ольга Петровна посмотрела на моего друга изучающе: — Не заболели ли вы ностальгией?

— Когда я смотрю вниз, то не могу поднять голову вверх, а когда подыму голову вверх, то не могу посмотреть на землю, — так жаловался он Ольге Петровне на свой радикулит. И тут же, как и раньше, — ни с того ни с сего вдруг задал странный вопрос: — Скажите, Алтын-Чач, может быть, в суставах наших костей тоже имеются зубы, а? Как вы думаете?

Ольга Петровна засмеялась. Наверное, подумала, что это очередная шутка Борбок-Кара. А мой друг, не обратив внимания на смех, сам ответил на свой вопрос:

— В моих суставах, особенно на шее и спине, мне кажется, сидят какие-то щенята. Грызут они меня, живого, день и ночь своими острыми клыками так, что иной раз стоном стонут и плачут мои кости. Мало того, криком кричат от боли.

Слушая друга, я подумал, что так оно и должно было случиться. Ну подумайте сами, кто с самого детства до сегодняшнего дня столько замерзал, столько выдержал страшных зим Кайру-Бажи, сколько выдержал их Борбок-Кара? Кроме меня, кто его поймет?.. Кто, как Борбок-Кара, с раннего детства трудился, безропотно выполняя самые разные и тяжелые работы?.. Когда теперь я думаю об этом, то осознаю свою вину перед ним: я охаивал его, писал о нем фельетон, а надо было орден ему дать! Ему скоро пятьдесят. Но за эти годы он ни разу не побывал на курорте. Вот рядышком Белокуриха — знаменитая здравница Алтая. Туда приезжают со всего белого света. А Борбок-Кара не знает туда дорогу. И никто не пытается указать ему эту дорогу. Он даже порог больницы переступил впервые. Вся его жизнь прошла на стоянках и в горах, вечно в седле, под дождем и снегом, а эти ночи на земле, под каким-нибудь мохнатым кедром? Горы Алтая — дом его, от них и боль его.

— Меня сюда отправил насильно ветеран совхоза, — говорит Борбок-Кара. — Тот самый Диман, который вместе с тобою за тот несчастный случай с овцами чуть ли не сунул меня в тюрьму. Довез сюда на своей легковушке и устроил в этой больнице.

— Не ветеран, а ветеринар, — поправляю я и виновато молчу.

Борбок-Кара никогда бы сюда не приехал из-за какой-то простуды. Дома-то он давно бы уж вылечился: накопал бы корней каких или нарвал полезных листьев с деревьев, растущих в древних горах Кайру-Бажи и Актела, заварил бы как положено — и вольно и счастливо ходил бы уж иль ездил на коне за своими овцами по родной земле, горам и долинам, а не валялся в этой проклятой больнице.

— У меня есть возможность вам помочь, — деловито сказала Ольга Петровна, выслушав жалобы моего друга. — Вам, тибетский лекарь, необходим массаж. Хороший массаж помогает и при радикулите, и при остеохондрозе. Я поговорю с вашим лечащим врачом, вам должен помочь массаж...

Борбок-Кара вдруг весело улыбнулся:

— Значит, мазаж... Значит, меня, мужчину, как женщину надо гладить, да? — Не дождавшись ответа, он опять восхитился: — Ох, какие у вас белые зубы, Алтын-Чач, они напоминают белизну кандыка. В горах есть такие цветы, а корни их очень похожи на ваши зубы...

— Коль ваши глаза, тибетский лекарь, до сих пор замечают красоту женских зубов, жить вам еще сто лет, — засмеялась Ольга Петровна и направилась к двери.

Борбок-Кара крикнул ей вдогонку:

— По-литика, Алтын-Чач!

Через несколько дней в мою палату вбежала возбужденная Ольга Петровна:

— Я вас очень прошу, поговорите со своим другом. Он отказался от водного массажа, да еще как отказался! А ему бы это очень помогло...

...Нашего Борбок-Кара в массажной встретила молоденькая девушка, едва ли в прошлом году закончившая десятилетку. Как мне рассказывал позднее сам Борбок-Кара, глаза ее были детские и чистые, голубые-голубые. Словно вода того самого безымянного озера в долине Ары-Кем, которое нашел наш предводитель, когда в тех местах пас овец, — безупречной чистоты. Можно все камни пересчитать на дне. Вот какие бывают глаза! А кожа лица какая: белая, первозданной свежести! Сам бог свидетель, говорил Борбок-Кара, совсем ребенок. А походка, движения — летит, словно легонькая бабочка. Нет, не бабочка, а самая нежная и ласковая пташка под ясным небом! Первая снежинка, спустившаяся только что из страны, где, пожалуй, живет один бог...

И вдруг эта бабочка, или пташка, или снежинка! — совершенно серьезно говорит Борбок-Кара:

— Раздевайтесь...

Мой друг замешкался. Но что делать, коль надо, — разделся по пояс. А девчонка-массажистка спрашивает:

— Вы что, в ванну в брюках ляжете? Время идет, вода остывает. Раздевайтесь быстро и ложитесь!

Что?! Борбок-Кара не то что раздеваться, наоборот! — скоренько надел свою больничную полосатую курточку — и к двери. Девчонка — к нему:

— Я не собираюсь с вами шутить. Раздевайтесь и ложитесь!

Борбок-Кара наотрез отказался. «Бабочка» полетела жаловаться к лечащему врачу Борбок-Кара, тот — к Ольге Петровне... И вот я слушаю друга и думаю, как все-таки убедить его принять сеансы массажа?

— Разве у них нет мужчины, который может сделать мне массаж?! — кричит на меня Борбок-Кара, будто во всем виновен я. — Ты зайди в эту комнату — сам увидишь. Говорю тебе, там ребенок сидит, девчонка совсем... «Раздевайтесь...». Куда велишь мне спрятать свою совесть? Я пока не потерял мужское достоинство! — никак не мог успокоиться Борбок-Кара.

Будь что будет! — решил я.

— И мне массаж делала эта самая девчонка, — обманул я друга. — Она только с виду молодая, а так она уже врач, специалист, — защищал я медсестру, которую в глаза не видел.

— Мы с тобой разные люди! — не сдавался Борбок-Кара. — У тебя стыда нету. Ты — городской... А я — по-прежнему алтаец. Принимаешь, ал-та-ец!

— Какой ты алтаец и мужчина! — продолжал я хитрить и нарочно сердиться. — Ты, Борбок-Кара, настоящий трус... Дрожишь, увидев женщину. Что она, предлагает тебе в постель с ней ложиться или лечить тебя хочет? Ты же сам выклячил этот массаж, — задел я его

самолюбие. — Вспомни, как подхалимничал перед Ольгой Петровной! А теперь ведешь себя, как мальчишка...

— Мне не по душе такая по-литика, — явно сникшим голосом сказал Борбок-Кара и как-то беспомощно посмотрел на меня. Помолчали. Вдруг он спросил: — На самом деле эта девчонка своими руками твои кости гладила, да?

— Гладила! — не моргнув я глазом.

— Ну и как? После ее мазажа утихли боли в суставах или нет?

— Сейчас я разве жалуюсь врачам? Значит, все нормально.

Убедил я его. Вошел с ним в массажную. Там он нехотя, очень стесняясь, разделся и вошел в ванну. А когда начался сам процесс массажа, — о боже мой! — неожиданно случилась другая беда. Нет, чего только не увидишь!

Когда медсестра при помощи специального шланга начала делать Борбок-Каре подводный электромассаж, комната чуть не рухнула от страшного, нечеловеческого хохота моего друга. Он, выплескивая из ванны воду, крутился, извивался под шлангом и дико при этом хохотал. Мне никогда до этого не приходилось слышать, чтоб Борбок-Кара так громко смеялся. Прежде смех его был хитроватым и тихим: «Ке-ке-ке, Паша, с каких пор ты привык убивать священных кротов, а?..». Но сегодня с ним что-то стряслось: «Ха-ха-ха!.. го-го-го!.. хо-хо-хо!..».

Медсестра испугалась и выключила аппарат. Но Борбок-Кара не мог остановиться. Он захлебывался от смеха. Наконец, в изнеможении утих, лежал в ванне на животе. Медсестра снова включила аппарат, намереваясь продолжить массаж, но едва она поднесла шланг к спине Борбок-Кара, он с воплем и хохотом выскочил из ванны, чуть не сбив с ног массажистку, рванулся к двери и, мокрый и голый, выскочил в коридор. Увидев в коридоре ожидающих своей очереди больных, он опомнился, пулей влетел назад в массажную, лихорадочно стал одеваться. Но теперь начала хохотать медсестра:

— Хи-хи-хи... Ох!.. Мне такой пациент сроду не попадался... Хи-хи-хи... Вам надо сперва нервышки подлечить, а потом сюда... Хи-хи-хи... Мас-са-аж ему... хи-хи-хи...

А у Борбок-Кара будто отнялся язык. Мокрый, он безуспешно пытался поскорее натянуть на себя больничную пижаму. Наконец кое-как оделся, быстро пошел к двери, но неожиданно обернулся к массажистке и показал ей язык. Бедная девчонка покатила со смеху.

— Чи-чи-чи... Почирикай пока! — передразнил он ее. Тут Борбок-Кара заметил меня, весь передернулся и налетел коршуном:

— Смеешься, да, и ты смеешься?! «Гладила»?! «Руками»?! Сейчас я тебя так поглажу!.. Я в суд на вас подам, будет вам тогда «чи-чи-чи»!.. Вы специально издевались надо мной! Я от рождения щекотки боюсь, вы нарочно!..

После этого никто, конечно, не мог затащить Борбок-Кара в массажную комнату. Он так до конца и не поверил, что существует такой метод лечения радикулита и остеохондроза. Думал, что над ним специально решили пошутить. Долго он сердился на меня и Ольгу Петровну. Сердце моего друга и давнего предводителя простило нас только тогда, когда мне удалось однажды уговорить его посмотреть, как другие переносят столь испугавшую его процедуру. Мы вошли с ним в массажную. В той же самой ванне, где недавно «пытали» его самого, спокойнехонько лежал больной, а девчушка-массажистка, что «издевалась» над ним, Борбок-Карой, при помощи того же шланга и воды делала больному массаж. Борбок-Кара собственноручно проверил, включен ли аппарат, еще и еще раз недоверчиво посмотрел на больного, на медсестру и, озадаченный, вышел из массажной.

Мы с Ольгой Петровной были прощены. Но уговорить Борбок-Кара принять массаж, думаю, никогда и никому все-таки не удастся.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ —

о том, как Борбок-Кара учился выть по-волчьи, какими друзьями были Папай и Ярын, и воспоминания о некоторых других случаях в урочище Кайру-Бажи

Имена двух известных в наших местах охотников Папая и Ярына навеки связаны с охотой за волками, злее и коварнее которых, пожалуй, в наших горах не найти. В те годы, если доходил до нас слух, что кто-то убил волка, то мы уже знали: это мог сделать только один из них — Папай или Ярын.

Волки, волки, волки...

Коль все события в этой книге текут совершенно свободно, по вольным руслам, то почему я свой новый рассказ должен начать с волков? Нет, я начну его с поэзии. С поэзии?! С чьей? Очевидно, читатель удивится, если я скажу, что мой рассказ связан с поэзией великого шотландского поэта Роберта Бернса.

Какая может быть связь между волками, день и ночь рыскающими в лесах и горах Кайру-Бажи, и поэзией Бернса? Да, между поэзией великого шотландца и волками трудно непосвященному перекинуть мост. А он все-таки существует — как невидимая связь между различными землями.

В стиле разговорной речи, в диалогах, особенно в народном юморе разных наций, всегда можно найти общую основу. Ведь красота живого слова, краски и запахи во многом схожи. К тому же поэзия, если она настоящая, всегда касается вечных тем: любви и человеческой доброты — где бы она ни родилась. Истоки и язык любви, ее характер, хитроватые сплетения ее ситуаций в разные времена и у разных народов зачастую схожи, как бусы на одной нитке.

— Торын, Торын, открой мне дверь!..

— Кто там ко мне стучится?

— Конечно, это я, Торын...

— А кто ты, я не знаю.

— Как можешь не узнать меня?!

— Назад ступай, не знаю.

— Но я Папай, Торын. Открой!

— Я двери не открою!

— У двери буду я стоять...

— Ярын придет ночью.

— Ярын далеко, он в горах...

— Но с гор спуститься можно!

— А спустится — я убегу.

— А если я открою...

— Открой, Торын, ведь это я!

Торын — жена Ярына. А Папай — друг Ярына. Был ли действительно такой диалог — точно не могу утверждать. Может быть, его выдумал какой-нибудь кайрунский шутник. Все возможно. Но наши люди, как только видели, что едет к ним на своем темно-сером коне Папай, тут же начинали улыбаться и шептаться меж собой: «Торын, Торын, открой мне дверь», — и кто-нибудь непременно отвечал: «Ярын придет ночью».

Как знать, может быть, между Папаем и Торын в молодости и на самом деле состоялся именно такой разговор, а? Конечно, сам я не мог слышать его, поскольку все они — и дед Папай, и его друг дед Ярын, и тетушка Торын — были уже глубокими стариками, когда я был еще ребенком. Но старцев Папая и Ярына не разлить было водой. Крепкими были они друзьями. Лето ли, зима ли — всегда вместе: ходили на охоту, заготавливали корм для своих коров и лошадей, в работе и в отдыхе — вместе.

Все дети на земле плачут одинаково. Нет разницы между черными и белыми детьми — все улыбаются одинаково мило. Так и поэзия разноязычных, разноплеменных народов нашей многотрудной земли болеет общей болью, радуется, плачет, горюет, проклиная на одном языке — языке чувств. И эта общность удивительна и радостна.

Кто знал в те далекие и тяжелые годы в моем Кайру, что жил и творил на белом свете такой поэт, как Роберт Бернс. О его «Финдлее» не подозревали не то что Папай и Торын, о нем, как и о самом поэте, до недавнего времени не слыхивал и живущий в последней четверти двадцатого столетия Борбок-Кара.

Между английским и алтайским языками нет ничего общего. Но стоит мне прочесть «Финдлея» и вспомнить далекое «Торын, Торын, открой мне дверь», я чувствую единую волю прекрасного искусства, слышу в стихах, созданных на таких разных языках, общую музыку.

«Финдлей» на алтайский язык перевел наш широко известный, но так рано ушедший из жизни поэт Лазарь Кокышев. Сегодня это стихотворение популярно среди алтайской молодежи, особенно оно по душе влюбленным юношам и девушкам. А вот «Торын, Торын, открой мне дверь» в моем родном Кайру помнят разве люди старшего возраста, да, возможно, мои ровесники, а больше никто на свете эти стихи не знает...

Как-то в палату ко мне, когда я думал об удивительной общности поэтического языка, пришел Борбок-Кара. Я очень обрадовался ему и, приподнявшись, начал читать «Финдлея» на алтайском языке:

- Кто там стучится в поздний час?
- Конечно, я — Финдлей!
- Ступай домой. Все спят у нас!
- Не все! — сказал Финдлей.

Борбок-Кара заулыбался, прошел к столу, поглаживая короткими пальцами свою густую кудрявую бороду. Но вдруг он прервал меня:

— Э-э, друг, оказывается, ты забыл ночной разговор деда Папая и тетушки Торын. Неправильно читаешь. Вот послушай меня:

- Торын, Торын, открой мне дверь!..
- Кто там ко мне стучится?
- Конечно, это я, Торын...
- А кто ты, я не знаю...

Он дочитал до конца. Тогда я рассказал Борбок-Каре о Роберте Бернсе и его «Финдлее».

— Так не может быть! — горячо возразил Борбок-Кара. — Не Биндлей, а Торын, Торын должно быть! Это стихотворение нашей земли. — Потом он задумался и неожиданно протянул: — А-а, вспомнил... Помнишь, после войны к нам в Кайру приезжали какие-то иностранцы? Помнишь, один из них снимал на карточку наскальные рисунки?..

— Ну-ну, помню, приезжали. И что?

— По-литика! — Он вскинул указательный палец правой руки и хитровато посмотрел на меня. — Не догадываешься? Услышал этот самый Роберт наше стихотворение — и переделал: «Торын, Торын...» стал «Биндлеем». Это точно, друг! Понимаешь, новая по-литика! — И, понизив голос, прошептал: — Ты, Барыс, этому самому Роберту напиши письмо, а я подпишу. Скажи ему, что стихотворение нашей земли «Торын, Торын...» должно остаться нашим. Зачем нам какой-то Биндлей?

Вот какие бывают странные вещи. В народной поэзии есть своя притягательная сила, вечная и неповторимая. Родиной высокого духа поэзии не обязательно может стать страна древней цивилизации и культуры, ею может оказаться и простой шалаш под кедром в глухой тайге. Великие стихи могут создаваться не только на языке великих, но и малых народов...

Опять зима в Кайру-Бажи. Ядовито-морозные дни февраля. В один из таких дней наш предводитель возвращался домой радостный и вдохновенный. Пока паслись коровы, он успел осмотреть свои капканы и силки, и теперь за спиной его белел заяц, попавший в его петлю. Как же не радоваться такой удаче! Борбок-Кара привел коров в Кайру-Бажи и вошел в нашу единственную избушку, напевая: «Торын, Торын, открой мне дверь!..». Заходит — а возле горящего очага сидит дед Папай. Борбок-Кара осекся, растерялся и с грохотом сбросил со спины замерзшего зайца. А дед Папай ухмыльнулся, оценивающе взглянул на упавшего зайца и подмигнул нашему вождю:

— Пой, Борбок-Кара, ке-ке-ке, почему ты такую хорошую песню прервал? Пой, а я послушаю, ке-ке-ке...

Борбок-Кара испугался. Он подумал, что дед Папай сейчас опять схватит его за уши крепкими, как щипцы, пальцами и будет их крутить. Но Папай в тот день был душою мягок и добр.

— Ну, Борбок-Кара, прошу тебя, спой еще раз. Я буду рад, ты вернешь мою молодость. Как ты сейчас пел? — «Торын, Торын, — попробовал запеть старик, — открой мне дверь...» Видишь, нет у меня уже голоса, Борбок-Кара, ке-ке-ке... Где взять, у кого одолжить голос, а, Борбок-Кара?

Как ни упрашивал Папай, побоялся петь наш предводитель.

Старик сменил тему:

— Ке-ке-ке, Борбок-Кара, не хочешь ли ты иметь чуткий слух, как у лисы? согласишься — научу...

— Если стану чутким, как лиса, плохо буду спать, — отказался Борбок-Кара. — Ночью, как только завоют волки, проснусь.

— Тогда хочешь быть быстроногим, как заяц?

— Хочу, — согласился тут же наш вождь и друг. — Тогда бы на зверей я петли не ставил, а просто догонял бы и ловил их.

— Вот принесу тебе хорошие лыжи, Борбок-Кара, тогда с горы на гору будешь летать, как крылатая птица. Легко будет на охоту ходить. А хочешь научиться выть по-волчьи, Борбок-Кара?

— Если я завою, как настоящий волк, то испугаю своих коров, и они побегут куда глаза глядят, — отказался Борбок-Кара. — Не хочу быть волком.

— Однако, ошибаешься, — поправил его дед Папай. — Знаешь, в чем хитрость? Какой сейчас на дворе стоит месяц?

— Кочкор — февраль...

— В месяце кочкоре каждый охотник должен уметь по-волчьи выть.

Куда клонит он свой разговор, что хочет сказать? Пока Борбок-Кара думал и сомневался, дед Папай серьезно объяснил:

— Месяц кочкор — это гон волков, Борбок-Кара. — В старческих глазах деда Папая сверкнули искры молодости. — Ты знаешь, Борбок-Кара, теперь волки на своем языке примерно такую же песню поют, как «Торын, Торын, открой мне дверь», и ищут друг друга. Дружат, в любовь играют. Понял теперь? Я тебя, молодого охотника, хочу научить петь на волчьем языке «Торын, Торын, открой мне дверь...». Как ты смотришь на это? Волчиха ждет волка, а волк — волчиху: начался их свадебный месяц. Научись выть, Борбок-Кара, выбежавшего волка или волчиху встретишь меткой пулей. А пристрелишь волка, сам знаешь, Борбок-Кара, колхоз даст целого барана, будешь всегда сытым...

— Научите меня! — Борбок-Кара подошел к деду Папаю, забыв свой страх. — Я хочу выть волком...

— Ке-ке-ке, ведь я знал, знал, — старик весело заулыбался.

Позже выяснилось, что с годами начал потухать прежний голос охотника Папая, и он, подражая волкам, долго и протяжно выть уже не мог. Воздуха не хватало. И вот поэтому, когда в феврале начался

гон, он взял с собой Борбок-Кару — молодой воет, старый и опытный наготове держит ружье.*

Уже летом, охотясь за кротами и сусликами в Актеле, мы однажды сильно испугались. Всех бросило в жар, волосы дыбом встали...

Загустели над землей вечерние сумерки. Мы — Метирей, Паша и я — подошли к юрте, где ночевали, и вдруг услышали странный звук. Мы, как по команде, остановились. Что такое?.. Глядя друг на друга, мы стояли ни живые ни мертвые.

Первым догадался Паша:

— Это — волк. Волк воет, пацаны!

— В юрте! — с ужасом добавил Метирей.

— Наелся мяса наших кротов и... — я не успел дальше ничего сказать, ибо в это время волк завыл еще страшнее.

Мы, обезумев, полезли на дерево, растущее поблизости. Хотя и интуитивно, но поступили верно: если бы побежали, то волк бы нас догнал.

И вдруг из юрты вместо волка с веселым смехом выскочил Борбок-Кара...

Так мы сами убедились, что Борбок-Кара здорово умеет подражать волку. Настоящий волк. От его воя сначала бросит в жар, а потом — в холодный пот.

...Сегодня я спросил у Борбок-Кары:

— В каком месяце волчиха приносит волчат?

— Как и собака — через три месяца после гона. В конце апреля.

— А как различить следы волка и волчихи?

— Вот какая по-литика тебя заинтересовала, а? Эй, мой друг Барыс, — продолжает он тоном учителя и упрекает, — коль ты считаешь себя писателем, надо и это знать. Самец всегда бывает красивее и больше. Взгляни на маралов — что стоят одни их рога! Солнце и луна на них сияют. Возьми птиц. Например, глухарей. Глухарь — в черном бархате, крылья широкие, на крыльях утром сверкает солнце! А самки их — тусклого цвета, серые и небольшие...

Ведь я у него спросил лишь о том, как отличить следы волка и волчихи. А он затеял целую лекцию о других зверях и птицах. Такова у него манера — сразу не ответит.

— А петухов возьми, — развивает Борбок-Кара свою мысль, — какие у них гребни, а вид каков, а поступь?! А курочку, такую важную и красивую, ты видал когда-нибудь?

— Но ведь следы волков не говорят о их красоте?

— Как не говорят?! Кто тебе сказал? — возмутился мой друг. — Ты внимательно посмотри свежим утром, особенно после небольшого снега: где ступал волк — следы тяжеловатые, большие, кругообразные. А у волчихи — какие-то шупленькие, легонькие...

В то далекое время в наших местах много развелось волков. В апреле почти все люди выходили на охоту. По утрам, после снега, искали следы самок, чтобы найти логово, где они ошенились.

— Не только человек нежно и ласково относится к своим детенышам, — рассказывает Борбок-Кара. — Оценившаяся волчиха теряет покой в поисках еды для своих волчат. Промышлять уходит с раннего утра. Чуть свет и охотнику надо быть на ногах, — Борбок-Кара рассказывает о волчьих повадках спокойно, обстоятельно. Но вдруг, как это часто с ним бывает, он сменяет ход беседы, становится резким: — Нет, хуже и злее человека не бывает на земле никого. Ведь и у волка есть сердце, — неожиданно озлился он, — ведь и у волчихи есть боль, и жизнь есть и смерть!.. А люди — сами, как хищники... Помогая деду Папаю, я много раз выл волком. Весною мы выслеживали волчих, безжалостно разоряли логова, убивая волчат. Не оттого ли

сейчас я все чаще стал болеть и мучиться? Может, это проклятье волков?..

Мы молчим. Каждый из нас задумался, видать, о своем. Трагедия волка и человека... Есть между ними какая-то связь и в то же время бездонная пропасть. Может быть, во всем этом отразились беды и грехови времени?..

— А помнишь, Барыс, какая интересная по-литика случилась у меня с дедом Папаем? — первым нарушил молчание Борбок-Кара.

— В то время много было «политики» в Кайру, — отвечаю ему, — какую из них ты имеешь в виду — откуда мне знать.

— А припомни-ка мою охоту с дедом Папаем и деда Ярына...

Мотор машины моих воспоминаний снова зарокотал.

...Где-то далеко смутно начало белеть лицо февральского утра. На восточной стороне лесистой горы завыл волк. Услышав его, дед Папай медленно приложил ладони ко рту и, подражая волку, завыл в ответ.

— Пока волк находится далеко, не поймет подделки, — объяснил охотник своему молодому помощнику. — Попробуй выть, подражая мне.

Борбок-Кара вдохнул холодный февральский воздух, взвыл и нерешительно посмотрел на Папая.

— Ничего, ке-ке-ке, Борбок-Кара, — Папай одобрительно, чтобы сильно не шуметь, тихоноко засмеялся. — Научись и привыкнешь, Борбок-Кара, давай еще раз... Вот так. Еще, еще чуть-чуть затягивай голос, а под конец снизь до хрипоты...

Потом, показывая, завыл волком сам Папай. Вслед за ним опять Борбок-Кара. Они выли поочередно. Тихо, без лишнего шума двигались вперед, прячась то за дерево, то за куст, часто прислушиваясь: не послышится ли хруст мерзлого снега. Иногда кто-то из них осторожно поднимался на пенек или на кучу валежника, чтобы посмотреть, не показался ли волк. Нет, волк пока далеко. Он воем отозвался откуда-то издали. Борбок-Кара ответил ему. Прислушались. Бегут минуты. Волк завыл гораздо ближе. Папай остановил Борбок-Кару, а сам, закрыв рукавом своей большой и мохнатой шубы рот и нос как-то глухо и таинственно завыл.

— Посмотри, как надо, — шепотом учит он Борбок-Кару. — Прикрываешь рот — и волку трудно узнать человеческий голос.

Чувствуется, что волк где-то совсем рядом. Теперь надо смотреть в оба: серый выскочит скоро и неожиданно.

Папай замер. Наготове держит ружье, следит и ожидает. Но признаков какого-либо движения нет.

Горы в тишине. Вокруг лишь снега да леса. За все время, пока поджидали волка, ни Папай, ни Борбок-Кара даже не взглянули на небо. Оказывается, уже настало утро. Но до первых лучей солнца еще есть время. Тишина. Легкий ветерок гуляет по снегу. Время идет, терпения у кого больше?

Вдруг совсем рядом коротко взвизгнул волк. Не может, наверное, больше ждать. Папай погрозил пальцем Борбок-Каре, чтобы тот стоял тихо, не скрипел снегом.

И опять в лесу тишина. Чувствуется холод утреннего ветерка. Небо, постепенно освобождаясь от сумерек, становится все больше. Любый шорох и шум в такое утро удивительно хорошо слышатся. Вдруг охотники услышали, что где-то совсем рядом сломался с громким треском сучок под чьей-то ногой. Вот шебаршит зимний снег, вот чье-то тяжелое дыхание...

Охотники переглянулись и взяли ружья наизготовку.

Вот тебе сюрприз! Борбок-Кара отчетливо увидел впереди себя, шагах в пятнадцати, человека в большой алтайской шубе. Он медленно и осторожно взбирался на лежащий под снегом огромный валеж-

ник, ружье наготове держит и так же, как Папай, рукав шубы поднес ко рту, запрокинул лицо к нему и завыл по-волчьи.

— Ке-ке-ке, — вдруг глухо засмеялся дед Папай. — Ке-ке-ке, это ты, Ярын?! Тфук!.. Вот встреча так встреча!

— Ба!.. А это, оказывается, ты, Папай?! Хи-хи-хи...

Так вот в горах встретились два охотника и смеялись чуть не до обморока.

— Откуда ты пришел, Ярын?

— Спустился с гор Кайру.

— Что ты в пути нашел, Ярын?

— Нашел я хлеб, Папай.

— А где тот хлеб теперь, Ярын?

— Его съел волк, Папай...

— А где твой волк, скажи, Ярын?

— Он спрятался в кустах.

— Остались где кусты, Ярын?

— Пожар их съел, Папай.

— А где пожар, мой друг Ярын?

— Под снегом он, Папай.

— А где тот снег, скажи, Ярын?

— Под лыжами, Папай...

— А лыжи где, мой друг Ярын?

— Охотник их надел.

— А где охотник тот, Ярын?

— Он волком тебе выл!

Примерно такой шуточный диалог вели два знаменитых охотника. Наконец они обратили внимание на стоящего рядом Борбок-Кару.

— Знай, наш ученик, что только хорошие охотники так могут встретиться, — сказали они ему.

— Ты, Ярын, услышав мой голос, действительно подумал, что это настоящий волк?

— А ты тоже так думал, да, Папай?

— Да, Ярын, ты умеешь выть, как настоящий волк!

— И ты, Папай, точно умеешь подражать этому жадюге! А ты вот, Борбок-Кара, если хочешь быть настоящим охотником, то научись выть, как мы с Папаем, — сказал дед Ярын.

— Он уже научился, — похвалил Папай своего ученика. — Может быть, Ярын мне не верит? А ну, покажи-ка, как умеешь выть...

— Интересная была по-литика, — подытожил наше воспоминание Борбок-Кара и, хотите верить, хотите — не верить, но я сам не ожидал того, что случилось в следующую минуту: Борбок-Кара, видно, забыл, что сидит в больничной палате, чуть прикрыв рот ладонями, запрокинул бордатое лицо к потолку и начал выть: — А-а-а-у-у-у... Ах-х-х-у-у-у... Ах-н-х-у...

Бог ты мой! Смотрю — возле дверей палаты уже толпятся больные, к палате спешат врачи, медсестры. На лицах людей ужас! А мой Борбок-Кара, не обращая на них внимания, так же запрокинув лицо к потолку, воет: — А-а-у-у-у-у... Ах-н-у-у...

Кто слышал этот страшный вой, конечно, думал, что он сошел с ума. Ведь с больным, раз уж он находится на лечении, что угодно может случиться. Но нет, все было в порядке. Просто он сидел и рассказывал об охотниках. Вспоминая прошлое, развеселился и решил продемонстрировать свое мастерство. Но объяснить и доказать это всем оказалось нелегко. Хорошо, что в больнице был хоть один человек, который знал нас и нам верил. Если бы не Ольга Петровна, моего друга могли перевести в психиатрическое отделение.

Еще раз спасибо, Ольга Петровна — «солома волос, ресниц синева»! И от имени моего друга и вождя нашего детства говорю: «Спасибо, Алтын-Чач, Золотой Волос!».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ —

о том, как молния любви поразила сердце Борбок-Кары и о первых послевоенных днях в нашем летнем стойбище

С быстротою птицы летели над нами времена года. Лето, зима, зима, лето... Мы выросли. Незаметно пришла к нам любовь. Большая и мучительная беда прежде всего свалилась на Борбок-Кару. Он был старше нас, и его глаза взглянули на высокое солнце до нашего рождения. А раз так, то и красота девушек и молодых женщин открылась его холодновато-черным глазам гораздо раньше, чем нам. От этого глаза Борбок-Кары потеплели, смутная тень неизведанной любви изменила их.

Наверное, все живое на земле начинается с любви, этого великого и очень болевого чувства. Чье сердце помнит любовь, тот навсегда лишится покоя. Такое сердце не будет знать, что значит лень. Любовь все подчиняет своей воле. Ничего она не боится. Лучших друзей и близких родственников она может сделать врагами, а вчерашних врагов примирить. От воли любви зависит многое на этом свете.

Тут стоит еще раз вспомнить того самого табунщика, который белым чумбуром бил Борбок-Кару по голове и голой спине. Ведь впоследствии любовь сделала родственниками Яру и Борбок-Кару. Как это произошло, пока не буду говорить. Лишь намекну: это связано с Аткойром — братом нашего предводителя. А в первой любви Аткойра и самого Борбок-Кары, мне думается, есть тайна судьбы. Нет, не буду опережать время. Сначала расскажу о первой любви Борбок-Кары.

В один из погожих летних дней наш вождь и друг удивил нас всех — Пашу, Метирея, меня и своего братишку Аткойра. Аткойр до недавнего времени был прикован к постели и потому с нами вместе нигде не ходил. Теперь же он поднялся на ноги и стал всюду бегать за своим старшим братом.

Борбок-Кара привел всех нас... к Бай-Тыту — Священному дереву, которое красуется чуть ниже нашей летней стоянки. Оно отличается от всех деревьев вокруг него. Другие лиственницы — обычные, с редкими сучьями, зелеными иглами. Священное дерево не такое. Бай-Тыт — это ветвистое и большое дерево. Оно похоже на темно-голубой кедр, с кучковатыми и густыми ветками. И стоит оно на видном месте, на темени небольшого и чистого холмика. Другие лиственницы, будто боясь Бай-Тыта, стоят чуть поодаль. Стоят вокруг, как часовые. Может быть — иногда приходит мне на ум, — у природы тоже есть свой тайный язык и закон чинопочитания...

Бай-Тыт — Священное дерево... Понимаете ли вы, в какое место нас привел Борбок-Кара? Ведь это, как считают алтайцы, святое место. Не знаю, специально ли это сделал наш предводитель, а может, его привел сюда рок самой судьбы?..

Любовь — сладкая и горькая боль. Жить с ней одному очень трудно. Перед другими открыть высокую боль этого чувства еще тяжелее...

У Бай-Тыта Борбок-Кара задал нам удивительный вопрос:

— Как вы думаете, пацаны, если с сегодняшнего дня назову я себя не Борбок-Карой, а Максымом?

— Максым?! Это что за слово? — спросили мы.

— Разве вы забыли того солдата, который возвращался с фронта домой, в Оймонский край, и ночевал на нашей стоянке? Помните, какие у него были сапоги? Красные и до блеска начищенные. — Борбок-Кара с какой-то надеждой и ожиданием смотрел на каждого из нас. Мы не знали, что ему ответить, а он объяснил: — Того солдата звали Максымом. Ох, как красиво плясал он, солдат из Оймона...

— Максым — это имя оймонского человека, — вступил в разговор Аткойр. — Такого имени в наших местах нет.

— Ох, — тяжело выдохнул Борбок-Кара и посмотрел на нас опять вопросительно. — Ох, пацаны, если вы не понимаете, то открою вам свою великую тайну...

...Солдат, возвращавшихся с фронта, мы увидели недавно и только стали к ним привыкать. На гимнастерках солдат сверкали ордена и медали. Кончилась великая и кровавая война, которая много лет шла где-то далеко от нас, там, куда уходит солнце. Люди стали больше петь, смеяться, рассказывать веселое, смешное, даже араку, которую до этого почти не употребляли, стали пить чаще. Действительно, мир вокруг нас с каждым днем становился светлее, шире и вольнее, а лица людей — улыбчивее и добрее. Люди будто стали выше ростом, быстрее и легче стали ходить и двигаться. Мы, дети, открывали для себя мир. Раньше мы думали, что все люди на земле разговаривают только на одном алтайском, да изредка на русском, языках; поскольку нигде, кроме как на летнем и зимнем стойбище, не были, заезжали чужие к нам редко. Мы и знать не знали о существовании различных народов, языков, религий. Слышали лишь, что где-то есть немцы — фашисты, которые убивают наших отцов и братьев. Теперь же ехали через тайгу к себе домой фронтовики...

...Итак, такое собрание у Священного дерева — нашей Мекки... Конечно, тогда никто из нас и не подозревал, что на свете существует страна, называемая Саудовской Аравией, и там находится город Мекка с храмом Кааба — священный город мусульман и место их поклонничества. Тогда мы этого не знали... У нас было Священное дерево.

— Максим, пацаны, — тихо сказал Борбок-Кара, — это... это красиво. — Мы молчали. — Красиво звучит — Максим... — он опять выжидательно посмотрел на нас. Мы не понимали, почему он хочет стать Максимом. — Когда он плясал здесь, то у Чомый, которая пришла к нам с верхней стоянки, глаза сверкали, таяли, как две льдинки под горячим солнцем...

— Какая Чомый? — вдруг вырвалось у меня. — Пасет телят на верхней ферме, а?

— Другой Чомый быть не может! — рассердился Борбок-Кара. — Раз навсегда запомни, на всей земле нет никакой другой Чомый! Только она — дочь чернобородого Карамая, которая пасет телят на верхней стоянке, — глаза Борбок-Кара тоже сверкали, как льдинки на солнце.

Летом в Актеле находились всегда два гурта колхозных коров. Поэтому и стоянок было две. На нижней старшей дояркой была моя мама, на верхней стоянке, где жила и пасла телят Чомый, старшей дояркой работала очень высокая и похожая на мужчину Шурбала — старшая сестра Чомый.

— У этой Чомый еще сестра есть младшая, Чергий, — вспомнил Паша, но наш предводитель и слышать не хотел никаких новых имен.

— Я вам говорю не о какой-то там Чергий, а о красавице Чомый, — почти прошептал Борбок-Кара: — Кто-нибудь из вас заметил, какие у нее глаза?.. Чистые, как смородины, обмытые дождем. Ни у кого таких глаз нет! О, мои смородинки!.. — шепотом простонал Борбок-Кара, прикрыв глаза и словно забыв о нас.

— Нет, имя Максим тебе не подходит! — вдруг сказал Метирей. — Я не согласен.

— Имя Максим на тебя не похоже, — поддержал Метирей Атыр. — Если хочешь быть моим братом, то оставайся Борбок-Карой. Ты похож на Борбок-Кару, больше ни на кого... Все мы к тебе и твоему имени красивому привыкли.

— И правда, что это такое — Максим? — поддержал я своих друзей. — Нет, оставайся собой. Борбок-Кара лучше звучит...

И вдруг Аткыр сказал:

— Нет, ребята, Чергий намного красивее! Чергий... звучит-то как, а?!

Но наш предводитель жестко прервал своего братишку:

— Я вам еще раз повторяю, мои мысли заняты Чомый. — Неожиданно он указательным пальцем правой руки ткнул напротив сердца и, едва не плача, заорал: — Вот тут!.. Тут горит, понятно вам всем? Э-х, куда вам понять!

— Борбок-Кара, в таком случае... — раскрыл было я рот, но он сердито прервал:

— Запомни, теперь я вам не Борбок-Кара, а Максим!

— Раз ты решил быть Максимом, то где возьмешь такие же красные сапоги, как у оймонского солдата? — заинтересовался Метирей.

— Красные сапоги?! — явно замешкался Борбок-Кара, глядя на свои голые ноги. Он нерешительно поднял глаза на Метирея. — Говоришь, красные сапоги... — он долго стоял и задумчиво смотрел на свои обмытые росами голые ступни. Через какое-то время лицо его просияло. — Откуда возьмутся красные сапоги?.. — он с хитрецей посмотрел на нас. — Пацаны, скоро я снова поеду в страну Ело, сдам шкурки сусликов и кротов... По-литика!

— Какая политика? Объясни, — сказал Аткыр. — А то наябедничаю матери, будешь знать...

— Матери? Тогда я задушу тебя, горбун! — погрозил Борбок-Кара братишке.

Если бы кто-нибудь из нас назвал Аткыра «горбуном», досталось бы тому от Борбок-Кары. Защищая своего братишку, он сам мог любого сделать горбуном.

— Что ты сделаешь в Ело? — вернул Паша Борбок-Кару к прерванной мысли.

— Продам шкурки госторгу, получу деньги и куплю себе красные сапоги, — удивил нас своей находчивостью наш предводитель. — А если в еловской лавке не будет красных сапог, поеду еще дальше. Знаете, какая лежит за Ело страна?

— Какая?

— За страной Ело не знаете какая страна?

Борбок-Кара решил похвастаться, что знает много стран. А страной мы тогда представляли себе любое село или колхоз, которые находились в каких-нибудь десяти километрах от нашего Кайру.

— По-литика, секрет! — Борбок-Кара хитро подмигнул. — Дальше дорога приведет меня в страну Кенгу! Там можно найти все что угодно. В Кенгу я могу купить не только красные сапоги, но и красную рубашку. Вот увидите...

Мы стояли, разинув рты, пораженные словами Борбок-Кары. Конечно, у нашего предводителя шкурок было больше всех, и мы верили, что он сделает, как сказал. Но... Красные сапоги и еще красная рубашка — одному человеку?! Наше воображение не могло представить такое богатство...

— Вот тогда ты станешь настоящим Максимом, — первым согласился Паша.

— А там, в стране Кенгу, о которой ты говоришь, разве идет война? — поинтересовался я, предполагая, что красивую новую одежду можно приобрести только там, где идет война. Ведь солдаты, возвращавшиеся с войны, были очень красиво одеты: у каждого из них сапоги, галифе, высокая фуражка, еще гимнастерка с орденами и медалями...

Когда мы задали Борбок-Каре вопрос о красных сапогах, он будто оказался на лесной тропинке, по которой ни разу не ходил. А теперь, когда ответил, он словно вышел на просторную и ясную дорогу.

Не удостоив меня ответом, наш предводитель объявил:

— Один важный вопрос решил. Остается еще одна тайна, пацаны. Мы ждем. Замерли.

— Во-первых, вы никому не должны говорить о нашем разговоре, — приказал он. — По-литика — секрет! Дайте мне клятву, что все будет шито-крыто...

— Клянемся!

— Во-вторых, — Борбок-Кара пальцем указал на Пашу, — сегодня ты пойдешь со мной на верхнюю ферму. Не доходя юрты, я останусь. А ты найдешь Чомый и скажешь ей так: тебя ждет Максим. Скажешь: пойдём вместе. Но только никто ничего не должен заметить. Особенно об этом не должна знать Шурбала. Ясно?..

— Может быть, ее вызвать через Чергий? — подал новую идею Метирей.

— Нет, нельзя, — сказал наш вождь. — Вдруг Чергий шепнет Шурбале?.. Нет, не подходит.

— Но ты ведь еще не Максим? — не соглашался Атыр.

— Никаких разговоров, теперь я — Максим! — приказным тоном сказал Борбок-Кара. — Оторву, однако, тебе уши... — пригрозил он.

Как Паша первый раз уговорил и привел Чомый к Борбок-Каре, никто не знает. Но потом мы много раз сами были свидетелями, как встречались Борбок-Кара и Чомый.

Мы часто провожали нашего друга на верхнюю ферму. Бывало и так: Чомый выходила пораньше и ждала своего возлюбленного пониже юрты доярок, среди густых зарослей. Не догадываясь, что она тут, мы не раз проходили мимо. Чомый выскочит из-за дерева и позовет тихонько:

— Эй, Максим, я тут!

Ее тень на миг мелькнет под ясной луной и тут же скроется за деревом.

Борбок-Кара, услышав любимый голос, взволнованно приказывал нам:

— Не шуршите тут, как мыши сухой травой, а лучше — уходите! Нам неохота было уходить. Но Борбок-Кара неумолим:

— Кому сказал?! Уходите!

Что поделаешь — командир есть командир. Мы нехотя поворачивали домой, на нижнюю стоянку. Но однажды Паша, самый сообразительный среди нас, сказал:

— А давайте, пацаны, подкроемся к ним и посмотрим, что они там делают, а?

Мы, как ночные воры, тихо подползли к валежнику, на котором сидели наши влюбленные, и стали вслушиваться.

— Ты самый красивый мой теленочек!.. — разобрали мы жаркий шепот Борбок-Кара. — Самое чистое и белое молоко мое...

«О каком теленке они говорят?» — уставился на меня Метирей.

— Может, Чомый ему молоко приносит? — еле слышно спросил я друзей, сам ничего не поняв в подслушанном разговоре.

— Молчи, бестолочь! — шикнул на меня Паша. — Это любовные слова!

Мы опять прислушались.

— Ты мое сладкое зернышко в самом большом кедровом орешке...

Мы переглянулись и прыснули.

Влюбленные вскочили, как ужаленные.

— Убирайтесь немедленно! — зашипел наш командир. — Я вам завтра покажу!

Мы бросились, спотыкаясь в темноте, в сторону дома. Но любопытство так нас разбирало, страсть как интересно было послушать еще — мы, пошептавшись, решили вернуться.

И вот шепот Борбок-Қары вновь обжег краешки наших ушей:

— Знаешь, Чомый, я скоро приду к тебе в красной рубашке!

— А где ты ее возьмешь?

— Если хочешь, я и тебе принесу красную рубашку. Я знаю, где купить...

Нет, какими мы тогда глупыми были! Выскочив из-за кустов, гордясь, что знаем такую большую тайну, мы в три голоса выпалили ее:

— Борбок-Қара привезет эти вещи из страны Кенгу, Чомый!

Пока наш предводитель искал, чем бы запустить в нас, наш и след простыл...

...Как порою близко соседствуют горе и радость! Еще недавно в нашем Кайру не было человека несчастней тетушки Тудар — матери повесившегося Текемея, а сразу после войны выпало ей счастье, какого не узнали ни одна из наших матерей.

Кроме Текемея, были у тетушки еще два сына. Они, как и отец их, давно ушли на войну. Тетушка Тудар была старше всех в стойбище. Наши матери помогали ей, жалели ее, несмотря на то, что она жестоко относилась к сыну Текемею. А мы, дети, не могли этого понять: мы не знали, почему тетушка Тудар была так сурова с сыном.

Она была похожа на всех тутюшних доярок, только слабее. Правая рука ее плохо двигалась, поэтому ей старались не давать тяжелую работу: сено она не косила, возить молоко ее не заставляли. В зимнее время мать запрещала ей ездить за сеном.

— Пусть тетушка Тудар останется дома, присматривает за нашими детьми, — не один раз говорила моя мать.

— Спасибо, за детьми следит, — соглашались доярки.

А Тудар, оставшись с нами, в зимние дни любила сидеть у единственного окна нашей старой избушки. Она целыми днями занималась шитьем и ремонтом: ставила заплатки на наши старые, порванные шубейки, чинила обутки доярок, своих подруг.

Сидя у подслеповатого окна, она иногда тянула тоскливую мелодию:

Золотым голосом птица-кукушка
Споет ли опять будущим летом?
На войне оставшись живыми,
Вернутся ли летом мои сыновья?

Потом, тихо шмыгая носом, она горько плакала. А мы, не до конца понимая причины ее слез, очень ее жалели и старались сделать ей что-то приятное:

— Тетушка Тудар, может, пойти пособирать щепки?

— Давайте затопим печь, пусть будет тепло, тетушка Тудар?

Она переставала плакать и говорила ласково:

— Разожгите, дети, печь, а я заварю вам чай.

Пока мы носили дрова, она сидела на том же месте у окна, задумчивая, и плакала уже молча. Увидев, что дров достаточно, она, украдкой вытерев лицо рукавом старой шубы, тяжело поднималась, чтобы поставить чай.

— Тетушка Тудар, когда с нами, всегда плачет, — много раз я сообщал своей матери.

— Пусть поплачет, — говорила мать, — вы ей не мешайте...

Только позже, когда подросток, я узнал, что на фронте погибли муж и старший сын тетушки Тудар. О похоронках нам тогда никто не объявлял. А от среднего сына Токтона тетушка Тудар до самого конца войны не получала никаких вестей. И потому оплакивала его тоже.

Но однажды... в один из самых прекрасных дней середины лета в Актел вернулся Токтон. Я никогда не забуду его встречу с тетушкой Тудар.

Увидев сына, мать рванулась к нему, но тут же остановилась, впившись глазами в его пустой рукав:

— Что случилось, сынок? — крикнула она. — Ты жив? — медленно подошла к сыну, упала ему на грудь.

Остальные женщины от неожиданности тоже растерялись, стояли молча, смотрели на тетушку Тудар и Токтона.

В следующее мгновение мать отстранилась от сына, снова посмотрела ему в лицо, перевела взгляд на пустой рукав и опять, горько вскрикнув, упала лицом на грудь Токтона.

— Ты, оказывается, жив? — почему-то стала она упрекать сына. — Почему ты не писал, что живой, почему? Если бы я знала, что ты живой... — и тут она произнесла непостижимые для нашего ума слова: — Текемей сейчас тоже был бы жив! Ой, ой дорогой мой сынок, балам, Текемей, Текемей, что я натворила, что я наделала!..

Невозможно было понять: почему, обвиняя себя в смерти Текемея, тетушка Тудар обвиняет и Токтона? И почему его, Текемея, жизнь зависела от жизни Токтона?

— О, великий кудай-бог и люди добрые, — причитала мать, снова уткнувшись в гимнастерку солдата, — посмотрите на сына моего, разве я родила такого?.. Где, мой сын, твоя рука?! — Она подняла с груди сына свою седую голову. — Проклятые бесхвостые волки живьем съели твою руку!..

Я хорошо помню, что Токтон тогда не проронил ни слова. Он словно действительно был виноват перед матерью...

Только повзрослев, я узнал, что алтайцы в годы несчастий и бедствий стараются спасти своих детей... своего рода наказанием. Так новорожденному в такое время дают плохое имя, чтобы подземный злой бог Эрлик не унес его к себе. Осталась верна этому древнему обычаю и тетушка Тудар. Она так решила сделать и об этом сказала своим подругам:

— Я очень любила своих старших детей и была с ними чрезмерно ласкова. Потому, видать, они погибли в стране немецкого хана. Пусть хоть мой последний сын, Текемей, останется живым. Я буду теперь к нему жестокой.

Наши матери не осудили ее за это решение, а лишь тихо шептались между собой, жалея старую мать...

...Токтон стоял перед матерью, склонив голову. Фуражку свою он держал под мышкой единственной левой руки. Пустой рукав гимнастерки был засунут под ремень. Черные волосы Токтона красиво блестели под лучами летнего солнца. За спиной его висел солдатский вещевой мешок. Сапоги были обыкновенными, а не красными, как у оймонского солдата. А галифе такие же зеленые. Зато медалей и орденов на его груди было больше, чем у Максыма. Так и должно быть. Ведь солдат-то не оймонский, а из нашего Кайру!.. Награды и пуговицы ослепительно сверкали на солнце, радуя нас, детей.

— Отца и старшего брата эти кровавые собаки съели... — плакала мать перед сыном. Она вынула откуда-то из-за пазухи пожелтевшие, со следами слез листки. — Вот черная бумага про их смерть... — Она подала листки сыну, тот, не разворачивая и не читая, положил их в карман галифе. — Дали бы мне железные вилы, этим фашистам распорола бы животы!.. Хорошо, хоть ты живой, сынок, — начала немного приходить в себя тетушка Тудар. — Ну, проходи, сынок, в юрту...

Как бы ни была жизнь трудна и печальна, но и у радости есть свои права. Когда возвратился Токтон, над нашим летним стойбищем в Актеле вновь взмыла, полетела, затрепетала алтайская песня — жив солдат! На стоянке в Актеле были три островерхих юрты. Наши матери жили в разных юртах. А в тот день все они собрались в одну большую юрту и пели до утра, плача вместе с тетушкой Тудар и радуясь вместе с ней.

Травы, которые мы косим, роняют слезистые росы.
Жизнь в живых оставшихся пусть будет бесслезной,
Собранное нами сено пусть будет зеленым,
А наша дальнейшая жизнь пусть будет счастливой.

Конечно, кто-то горько плакал, вспоминая своего мужа или брата, погибших на войне. А кто-то пел и радовался, что настало спокойное время.

Те песни, посвященные погибшим в кровавой стране Война, до сих пор во мне не остыли, они приплывают через годы и расстояния, отдаются пронзительной болью.

Если б не выпадали большие снега,
Не отцветали б цветы и травы,
Если б не приходили на землю войны,
Разве б молодые братья умирили?..

Когда чуть закружились головы наших матерей от теплой алтайской араки, развязались их языки. Стали вспоминать и рассказывать каждую свою беду и потерю.

Токтон, будто не слыша ничего, сидел молча, думал о чем-то своем. На его синеватых губах изредка появлялась и тут же исчезала тень улыбки. Интересно, о чем он думал, этот всегда молчаливый, немногословный человек, живым оставшийся на войне?..

По нашему обычаю араку пили в то время из одной, специально для такого случая, пиалы — туурам. Ее передавали из рук в руки по ходу солнца, с востока на запад. Когда очередная пиала с горьким напитком приходила к кому-то из участников застолья, он, чуть пригубив, мог, по своему желанию, преподнести ее любому уважаемому человеку. Особенно в почете бывал гость. Каждый старался ему подать пиалу-туурам. Но и гость в долгу не оставался: оказывал уважение присутствующим, особенно пожилым людям и хозяевам дома.

Сегодняшним гостем был Токтон. Туурам то и дело оказывалась в его руках. Ему желали здоровья, счастья и других благ. Он — солдат, защитник родной земли. Остался жив и первым вернулся домой!

— Выпей, Токтон, это твой родной напиток...

— Выпей, Токтон, ведь из чистого молока...

Он молча пил. Пил много, но не пьянел. Задумчиво смотрел на огонь очага. Видимо, вновь шагал по дорогам своих длинных и неизвестных нам воспоминаний.

Почему он не смотрел на людей, родных и знакомых с детства?.. Сегодня мне думается, ему было трудно и мучительно видеть, что сделали с лицами этих многострадальных женщин-матерей муки и беды...

И снова лились мелодии алтайских песен. Кружилась вокруг очага та же алтайская пиала — туурам.

На вершине снежной горы
Пусть растет золотой цветок.
Золотой наш Алтай
Пусть свет луны освещает.

Среди множества голосов выделялись два: голос Кыйгас, которая чем-то напоминает мне красавицу врача Ольгу Петровну, и пронзительный и мелодичный голос тетушки Кажакай:

На снегах синееющих вершин
Пусть растут жемчужные цветы.
Каждый день родной Алтай
Пусть обходит солнце золотое...

Когда Токтон и на огонь устал смотреть, прикрыл глаза. Кто-то попросил его:

— Хоть что-нибудь расскажи нам, Токтон?

— Как ты жил там и воевал, расскажи, нам охота послушать.

Токтон тяжело вздохнул, поднял голову и будто только сейчас заметил окружающих его людей.

— Что рассказывать?!. Я солдат. От Сталинграда до Польши копал окопы. Вот и все...

— А медали и ордена дали за то, что много копал землю, что ли? Токтон небрежно махнул единственной рукой:

— Остальное время валялся в госпиталях.

— Встречал ли ты на войне алтайцев, Токтон?

— Нет, встречаюсь вот сегодня, с вами...

Пути людских судеб никогда не бывают прямыми...

Токтон не пел тогда с доярками, не плясал, как Максим, поднимая пьель с земляного пола юрты, не рассказывал небылицы о войне. Нет, он молчал, наш Токтон. А вскоре поползла про него молва, похожая на фантазию.

— Правая нога у Токтона — не своя, — таинственно передавалось из уст в уста. — Это не сказка, а настоящая правда.

— Как не своя? — ахали маловеры.

— Так! Когда страшный снаряд оторвал ему ногу, то на ее место поставили ногу немца! — уверял кто-нибудь маловерного.

Но тот не сдавался.

— Такого не может быть! — решительно заявлял он.

— Но так говорят... На войне, рассказывают, такие бывают врачи, которые умеют оживлять даже мертвых солдат!

И верили. И про Токтона и про врачей. Видимо, люди в каждом из солдат и своих земляков, вернувшихся с большой войны, хотели видеть непоколебимых батыров и героев, убивших злодеев и смерть.

Удивительные люди в Кайру! Они умеют в трудный момент и пошутить, и выдумать; умеют трудиться и верить — всегда. В самые тяжкие военные годы каких только удивительных рассказов о войне не приходилось нам, кайрунским детям, слышать от наших матерей! Промерзшие до костей, голодные и смертельно уставшие, вернутся они с работы зимним вечером в нашу единственную, со слепым оконцем избушку, сядут, безжизненные, у очага, молча возьмут пиалы с чаем — пустым кипятком... — и глядишь, уже согрелись, ожили, уже разговаривают друг с другом, прижимают к себе нас, детей, видят, наконец, свой дом, живут вновь надеждой на лучшее...

Так, чаю я, поведали нам наши матери не одну легенду. Помню, я был заворожен рассказом о единоборстве двух богатырских коней. Кто-то видел, высоко в ночном небе, среди холодных звезд, будто бы дрались подобный ночи Черный и подобный солнцу Красный кони. Они, всхрапывая, раздувая ноздри, кидались друг на друга, били друг друга копытами. От их ударов высекались молнии, которые, прочерчивая ночное небо, вонзались в снежные хребты далеких гор. В этой смертельной схватке каждый старался сбросить на землю другого. Ноздри коней выбрасывали клубами огромные облака пара. Пена шла изо рта того и другого. А кровь у коней была разная: у Черного — черная, у Красного коня — красная.

— А кто победил? — не терпелось мне узнать главное.

— Верх взял Красный конь. Черный, перевернувшись, стремительно полетел вниз с ночного неба, пробил землю и навеки ушел в нее. Когда он ударился о землю, даже горы покачнулись...

— Если на самом деле так, — тихо проговорила тогда тетушка Тудар, — то это очень хорошо. — И, по обычаю суверенных алтайских женщин, она стала творить внутреннюю молитву, поглаживая свои копы то правой, то левой рукой.

А я потом не один раз вглядывался в ночное небо, надеясь увидеть там чудесного Красного коня.

Наслушавшись за долгие военные зимы подобных рассказов своих

матерей, мы, мальчишки, на Токтона смотрели, как на сказочного героя...

А молва о нем шла все дальше:

— Было, говорят, так. Когда наши бойцы взяли в плен того самого немца, который своим большим ружьем оторвал ногу Токтону, его спросили: «Что, фашист, тут же прикончить тебя или ты добровольно отдашь ногу нашему верному другу, смелому воину с Горного Алтая, и этим спасешь себя?» Конечно, он, хоть и был немцем, тоже хотел жить. И он ответил: «Не убивайте меня! Лучше возьмите мою ногу для своего друга!» Вот как, а?.. А искусные военные доктора ногу немца ловко поставили Токтону вместо прежней...

— Нет, Токтона хранил, видать, сам великий кудай-бог...

Смешно это и горько сейчас вспоминать. А тогда мы не думали, почему же заодно военные хирурги не подарили Токтону правую руку? Не задумывались мои земляки и над тем, потеряла ли бы наша страна двадцать миллионов своих сыновей и дочерей, если бы существовали такие чудотворцы. Очевидно, и из маленького, нашего Кайру погибли бы не семьдесят, даже и семь бы человек не погибли, а все бы вернулись домой, будь такие врачи. Но мы об этом не думали тогда. Радуюсь, что наконец-то кончилась проклятая война, мы — верили. И поддерживали фантастические слухи о сыне тетушки Тудар. И мечтали от него услышать рассказы о войне и о его «немецкой» ноге.

И потому однажды мы — я, Паша и Аткыр, — выбрав удобный момент, предстали прямо перед Токтоном. Он, как всегда, был в галифе и гимнастерке. Но особенную нашу зависть вызывал его широкий ремень. Токтон взглянул на нас, провел единственной пятерней по красивым, коротко стриженным волосам и широко улыбнулся:

— Что вам?

— Давай, спрашивай, — Паша подтолкнул меня вперед.

Но Аткыр опередил, спросив совсем не о ноге:

— Скажите, дядя Токтон, возьмут меня на войну? — он смотрел на Токтона снизу вверх с ожиданием.

Солдат как-то странно и нежно поглядел на стоящего перед ним мальчишка-горбуна.

— Сейчас нет войны, — ответил он.

— А просто в армию возьмут его? — включился в разговор и Паша, словно забыв, зачем мы сюда пришли.

— В армию, говоришь? — Токтон, улыбаясь, смотрел то на Пашу, то на Аткыра. — Говоришь, солдатом... наверное, возьмут... Нет, точно возьмут! — уверенно сказал он.

— А они мне что говорят?.. — Аткыр бросил на нас упрекающий взгляд. — Когда я стану взрослым, ведь выпрямится моя спина? — Его серые глаза с надеждой смотрели на Токтона. — Тогда у меня будет точно такой же широкий ремень, как у вас, дядя Токтон, да?!

— Правда, дядя Токтон, что у вас одна нога — не ваша, а какого-то немца? — не выдержав больше, вдруг выпалил я.

Токтон громко засмеялся: что, мол, с вами говорить, — махнул единственной рукой и, повернувшись, ушел в юрту.

Я и сейчас не знаю, кто выдумал эту историю о «немецкой» ноге Токтона. В ней выразилась, думается, великая сила духа нашего народа, его многолетняя мечта о победе и — нетленная надежда человека победить смерть.

Однако, вспомнив в связи с первой любовью Борбок-Кары оймонского солдата Максима и кайрунца Токтона, я затаил, кажется, свой рассказ. Но как было не поведать о возвращении с войны первого нашего солдата?! Тем более что Токтон и сейчас живет в Кайру. Он такой же тихий, ласковый. И у него уже внуки...

Фридрих Давидович Больгер родился в 1915 году в Поволжье. Стихи начал писать будучи студентом педагогического института г. Энгельса. Работал учителем, журналистом.

Автор сборников стихов на немецком языке «Ибо ты человек», «Сердце поэта» и книги стихов на русском языке, вышедшей на Алтае («Стихи», 1971).

Член Союза писателей СССР.

Живет в г. Славгороде.

Фридрих БОЛЬГЕР

ПЯТНАДЦАТЬ СЕСТЕР

БЕНОК СОНЕТОВ

1

Не только мне —
известны всей планете
пятнадцать замечательных сестер.
Союза нет прекраснее на свете!
Глядишь на них — и радуется взор.
Радушие и дружба — их отрада.
Возводят счастье собственным трудом
и, если с миром гость приходит в дом,
они его встречают словно брата.
Октябрьской бурей сестры рождены,
когда в России правда утвердилась,
и борются, мечте своей верны,
за мир для всех людей,
за справедливость.

На подвиг, что для всей земли
бесценен,
их вдохновил великий гений — Ленин.

2

Их вдохновил великий гений — Ленин
на благородный, на свободный труд.
Путь к коммунизму крут, но неизменен,
и сестры гордо по нему идут.
Шагают — все пятнадцать —
непреклонно,
во всем друг другу подают пример.
А первую воспеть РСФСР
подсказывает сердце мне влюбленно.
От Балтики до самых до Курил
и от Эльбруса до снегов до вечных
она полна неистощимых сил
и планов по-земному человеческих.
Она, как солнце, что взошло
в зенит, —
ничто на свете солнца не затмит!

3

Ничто на свете солнца не затмит —
Оно над миром светит и ночами!..
И, радуясь, с улыбкою глядит
сестра-певунья с дивными очами.
Ее зовут любовно — Украина.
Она богата углем и рудой.
Поля шумят пшеницей золотой.
В садах плоды, как россыпи рубина.
Хребты Карпат простерлись до небес,
и берег моря Черного чудесен.
Известны всем Донбасс и Днепрогес,
и Севастополь стойкостью известен.
И реет слава выше вечных гор
о подвиге пятнадцати сестер.

4

О подвиге пятнадцати сестер
летит молва, народы вдохновляя.
Вот Белоруссия — во взоре синь озер,
среди равных — равная, среди родных —
родная.
Каналы, реки. Явь и чудеса,
Густы леса — едва ли встретишь гуще.
Полесье. зубры в Беловежской пуще.
Везде краса — не отвести глаза.
Прекрасен Минск. Прекрасен древний
Брест.

Два маяка. Два города-героя.
Трудолюбивы люди этих мест.
Они живут, спокойно счастье строя.
И лишь одна забота у сестер —
не дать нигде разжечь войны костер!

5

Не дать нигде разжечь войны костер! —
они людей планеты призывают.
Четвертой из пятнадцати сестер
Молдавию на равных называют.
На Приднестровье — гроздья винограда,
на Кодрах — богатырские дубы.
Судьба земли —
народной часть судьбы,
дары земли —
за труд людской награда.

Друзей немало у меня и тут,
я горд и счастлив, видя их богатства,
и я благославляю мирный труд
во имя мира, равенства и братства.
У всех сестер один ориентир —
на всей планете нерушимый мир.

6

На всей планете нерушимый мир
народы мира утвердить мечтают,
но каждый день приносит весть эфир,
что вновь и вновь костры войны пылают.
Агрессоры коварны и хитры,
у них, безумцев, ни стыда, ни чести,
и борются за мир со всеми вместе
на берегах балтийских три сестры.
Богаты земли их, а волны моря
бросают им янтарь из глубины.
Со штормовой стихией часто споря,
природой люди здесь закалены
и не позволят превратить в содом
все то, что создал наш народ трудом.

7

Все то, что создал наш народ трудом,
всех скептиков приводит в изумленье.
А мы еще смелей вперед идем.
Мы продолжаем наше наступленье.
Детей спасая от орды фашистской,
я в Казахстан приехал в дни войны.
Не знал гостеприимнее страны! —
Зову с тех пор ее второй отчизной.
Давно ль в степях, огромных
и безводных,
ей приходилось трудно кочевать,
но с помощью своих сестер свободных
она сумела хлебородной стать.
И все, чего добился Казахстан,
не должен сжечь военный ураган!

8

Не должен сжечь военный ураган
все то, чего в труде достигли сестры.
У них намечен грандиозный план,
да и свершенья тоже грандиозны.
Киргизия... Когда ее впервые
Увидел я, она была бедна.
Теперь неузнаваема она:
на месте юрт — кварталы городские;
дымятся трубы фабрик; на лугах
неисчислимы тучные стада;
Нарын, ревущий дико в берегах,
ток отдает покорно в провода.
Вот так и надо, не жалея сил,
трудиться,
чтобы каждый счастлив был!

9

Трудиться,
чтобы каждый счастлив был,
стремятся все республики на равных,
чтоб коммунизм скорее наступил.
Забота эта главная из главных.
Нельзя не полюбить Узбекистан.
Пустынной в прошлом тут была земля,
а нынче хлопка щедрые поля
раскинулись, как белый океан;
красивы города — и Самарканд,
и заново отстроенный Ташкент.
Здесь были, что создает людской
талант,
прекрасней чудных сказок и легенд,
И ощущаю радость я в груди:
идет народ по верному пути!

10

Идет народ по верному пути
всем пронкам врагов наперекор.
Сумела и Туркмения найти
счастливый путь в кругу своих сестер.
Ее терзали банды басмачей,
она изнемогала от беды,
и вот — куда ни погляди — сады
цветут в сиянье солнечных лучей.
И нефть, и газ дают земли глубины,
трубопровод в пустыне лег стальной,
и утопают в зелени долины,
каспийской орошенные волной.
Заслуженно республика горда
плодами вдохновенного труда.

11

Плодами вдохновенного труда
владеть имеет право только тот,
кто сам на совесть трудится всегда,
а если бой —

и в бой за них идет.

Таджикистан немало знал обид,
был гнет двойным — глумились бек
и бай.

Сегодня этот обновленный край
Уверенно в грядущее глядит.
В большой семье республик не впустую
боролся он, и строил, и дерзал.
Он не одну страницу золотую
в скрижали их истории вписал.
С достоинством теперь его народ
за справедливый мир борьбу ведет.

12

За справедливый мир борьбу ведет
цветущая среди родных сестер
Армения. Как ярк небосвод
над гребнями ее высоких гор!
На их вершинах я не раз бывал,
в тенистых рощах отдыхал
на склонах,

где лавров аромат вечнозеленых,
где бьет вода целебная из скал.
И вспомнил я, той воды отведав,
что это край творцов и мудрецов,
страна ученых и страна поэтов —
за мир и счастье пламенных борцов.
А где в чести ученый и поэт,
войне звучит решительное «нет!»

13

Войне звучит решительное «нет!»
на всех просторах Грузии свободной
во имя новых трудовых побед,
во имя нашей цели благородной.
Здесь побывав, я думал:

вот где рай!

Душа рвалась в неведомый предел,
когда я танец с саблями смотрел

и пил с друзьями самый лучший чай.
Передо мною пальмы зеленели,
звенели струи искрометных рек.
И полюбил я песни Руставели
и величаво сказочный Казбек.
Не дайте, люди, жизнь обречь
на муку —
все, кто за мир, подайте сестрам
руку!

14

Все, кто за мир, подайте сестрам руку!
Прочь отойди, кто злобой обуян!
Вот, слава труд, искусство и науку,
к победам устремлен Азербайджан.
С дней Октября все изменилось тут —
народ мечты свершает вековые.
На Апшероне — вышки нефтяные,
а в Ленкорани — цитрусы цветут.
Под негасимым светом звезд Кремля,
что виден всем от края и до края,
цветет азербайджанская земля —
республика среди родных — родная.
Лети, мой стих, в космический
простор! —
Пою Союз пятнадцати сестер.

15

Пою Союз пятнадцати сестер!
Их вдохновил великий гений — Ленин.
К ним все народы обращают взор,
и подвиг их для всей земли бесценен.
У них у всех один ориентир —
на всей планете нерушимый мир,
чтоб не позволить превратить в содом
все то, что создал наш народ трудом.
Они стремятся, не жалея сил,
трудиться, чтобы каждый счастлив был.
Так пусть во имя трудовых побед
войне звучит решительнее «нет!»
Восславим труд, искусство и науку.
Все, кто за мир, подайте сестрам руку!

Перевел с немецкого
С. Каширин

Алтайскому писателю Виталию Степановичу Шевченко 20 октября 1982 года исполнилось 60 лет. Родился он на Полтавщине, в селе Рашевке. До Великой Отечественной войны закончил среднюю школу в г. Гадяче. Там и прошли его юношеские годы на берегу светлой и тихой речки Псел — притока Днепра.

Родители Виталия Степановича были учителями средней школы. Сын тоже мечтал пойти по их стопам.

Но война круто повернула судьбу будущего писателя: вместо института — военное училище, подготовка и отправка на фронт маршевых рот, участие в Великой Отечественной.

Стихи писались урывками, в минуты отдыха, в солдатских окопах, у походных костров.

Получив ранение при штурме города Муданьзян, Виталий Степанович — молодой тогда командир минометного взвода — не покинул поле боя.

После войны, будучи уже политработником, печатался в армейской периодике.

В 1960 году после увольнения по болезни в запас. В. Шевченко едет на Алтай, несколько лет работает корреспондентом «Алтайской правды» по г. Бийску, заочно заканчивая пединститут.

Первый стихотворный сборник Виталия Шевченко — «Земное напряжение» — вышел в Барнауле в 1969 году.

Печатался в центральных и республиканских журналах, альманахах «Мужество», «Алтай», «Молодой человек», в коллективных сборниках «Рабочий поэт», «Огонь на себя», «Лирика», «У безымянной высоты», «Родники», «Братский круг».

Некоторое время жил в Узбекистане, где написал и опубликовал несколько книг.

В 1974 году за документальную повесть «Когда воскресают солдаты» удостоен премии Союза журналистов Узбекистана. Затем выходят в свет сборники стихов «Все неповторимо», «Прикосновение», повесть «Соленые тропы» и др.

Возвратившись на Алтай, живет в Барнауле, руководит литературным объединением «Родник» при газете «Молодежь Алтая», много сил отдает работе с творческой молодежью.

В 1981 году, краевое книжное издательство выпустило сборник стихов В. Шевченко «Бессонница», тепло встреченный читателями.

В настоящее время Виталий Шевченко работает над повестью «Крах «Кантоку-Эна», воскрешающей героические страницы завершающего этапа второй мировой войны — разгрома миллионной Квантунской армии в сентябре сорок пятого.

„Я с жизнью, словно с песнею, в ладу!“

* * *

Слышишь крик любви неразделенной?
Это жизнь трубит в призывный рог...
Я смотрю на мудрый

и огромный

Мир, с которым

разминутся

мог.

Постигаю высшую удачу

Нынче без особого труда:

Коль рожден

и в жизни что-то значишь —

Счастлив ты!

Взошла твоя звезда...

* * *

Юности услада
Вроде ветерка.
Девочка, не надо
«Вечных» клятв пока.
Выйди на крылечко,
Малость поброди.
Потеряй сердечко,
А потом найди.

Ощути слезинку
Не на вкус — на вес.
Сотвори поминки
Всем, кто в душу лез
С грязными руками,
В пыльных сапогах.

Пусть судьба дождями
Смоет этот прах.
И тогда святая,
Зрячая душа,
Все начни сначала,
Память вороша.

* * *

Сердце не стареет — леденеет,
Если не поладило с добром...

Пусть проходят весны,

пусть мелеет

Море, что становится прудом.

Пусть когда-нибудь рванет плотину,

И сплыву в последний перегон...

Что мой век

в сравненьи с тем, что было?

С тем, что будет в грохоте времен?

Коль уйду, никто и не заметит.

Только с неба, где миров грядя,

С Млечного Пути, что людям светит,

Безымянно скатится звезда...

* * *

Навертелся, кажись, до упаду
На житейском покосном лугу.
Привыкаю теперь к листопаду,
Да привыкнуть никак не могу.
Не тужу по сорвавшейся кроне:
Ей и место, пожалуй, в золе.
Зря ли ворон талдычит вороне
Не про смерть —

про любовь на земле.

Для иных и весна —

небылица...

Я же

даже в осеннем лесу,

Соглашаясь с мудреною птицей,

Не листья, а судьбу ворошу...

О ДОЛГЕ

Вот так и шел к своим пределам
И до седых волос иду:
Стихи писались между делом,
Семья сложилась на ходу.

В солдатских заповедях
 долга
 Мужала преданность в борьбе.
 О, как мучительно и долго,
 На ощупь словно, шел к себе...
 Судьба не обошла везеньем,
 Война оставила в живых,
 Врываясь даже в сны
 продленьем
 Тревожных будней боевых.

МУЗЫКА

Проклюнувшись из шороха и слуха
 Рассветных трелей и громовых бурь,
 Бессмертьем торжествующего духа
 Она вошла в страницы партитур.

Сердечный стук,
 и вездесущий гений,
 Провалы скорби, постижений взлет.
 И глубина земных преодолений,
 И крутизна поверженных высот —
 Все в ней! —
 От вдохновения до страха,
 От наледи до Вечного огня.
 Она вошла Чайковским, Григом, Бахом
 В могущество земного бытия.

В ней — бунт страстей,
 неутолимость жажды,
 Брожение судеб,
 отзвуки войны...
 ...Да, стоит жить,
 чтоб не остыл однажды
 Жар музыки
 под пеплом
 тишины...

* * *

Пусть старо и даже глупо,
 Но хочу из первых рук,
 Если счастья, то не скупю,
 Если смерти, то без мук.
 На отрезке той дороги,
 Где любая пядь моя,
 Не хочу попасть тревоге
 В пасть
 заместо пескаря.
 Не по мне дрожать от страха,
 Хоть не буйных я кровей,
 Мне б взлететь, как эта птаха,
 Или спеть, как соловей.
 Нет, как дрозд, на первый случай —
 В том ни грусти, ни стыда.

Я иду не самым луншим
 По земле,
 где лебеда,
 Грохот горного потока,
 Запах сонного гриба...
 Не губи меня до срока
 Суматошная судьба...

ХЛЕБНЫЙ КОЛОСОК

Разлив полей,
 бездонность неба,
 Сердечный стук, рассвет в дыму —
 Все радует,
 коль запах хлеба
 Сопровождает нас в дому.
 Не колдовством,
 не божьим духом —
 Растила и спасала нас
 Сухая хлебная краюха,
 Что мать хранила про запас.
 Теперь — не то.
 В достатке все мы.
 Забыты толки о пайке.
 Но,
 как и в годы потрясений,
 Земля висит на...
 колоске.

О ДУШЕ

Я сердца чепухой не изведу.
 Пусть падаю в усталость,
 Пускай пасую иногда и трушу,
 Я с жизнью,
 словно с песнею, в ладу!
 Безропотно готов сгореть в аду
 За пропуск -
 в человеческую душу.

НАША ПРАВДА

Куранты бьют...
 Мужая и взрослея,
 Бессонно распрямляется страна.
 Лишь под священной сенью Мавзолея
 Навеки воцарилась тишина...
 Но смерти нет!
 В небытие не верьте!
 Без Ленина не прожито и дня.
 Он — наша Правда! Совесть!
 Он — бессмертье
 Рождающего
 подвиги
 огня...

Александр РОДИОНОВ

КОЛЫВАНЬ КАМНЕРЕЗНАЯ

Отношение к прошлому формирует собственный национальный облик. Ибо каждый человек — носитель прошлого и носитель национального характера...

Акад. Лихачев. «Заметки о русском»

Удивительно быстро стала «толстеть» Красная книга природы. Редкий Цветок. Редкая Ящерка. Редкая Птица... Это природное, живое. Но разве умение народа — не живое? А нет ли среди тысячелинного спектра разных нужных ремесел таких линий, которые сейчас уже еле различимы, — и среди них линия камнерезного ремесла. А если уходит умение, если оно никому не передалось в народе, то не есть ли это повод для занесения уходящего ремесла в Красную книгу ремесел? Но такую книгу еще предстоит открыть.

Размышляя о ремеслах, развивавшихся на Алтае в прошлом, невольно озадачиваешься — а чем же особенно был знаменит край?.. Нет, ни резьба по дереву, ни кованный металл, ни плетеная галовая мебель и ни гончарные колыванки делали Алтай известным всему миру. Алтай был славен, прежде всего, колыванскими камнерезами.

Честно говоря, слово «ремесло», в его рядовом смысле, у меня плохо увязывается с колыванскими камнерезами. Если подходить к оценке Колывани построже, то она никак не вписывается в границы народных промыслов, к которым ее почему-то отнесли. Развитие и существование народных промыслов было обеспечено внутрихозяйственными потребностями народа, а красота изделий — народной эстетикой. Расписные игрушки, керамическая посуда, резная кость входят в этот ряд оправданно. Колывань народна только в смысле исполнительском. Несколько династий камнерезов, воспитанных в условиях горно-заводского строя по царичынному указу, — это еще не народность. И только позже, по мере вrastания жителей Колывани в профессию, появляется культ мастерства. Удивительно, что в условиях неволи у народа проявилась тяга к новому ремеслу, азы которого бытовали в его среде, но несравненно на более низких ступенях: работа каменотесов, изготовление мельничных жерновов, брусков и точильных кругов из природного камня. В Колывани на-

род лицом к лицу был поставлен перед художественной обработкой твердых самцветных камней. Именно это качественное, да и количественное, отличие выдвинуло со временем колыванских камнерезов в разряд представителей редчайшего для России, уникального ремесла. Ремесла, в самом высоком значении этого слова.

В чем была уникальность Колывани? На мой взгляд, уникальность ее триедина. Прежде всего, располагаясь на кромке горной страны, Колывань, как и ее предшественница — Локтевская шлифовальная мельница, была геологом — она сама вела поиски цветного камня, Колывань сама была добытчиком найденного сырья. Колывань была инженером-художником. Оставляя за пределами триединства все многообразие побочных специализаций шлифовальной фабрики, хочу этим лишь подчеркнуть ее работоспособность при максимальном сокращении промежуточных звеньев. О прошлом Колывани, да и о настоящем, на сегодняшний день написано столько статей, что если бы на каждую из публикаций завод откликнулся заметным художественным изделием, то известность современных камнерезов хотя бы на чутьточку приблизилась к былой известности их предшественников. Но известность — не самоцель. О предшественниках в свое время немало рассказал историк алтайской техники Николай Яковлевич Савельев. Именно этот исследователь в советское время сдул архивную пыль забвенья с имен алтайских мастеров по художественной обработке камня, показал — насколько своеобразна их школа и ее технические истоки.

Но кроме известной и редкой теперь книги Н. Я. Савельева «Алтайские камнерезы» есть еще одна, относящаяся к прошлому шлифовальной фабрики. Читается она не менее увлекательно. Ее разыскал в архивных папках все тот же неутомимый Савельев. О нем необходимо сказать подробнее. Без его поисков, без его внедрения в толщи слежавшихся архивных дел вряд

ли сейчас было бы известно столько интересного о развитии у нас камнерезного мастерства. И не только камнерезного. Савельев открыл целую систему горных вершин в истории развития технической мысли, и каждая из них на голову возвышается над своим временем. Достаточно назвать имена Ползунова и Фроловых. Интересно, что Савельев не был профессиональным историком. Война помешала ему стать учителем физики. С фронта он вернулся контуженным. Люди, знавшие его при жизни, вспоминают, что он даже в теплую погоду редко расставался с шапкой — после контузии болела голова. Но эта, чисто бытовая, деталь имеет несколько иное значение, если вспомнить, что Савельев не снимал шапки, в переносном смысле, перед авторитетными учеными, когда речь заходила о биографии Ползунова. Так было с профессором Данилевским, известным историком отечественной техники. Савельев, хорошо зная материалы алтайского архива, постоянно стремился уточнить биографию изобретателя. И очень жаль, что савельевский вариант творческой биографии Ивана Ползунова до сих пор не издан, а лежит под спудом вот уже много лет в краевом архиве. Мысль об издании литературного наследия Н. Я. Савельева, высказанная в одном из газетных выступлений архивархуса В. Ф. Гришаева, имеет под собой достаточно оснований.

Был период, когда Савельев числился сотрудником краевого музея, но проводил все рабочее время среди архивных папок. Тогдашний директор музея выговорил ему, что он все же работник не архива, а временного ему учреждения, пора бы прекратить ежедневные хождения на Малую Олонскую, дескать, интерес — интересом, а работа — работой. Николай Яковлевич не стал снимать шапки перед директором, а просто уволился из музея и стал работать в архиве. Вспоминают, что в отпуск Савельев никуда не уезжал — работал опять же в архиве. В какое время он обнаружил рукописную книгу, о которой я завел речь, сказать пока трудно, но опубликовал он ее в «Краеведческих записках» 1956 года. Называется она «Книга обработанных на Кольванской шлифовальной фабрике каменных вещей и отправленных в Санкт-Петербург в Кабинет Его императорского величества с 1786 года». Публикация Савельевым «Книги кольванских каменных вещей» (назову ее так для краткости) пока единственная. Полсотни тысячного тиража «краеведческих записок» не хватило даже для всех библиотек на Алтае. За ней охотятся историки обработки камня, искусствоведы. Как мне сказала Наталья Михайловна Мавродина — хранитель камня в Государственном Эрмитаже, книги этой нет и в библиотеке такого всеизвестного музея. Малоизвестность публикации дала повод одному из московских ученых использовать ее как основу кандидатской диссертации. Смысл «Книги кольванских каменных вещей» в ее названии. Большинство изделий фабрики с 1786 по 1889 года зарегистрировано на ее страницах. Для тех, кто интересуется Кольванью, книге цены нет. Она, прежде все-

го, наводит на мысль — куда разошлись те 247 ваз, 74 колонны, 33 камня и множество торшеро, что вышли из камнерезного цеха Кольвани? Ведь то, что хранится сейчас в музеях Ленинграда и пригородов, — лишь малая часть образцов алтайского камнерезного искусства XIX — начала XX века. По крайней мере, историкам и искусствоведам после находки Савельева стало известно, что искать. «Книга кольванских каменных вещей» — своего рода кардиограмма камнерезного сердца Алтая. В ней отмечены все всплески и спады его работы из года в год на протяжении более ста лет. В ней не только сухая регистрация изделий и их стоимости, а еще и отголоски тех путей, которыми попадали каменные вещи в Петербург. Среди записей 1859 г. вдрог встречаются такие строки: «...вместо утопленных в 1856 году в р. Кама от третьей пары канделябр, две тумбы из серо-фиолетовой яшмы...». Как и почему тонули кольванские вещи в Кама и других реках, сейчас можно установить только косвенно. Дело в том, что сухим путем алтайские цветные камни, обработанные для царского двора, следовали только до верховий р. Чусовой. Оттуда с многочисленных пристаней уходили караваны барок и стругов с уральскими металлами, отсюда же начинался водный путь кольванских вещей. Если Чусовая была маловодна, приходилось покупать воду у одного из владельцев заводских прудов. Хлынувшая волна выносила на своем горбу барки и коломенки почти к устью Чусовой. Кама, Волга, с 1831 г. Шексна, Мариинский канал, Онежское озеро, Свирь, Ладога и, наконец, Нева — по такому маршруту следовали монолитные, многопудовые вазы и колонны на утлых речных посудилах, построенных всего на одну навигацию. Даже при всей опытности лодчанов не обходилось без разбитых барок. Насколько серьезен и опасен был водный путь можно судить по тому, что сейчас по Чусовой нет никакого судоходного движения, по ней на спортивных байдарках и плотах спускаются только отчаянные головы. Недаром в те времена бытовала поговорка среди бурлаков: «Как выйдешь на Каму — помянешь тятю да маму...». И еще: «Питер — все бока вытер». Может, кому-то из последователей Савельева повезет, и в архивных водах будет выловлена хоть одна подорожная папка, по содержанию которой можно будет судить о трудностях пути на отрезке Кольвань—Петербург протяженностью более 4500 верст.

Со времени выхода книги Н. Я. Савельева «Алтайские камнерезы» прошло уже 25 лет. И поэтому есть смысл заглянуть на Кольвань сегодня. Что же изменилось за четверть века? Прежде всего, завод вплотную занят ювелирным делом. Наряду с чисто техническими изделиями — брусками из кварцита и гранитными вальцами для заводов химволокна, Кольвань выпускает брошки и кулоны, подвески из яшмы и белорецкого кварцита, соединяя их с филигранью. Насколько важна техническая продукция Кольвани, судите сами — как только у кольванцев случается

заминка с выдачей готовых вальцов, заводы-заказчики (а их в Союзе около десяти) засыпают отдел готовой продукции «молниями», а чаще присылают «толкачей»; которые без вальцов уезжать с завода отказываются. Но что-то не припоминают на заводе, чтобы похожая ситуация хотя бы раз создалась с продукцией ювелирного цеха. Наоборот, часто бывая в сувенирных магазинах Барнаула, разговаривая с продавцами ювелирторгов Москвы и Ленинграда, я без труда убедился, что колыванские брошки, кулоны и прочая галатерейная мелочь спросом не пользуются.

Поиск причин непопулярности. Исходить, на мой взгляд, нужно из природы алтайского поделочного камня. Сложилось мнение, что Колыванская фабрика, еще при основании в 1802 г., замышлялась, как предприятие по изготовлению больших вещей: ваз, торшеров, колонн и каминов. Но если вчитаться в путевые дневники и записки тех первопроходцев, что в конце XVIII века были одержимы красотой алтайского камня: Петра Шангина, Василия Чулкова и Филиппа Стрижкова, то нетрудно заметить, что еще до основания фабрики и в Горном Алтае, и в Рудном, в Зауртышской степи, и на берегах Томи велись целенаправленные поиски полудрагоценных камней, пригодных для изготовления перстней, камней и гемм — вещей именно ювелирного направления в камнерезном искусстве. Этот период изучения камнесамоцветного сырья, охвативший более пятнадцати лет, — удивительно интересен и о нем нужно рассказывать отдельно. Но как бы ни был он интересен, однако же верх взяла не пластика малых форм, а монументальное направление декоративно-прикладного искусства, поскольку для работы над крупными вещами на Алтае нашлись достаточно прочные, монокристаллические блоки цветного камня, с великолепными декоративными качествами. Главные из этих камней — коргонские порфиры, риддерская брекчия, белоречский кварцит, ревневская яшма, гольговская и усть-янская. Но когда сегодня видишь, как алмазные диски разрезают на мелкие пластины и кусочки блоки белоречита или ревневской яшмы, то хочешь не хочешь, а подумаешь: «Измельчала Колывань...». Дело не только в том, что новое, по сути дела, производство — ювелирное — пересажено в то место, где более 100 лет существовала школа по изготовлению крупных, без преувеличения можно сказать, гигантских вещей из монокристаллического камня.

Дело еще вот в чем. Ювелирное украшение — будь то кулон или брошка, адресовано лишь одному человеку, а ваза или чаша — всем. Именно такой адрес у вазы, появившейся к юбилею Барнаула в сквере на углу проспекта Ленина и улицы Пушкина, она равно адресована и гостям и хозяевам порода. Чего стоило главному инженеру Колыванского камнерезного завода Борису Григорьевичу Пчелинцеву осуществить замысел барнаульского художника Георгия Алексея — можно не перечислять. Скажу лишь о главном. С 1952 по 1980 г. завод не выпустил ни одной крупной художественной вещи. На-

до было преодолеть то состояние, в котором пребывал бы скрипач, когда ему после двадцативосьмилетнего перерыва вдруг вернули скрипку с предложением: «Сыграйте...». А колыванские камнерезы уже разучились «играть». Более того, не у кого было расспросить — как «играть» крупные вещи. Последний из «камнерезных могикан» — автор вазы 1952 г. Александр Иванович Воротников уже умер. (Сейчас эта ваза хранится в Алтайском краевом краеведческом музее.) Надо отдать должное и техническому организатору — Б. Г. Пчелинцеву и непосредственным исполнителям вазы — В. В. Ильину и А. Ф. Усову, они хорошо исполнили задуманную Алексеевым сюиту ревневской яшмы. Именно сюиту, потому что контрасты зеленого и белого цветов яшмы вполне отвечают названному музыкальному жанру. Ваза появилась в сквере и зазвучала. Приходите все, слушайте — кто слышит. Отвлекаясь от музыкальной терминологии, замечу, что в этом юбилейном случае ревневская яшма была использована точно по назначению. А что представляет собой будничная ежедневность? В будни звенят алмазные пилы, распуская на каменную фанеру блоки ревневки и белоречита, работает заграничная линия по шлифовке и полировке кабошонов для ювелирного цеха. Не потому ли, в начале измеления алтайских самоцветов, чья-то ироничная голова назвала Колыванский камнерезный завод «Запсибзапонка». Было это в тот период, когда Колывань подчинилась тресту «Запсибзолото» и среди прочей мелочи выпускала вставки для запонок. В иронии тот же смысл — мастер-монументалист разменялся на мелочь, поскольку период подчинения золотодобытчикам — в истории Колывани далеко не золотой. Здесь, я думаю, есть повод еще раз обратиться к прошлому завода, на сей раз не очень далекому, нужно вспомнить, кому он подчинился. Алтайский государственный архив дает такую справку: Колыванская шлифовальная фабрика национализирована в 1920 г. До 1923 г. находилась в ведении Алтайского губсовнархоза, с 1923 г. — губернского отдела местного хозяйства, с 1925 по 1928 гг. — Сибирского крайсовнархоза. С 1929 г. передана тресту «Русские самоцветы» Наркомата местной промышленности РСФСР. С 1949 г. переименована в Колыванский камнерезный завод им. Ползунова Министерства местной промышленности РСФСР. Второй том Сибирской советской энциклопедии содержит несколько иные сведения, но в данном случае важно, что хозяин у завода очень часто менялся, трудно было определиться этому уникальному предприятию в системе народного хозяйства. Пожалуй, в этом одна из причин неуклонного падения культуры обработки камня на Алтае. Достаточно такого примера из заводских архивов — в 1940 г. основной рабочей состав предприятия занимался добычей торфа для паросилового хозяйства, ковал гвозди для местных нужд, трудился в литейке, а на камне, на добыче камня работало всего три человека. Это не значит, что не предполагалось развитие, возрождение камне-

резного дела. Наоборот, поскольку Колывань переквалифицировалась из инженера-художника в исполнителя технических изделий: вальцов, брусков, пробирных ступок и плит, то намечался рост выпуска этих предметов, сообразно с потребностями промышленности. Для этого, пятью годами раньше, было начато строительство нового цеха, так как здание «колоссальной фабрики», в которой в свое время были сработаны гигантские чаши и вазы, заняли вспомогательные технические службы. Но вот в очередном акте передачи Колывани из ведомства в ведомство в 1960 г. отмечается, что для достройки цеха недостает еще 180 тыс. рублей. Цех достроили в 1962 году... Вспомнилось это потому, что сейчас Колывань озадачена строительством нового, еще одного цеха. Завод с 1968 г. снова подчиняется краевому управлению местной промышленности. А строится новый цех и котельная за счет краевого бюджета. Пока на расширение завода Минместпром РСФСР не выделил ни рубля. Очень плохо налажена поставка предприятия камнерезных станков. Для справки отмечу, что 80 процентов оборудования на заводе — это металлорежущие станки, поскольку специальных камнерезных выпускается очень мало. Единичные попытки СКБ Минместпрома разработать специальный станок для колыванцев пока остаются в разряде попыток — станки получаются громоздкими, малопроизводительными, и завод отказывается от таких поделок. Настоящих камнерезных машин колыванцам не хватает. А тот единственный ДИП-500, прадед современных металлообрабатывающих станков, на котором изготовили вазу для Барнаула юбилейного, был передан Колывани АНИИТИМом, но прежде его списали, как устаревший. Конечно, ДИП-500 — это прогресс по сравнению со станками Ф. В. Стрижкова, созданными на заводе в начале XIX в. И тем не менее станки стрижковской конструкции работают рядом с современными.

Очень скудно снабжает колыванцев краевое управление местпрома и запчастями. По этой причине на линию выходит только половина автомобилей, тракторов, автокранов. Создается впечатление, что Колывань — приемная дочь Минместпрома и далеко не любимая. Вероятно, трудно краевому управлению местной промышленности «выдать всем сестрам по серьгам» — ведь такой профессионально-производственной пестроты нет ни в одном управлении. Нужно и подушки выдать — в Бийске и ткань — в Камне-на-Оби и обозостроение в Горно-Алтайске не забыть. Все названное в качестве примера — продукция необходимая. Бийские подушки и одеяла идут на Север, на БАМ, каменская ткань нужна швейникам, горноалтайские повозки выходят на свои сельские, пока трудные дороги. А нашла ли, будучи в подчинении Минместпрома, свою дорогу Колывань? Решена ли проблема промышленной ориентации завода?

Суда по приказу этого министерства № 400 от 6 ноября 1975 г. должна была бы найти. Вот выдержка из приказа: «Управлению местной промышленности Ал-

тайского крайисполкома увеличить выпуск художественных изделий из камня на Колыванском камнерезном заводе им. Ползунова в 1980... до 435 тыс. рублей, обеспечив расширение ассортимента продукции за счет освоения производства камнерезных изделий («филигранью»). В одной из статей о Колывани («Правда» за 29 сентября 1974 г.) сообщалось, что художниками Минместпрома разработаны образцы брошей, кулонов, браслетов, серег из алтайских камней. Как утверждали авторы статьи А. Мурзин и В. Сапов, «по красоте и доступности широкому потребителю они ничуть не уступают прославленной продукции ленинградцев и свердловчан и, без сомнения, удовлетворяют самый взыскательный вкус...». Прошло три года. Читаю записку гл. инженера Колыванского камнерезного завода для балансовой комиссии управления. Характерно ее название: «О невыполнении заводом плана и ассортимента по художественным и ювелирным изделиям». Из записки ясно, что план 1977 г. выполнен только на 59 процентов. Причины: необеспеченность договорами на сбыт и слабый спрос торговыми организациями на изделия из твердого камня. Возьмем результаты 1980 года. Из 782 тыс. рублей, освоенных заводом, ювелирные изделия составили всего 80 тысяч. Далековато пока до намеченного. А из чего складывается остальная сумма реализации? На первом месте по весомости — облицовочная плита, затем товары культуры, далее — гранитные вальцы, бруски из кварцита и в самом конце ряда цифр, выстроенных по ранжиру, художественные изделия из камня — 61 тыс. рублей. Легофланговая продукция завода — ювелирная и художественная — в 1981 году подросла незначительно, ее запланировано на 100 и 90 тысяч рублей соответственно. Как видно, очень трудно привносится у колыванцев ювелирное дело. Часть причин объяснима — зачем выпускать то, что не пользуется спросом. Экономически выгоднее работать над тем, что находит сбыт. Путь, сам по себе верный, но не единственный, если к проблеме подходить комплексно. А если затрагивать обоснованность принадлежности Колывани к Минместпрому, то здесь напрашивается существенный вопрос — получит ли камнерезный завод от министерства необходимую для развития поддержку? Способно ли краевое управление местпрома обеспечить расширение завода, его техническое оснащение и сырьевую базу? Как ни парадоксально, но, находясь вблизи мощных запасов цветных камней, Колывань уже сейчас испытывает нехватку сырья. Но о нем разговор особый.

Колыванский камнерезный — это редкий перекресток профессий, материалов и мнений. Но ведь Колывань уникальна, а потому иного, простенького пересечения здесь ожидать трудно. Вернемся к первой составляющей ее уникальности — к геологическому окружению, к камню, поскольку и облицовочную плитку, и вальцы, и бруски

нужно делать из конкретного материала. Осваивая производство высокоабразивных брусков из белоречита, вряд ли думали колыванцы о том, что это сырье быстро иссякнет. Но вот уже в 1957 году администрация завода ищет сырьевые перспективы для этой продукции. Белоречное месторождение открыто, как уточнилось, в 1806 г., за сто семьдесят пять лет эксплуатации иссякло. Точнее сказать, на нем выбрали весь пригодный камень, лежавший на поверхности. Период собирательства, говоря языком археологов, закончился. Поиски аналогичного камня трестом «Русские самоцветы» в пределах Атасульской и Джаксы-Кайрактинского месторождений в Казахстане ничего утешительного не дали. Тогда-то и припомнила Колывань, что в прошлом она была и геологом. Представитель завода в 1958 году обследовал выход на поверхность кварцитов у поселка Эдиган в Горном Алтае. Из подходящих камней изготовили опытную партию брусков, и она разошлась по стране. Вскоре появились результаты — эдиганские кварциты в какой-то мере могут заменить знаменитые арканзасские, поставка которых из США прекратилась. Через три года заключение подтвердила более обширная проверка: в лаборатория ВНИИ абразивов и шлифования, и две фабрики офсетной печати, и Монетный двор, где проводились испытания брусков при заточке и доводке граверного, лекального и контрольно-измерительного инструмента. Одобрены бруски из эдиганского камня и два барнаульских завода. Класс чистоты заточки инструментов на эдиганских микрокварцитах был всего на две единицы ниже той чистоты, что давали зарубежные бруски. По заявке Колывани, геологи Нерудной партии ЗСГУ оценили перспективы Эдиганского месторождения — при годовой потребности завода 1000 кубометров запасов хватит на 25 лет. Можно закладывать карьер. Камнерезный завод испытал валовую пробу и положительно оценил возможности сырья — полезный выход составил 79%. Надо ли желать лучшего? Но самое парадоксальное в этой ситуации то, что сейчас ни Белорецк, ни Эдиган не являются источниками кварцитов для Колывани. Она их получает из Прибайкалья. Кварциты для колыванских брусков идут оттуда, со Среднекедровского месторождения. Вероятно, здесь не самую последнюю роль сыграло расстояние. От Белорецка до Колывани — 60 километров. От Эдигана только до Бийска — 260. И если для эксплуатации Эдиганского месторождения необходима была закладка серьезного карьера, что предполагает серьезные денежные затраты, то и на недавно доразведанном Белорецком месторождении без них не обойтись. Однако подступиться к разведанному участку колыванцы грамотно не смогли. Нужно было вскрыть камень из-под наносов, а для этого технические мускулы завода оказались слабыми. Тогда понадеялись на моментальную силу взрывчатки. Надежда, не подкрепленная умением, обернулась трагедией для камня. Сила взрывного удара направилась не на выброс, а вглубь. Толщу кварцитов

пронизала густая сеть мельчайших трещин. В одно мгновение камень утратил ценнейшее техническое качество — монолитность. Вот и вынужден завод ходить теперь за тридевять земель, чтобы получить нужный камень, имея при этом Эдиганское месторождение...

Не лучше получается и с гранитным сырьем. Нерудная геологоразведочная партия выдала заводу обоснование на разработку гранитов почти перед проходной завода — на Бастионе. При основании медеплавильного завода в XVIII веке там был построен один из бастионов Колыванской крепости. История с этим историческим местом невеселая. Оказалось, что размеры блоков гранита не соответствуют параметрам вальцов, геологи при разведке не учли трещиноватости, и поэтому завод вынужден оставить наметившийся карьер и принялся за менее доступное Логутское месторождение. Точнее говоря, не имея возможности заложить хороший карьер, на этом месторождении пока берут доступные глыбы, лежащие на поверхности. На глубину у завода сил не хватает.

Так обстоит дело с техническим камнем, на котором зиждется современная уникальность Колывани, — ни одно камнерезное предприятие в стране, а их сейчас более десяти, ни брусков типа «арканзас», ни гранитных вальцов для предприятий по производству химволокна не выпускает.

А как же с поделочными, с облицовочными камнями? Что же некогда знаменитые алтайские яшмы и порфиры? Запасы гольцовской яшмы определены довольно призрачно, они нигде не утверждались. Нет геологического обоснования и для разработки Ревневского месторождения яшм. Хотя в литературе есть сведения о возможных объемах блоков на этом редчайшем месторождении — до 40 метров кубических! По словам главного инженера камнерезного завода Б. Г. Пчелинцева, геологов пугают сложные горно-технические условия его разведки. Но уж если к горе Ревневой боязно подступаться, то что же тогда говорить о труднодоступных Коргонских каменоломнях? И все-таки в XVIII веке месторождение разрабатывалось, на нем добывались заготовки для колонн высотой побольше пяти метров.

Можно ли говорить о развитии завода без точного знания — какой сырьевой базой он будет обеспечен? Но, допустим, какие-то сведения о запасах есть. А как к ним подступиться грамотно? Готова ли Колывань? Вряд ли. На сегодняшний день у Колыванского камнерезного завода нет ни одного технического проекта на закладку карьеров для добычи известных уже яшм, порфиров, мраморов... Это тесно увязывается с поставкой камнерезного оборудования, с оснащенностью редкого предприятия карьерной, горнодобывающей техникой. И если ни ревневская, ни гольцовская яшмы, ни коргонские порфиры, то может быть, разведаны более красивые и более доступные камни? Пока конкурентов названным самоцветам нет. И не лишне заметить, что со времени основания камнерезного производства на Алтае — с конца XVIII века — новых месторожде-

ний поделочных камней в художественную обработку не вовлечено. Все, чем располагают сейчас кольянцы, стало известно благодаря давним исследованиям Чулково, Шангина, Риддера, Кузинского еще в начале активного горнопромышленного освоения Алтая — с 1786 г. Несколько позже горячки первооткрывательства месторождения и проявления цветного камня были систематизированы Бенедиктом — Францем Германом. Его труд, содержащий краткое описание 110 образцов алтайских яшм, порфиров и порфиритов, с указанием их цвета, полировки и местонахождения, был издан в трудах императорской Академии наук в 1805 году. Этой, весьма полезной для геологов, сводке повезло меньше, чем трудам члена многих зарубежных академий, геолога и географа Петра Чихачева. Его работа о путешествии по Алтаю, изданная во Франции в 1843 г. и представляющая собой первое научное геологическое описание малоизученной горной страны, переведена на русский язык и издана всего несколько лет назад. Опись алтайских камней Бенедикта — Франца Германа известна пока только на французском. Не придется ли некоторые из этих 110 проявлений цветного камня открывать заново? Мне думается, что та «Роспись горно-каменным породам, отысканным в околележащих местах Колыванских заводов с 1786 по 1793 гг.», что хранится в архивах Академии наук СССР в Ленинграде, представляет интерес не только для историков, но и для геологов, поскольку в ней содержится адреса 343 образцов алтайских камней. Два века горного освоения Алтая не изменили литологической палитры колыванских камнерезов. Неужели не работают на территории края поисковые и геологоразведочные партии ПГО «Запсибгеология»? Работают. Но об этом ниже. Пока же удивительно, что в одной работе «Облицовочные и поделочные камни СССР», вышедшей в издательстве «Недра» в 1970 г., из 269 приведенных образцов всего три алтайских: пуштулимский мрамор, ревневская яшма и коргонский порфир.

Вероятно, мой упрек в адрес геологов излишне категоричен. Возможно. Но небезоснователен. Если обратиться к коллекциям поделочных и облицовочных камней Нерудной партии и поискового отряда Западно-Сибирской геологической экспедиции, то каких только редкостей и красот в этих своеобразных библиотеках камня не увидишь. Есть неизвестные пока и алтайские мраморы, и яшмы, и роговики, и порфиры. Беда не в том, что все они взяты на неразведанных проявлениях и участках, а в том, что оригинальные образцы пока не имеют выхода за пределы коллекций и отчетов, в разведке и оценке проявлений цветного алтайского камня не заинтересованы камнерезы, архитекторы и строители. Да скорее всего строители и не знают, какие прекрасные материалы найдены для них геологами. Причины незаинтересованности очень тесно связаны с проблемой разработки хотя бы известных, разведанных участков. На Алтае нет серьезного карьерного хозяйства, нет специализирован-

ной организации по разработке природного облицовочного камня. Не потому ли камнеральным, а затем и полевым изучением алтайских цветных камней с 1980 г. занялись геологи экспедиции «Байкалквартирсамоцвет», что они имеют за своей спиной карьерное оборудование и способны разрабатывать алтайские месторождения полудрагоценных камней, несмотря на отдаленность. Было время — везли в Колывань камень из Нерчинска. Сейчас намечается обратное... Правда, не следует смешивать облицовочные камни и камни полудрагоценные. Но факт обращения иркутян к недрам Алтая сам по себе характеризует наше отношение к нашим ценностям. Еще один пример, для иллюстрации. Потребность в облицовочном камне у наших соседей-кемеровчан составила в 1980 г. 610 тысяч квадратных метров. Алтайскому краю тогда же требовалось всего лишь семь тысяч. Недостающие тысячи квадратных метров цветного камня для поправки баланса, вероятно, намечено было восполнить серым бетоном.

Разговор о камнерезном деле неизбежно выходит за рамки проблемы сохранения этого старинного и, повторяю, редкого ремесла. Он, хочешь не хочешь, касается проблемы разработки месторождений и поделочного, и облицовочного камня. Особенно облицовочного. Только месторождений мрамора в крае насчитывается полтора десятка, в том числе такое крупное, как Ороктойское. А разрабатывается всего одно — Пуштулимское. Занимается этим Московское управление каменных карьеров. Оно предложило геологам расширить перспективы месторождения, и они нашли рядом с Пуштулимским еще два: Дуковское и Березовское. Из того, что добывается в Пуштулиме, краю перепадает всего лишь малая доля, основное идет для нужд Мосгорисполкома. Пуштулимский мрамор в рекламе не нуждается и для того, чтобы оценить его по достоинству, не обязательно ехать на одну из трех станций московского метрополитена, достаточно посмотреть на отделку этим своеобразным камнем центрального гастронома в Барнауле, в народе он называется короче — «под шпилем».

Кому не знакома такая картина — рабочие с помощью трактора и ломиков корчуют железобетонные бордюры, меняют их на новые. А через год—два бордюры уже обкрошились, потеряли строгость граней, линия улицы потеряла четкость, и тогда в дело снова вступают корчеватели. Но там, где бордюры из гранита, этому устройству появляться незачем, камень прочен настолько, насколько это было угодно природе. Остается только обнаружить и добыть эту прочность. Крепкие, монокристаллические граниты уже давно известны не только в окрестностях Колывани. Одно из таких мест находится поблизости села Залесова на реке Жерновке. Возможно, что и название река получила благодаря камню — его брали на мельничные жернова. Кстати, если говорить о профессиях уходящих, то жерновщики как раз к ним и относятся. В мельничном деле уже несколько десятков лет гранитные жернова

не используются, в них нет нужды. А Жерновское месторождение разведано геологами в 1958 году и наконец-то дождалось своего часа. И все же тех 3 тысяч погонных метров гранитного бордюрного камня, что получает с этого месторождения Барнаул, пока маловато. По словам главного инженера городского управления благоустройства Г. Ф. Сесорова, городу ежегодно требуется 10—12 тысяч погонных метров этого крепкого материала.

Думаю, что нет необходимости приводить цифры, свидетельствующие о росте городов на Алтае. Важнее, что все они давным-давно выросли из дощатой рубашонки, но вот новой оригинальной рубахи, по которой можно было бы отличить дом от дома, улицы от улицы, пока не обрели. И все же некоторым домам Барнаула повезло, их цоколи и первые этажи одеты в дорогую каменную одежду... с чужого плеча. Дорогую, потому что облицовочная плитка приехала с Южного Урала, из Восточной Сибири, с Украины. В молодой Заринск гранит едет из Карелии. Как тут не вспомнить о той телушке, что стоит полушку. А перевоз? Любопытно, что на пьедестал для памятника исследователю Алтая писателю В. В. Шишкову в целой горной стране не нашлось подходящего камня, пьедестал привезли из Киева...

Пожалуй, и алтайская каменная рубашка не станет дешево в первое время разработки карьеров и каменоломен. Но камень обеспечит долговечность облицовки, исключит частый ремонт — в этом ему конкурентов среди стройматериалов нет.

* * *

Колывань — редкий перекресток. При определенном взгляде на нее — это перекресток науки, техники и искусства. Основа всех пересечений, безусловно, экономическая. Наверняка знаю, что мало наметить контур проблемы, надо искать выход из него. Вероятно, сейчас с Колыванью ситуация такова, что вполне правомерной будет еще одна передача завода из подчинения Минместпрому. Это не только мнение автора заметок, это пока неудовлетворенное желание самого завода. Кому передавать? Это будет зависеть от производственной ориентации предприятия, от того, что будет преобладать в его продукции: облицовочный камень или технические изделия, по-настоящему художественная продукция, а не сегодняшняя ювелирная, мало интересующая покупателей. В любом случае без коренной реконструкции камнерезного производства, без перспектив на развитие и, в первую очередь, без поддержки со стороны нескольких республиканских министерств, в том числе министерств геологии и культуры, художественная обработка камня в Колывани будет развиваться неестественно замедленными темпами. Есть необходимость пояснить возможную и нужную причастность к решению проблемы Колывани Министерства культуры РСФСР.

Колывань, как известно, развивалась в теснейшем общении с выдающимися мастерами декоративно-прикладного искусства.

По их рисункам шла работа над каменными вазами, колоннами, каминами. Камнерезы почти ежегодно выезжали в Петербург, сопровождая готовые изделия, принимая участие в их установке среди экспонатов на выставках различного ранга, и, наконец, в Эрмитаже. Только основатель шлифовальной фабрики Филипп Стрижков за свою короткую жизнь побывал в Петербурге несколько раз. Камнерезу Протопопову повезло и в Париже побывать. Правда не с «Царицей ваз», как об этом сообщает устами забывчивой легендарно голубой дамы Марк Юдалевич. «Царица ваз» замочена и доставлена в Петербург в 1843 году. А в Париж увезли чашу куда поскромнее в 1807 г. — после Тильзитского мира. На то есть архивные документы. Колывань в XIX веке среди прочих сибирских населенных мест была наиболее просвещенной по части прикладного искусства. Были периоды, когда на фабрике работали выпускники Академии художеств — А. П. Залесов и П. А. Ивачев. И если уж такие мастера, как Ворончихин, Камерон, Кваренги, Росси и Мельников, не гнушались выполнять проекты для колыванских камнерезов, то сегодняшним художникам-прикладникам, художникам-монументалистам сам бог велел обернуться к Колывани лицом. Но кто, как ни Министерство культуры РСФСР, может ориентировать художников, заказывая им проекты оригинальных изделий из камня для парков, Дворцов культуры и театров.

Проекты будут выполнены на профессиональном уровне. Нет профессионалов-художников и в составе художественного совета при краевом управлении местной промышленности, который оценивает жизнеспособность колыванской мелкой пластики, дает «добро» на ее тиражирование. Во всяком случае, алтайские художники могли бы взять на себя обязанность по оценке художественных достоинств камнерезных новинок. И не только оценивать, но и активно предлагать заводу свои варианты женских украшений и сувениров. И, может быть, нашлось бы то сочетание алтайских камней и недорогой мельхиоровой оправы, которое покорило бы своей неповторимостью никогда не безразличного к красоте покупателя. Пока что приходится наблюдать, с какой скептической улыбкой смотрят на аляповатую продукцию Колывани те же барнаульские художники и роняют слова: «Примитив. Не впечатляет».

Проблемы сегодняшней Колывани как будто заслонили начало разговора. Но мне думается, что на их фоне вопрос о сохранении и развитии давнего умения, вопрос о возрождении камнерезной школы получает большую рельефность, звучит далеко не праздно.

Очень хорошо сказал о традициях вообще писатель Василий Белов: «Для существования традиции необходим какой-то постоянный минимум ее составляющих. С занижением этого минимума исчезает сама суть, содержание традиции, после

чего следует ее перерождение и вы-рождение». Есть смысл вернуться к трем составляющим былой уникаль-ности Колывани. Она теперь уже не геолог, но отсутствие этой составляющей компенсируется наличием известных место-рождений. Требуется уточнить их запасы на перспективу, и первая составляющая не исчезнет. Вторая составляющая — Колывань добытчик сырья. Это, пожалуй, самая важная сейчас проблема. Выход из нее — создание в крае специализированного карье-рного хозяйства. Поскольку в получении камня заинтересовано множество строи-тельных предприятий и организаций, то карьерная служба может создаваться на кооперативных началах. Третья составля-ющая — инженерно-художественная. Здесь, мне кажется, добавлять ничего не стоит, суть проблемы обрисована выше, а ниже мне хочется рассказать о том, что увиде-лось летом 1981 года на камнерезном заводе.

К чести руководства завода и несколь-ких выпускников Нижне-Тагильского учи-лища прикладных искусств, не прекрати-ли они попыток найти почти утраченное, они все же пытаются работать в жанре вазы. Как-то на страницах журнала «Де-коративное искусство» прозвучало катего-ричное мнение о том, что жанр вазы уста-рел. Вряд ли это так. Ведь никто не мож-ет сказать сейчас уверенно, что жанр поэмы, к примеру, стал старомоден. Вазы из неповторимого по рисунку камня — это поэмы. И здесь нет необходимости делать пластические операции омолаживания жан-ра, важно найти в традиционности форм современное звучание. Колыванские шеде-ры XIX века тем и хороши, что в них есть запас времени, они и сегодня удивля-ют, а значит современны. Попытку «озву-чить» традиционную форму вазы предпри-нял накануне 250-летия поселка заводской художник Александр Дербенев. Сейчас его ваза установлена у въезда в Колывань и интересна она, в первую очередь, как по-пытка возрождения былого умения. Кроме того, она в какой-то мере играет роль эм-блемы поселка.

Не прошла бесследно научная конфе-ренция 1978 года по проблемам развития декоративно-прикладного искусства на Ал-тае, организованная, по преимуществу, краевым музеем прикладных искусств. Колывань наконец-то сделала, а музей на-конец-то приобрел точную по размерам и форме копию вазы 1832 года, хранящейся

в Павловском дворце-музее. Копия повто-ряет только форму, поскольку рисунок и цвет ревневской яшмы неповторимы, в этом убедятся посетители музея, когда она появится в экспозиции. Работал над вазой, забыв о своем пенсионном положении, ко-лыванский камнерез Ильин. Значит, кое-что из прежнего опыта не исчезло бесслед-но. Ильин не мог не знать Александра Ивановича Воротникова — исполнителя вазы 1952 года. Кстати, Воротниковым вы-полнено еще две вазы из коргонского пор-фира. Их можно видеть на архивных сним-ках 1947 года. Жаль, что неизвестно, где они находятся сейчас.

И совсем недавно затих старый то-карный станок в камнерезном цехе, совсем недавно сняли со станка новую вазу из ревневской яшмы два очень разных по воз-расту человека: Александр Филиппович Усов и Александр Люин. Молодой худож-ник Люин на заводе недавно, для Усова камнерезный завод — вся трудовая жизнь, отсюда он ушел на пенсию. Но недолго от-дыхал. Не усиделось, когда узнал, что за-вод получил возможность сработать еще одну вазу. Тем более автор рисунка Люин очень хотел стать рядом с опытным мас-тером и получить определенные навыки по резанию и обработке камня прямо из пер-вых рук, не понаслышке. Несколько меся-цев Усов и Люин попеременно становились к станку, ревел, врезаясь в искрящуюся яшму, алмазный диск, потом ревел постепен-но перешел в свистящий шепот шлифовки и уже совсем на мягкий войлочный ше-лест, когда дело дошло до полировки. Не устарел жанр вазы. Пройдет некоторое время, современная поэма из ревневской яшмы появится в здании Барнаульского горисполкома.

Но старый станок затих на время. У Колывани на горизонте еще один почет-ный заказ — ваза для краевого театра драмы. И не менее важной, мне кажется, еще одна встреча, произошедшая незадолго до смерти Ильи Яковлевича Шумакова, его встреча с колыванскими камнерезами. Шумаков мечтал о вазе для родного кол-хоза. Есть в его задумке та самая широко народная основа, когда красота камня адресована не одному человеку, а всем, каж-дому!

И каждый, кто способен слышать, по-дойди к уплотненному до прочности камню времени, взгляни, как может преобразить его рука камнереза, и слушай — как оно звучит, преображенное время.

Иван САБЛИН,
научный сотрудник партархива
Алтайского крайкома КПСС

СОЮЗ НЕРУШИМЫЙ...

Страна накануне большого события — 60-летия образования СССР. Это будет 30 декабря 1982 года.

Как же откликнулась на важное событие общественность Алтая в далеком 1922 году? Какова причастность огромной окраины новой России к столь важному государственному акту?

Напомним, что вопрос объединения союзных республик в общенациональное Советское государство решался на X Всероссийском и I Всесоюзном съездах Советов в конце декабря 1922 г. Об этом довольно подробно рассказывают страницы многотомной истории КПСС.

...Президиум Алтайского губкома РКП(б) 4 декабря 1922 г. рассматривал вопрос о делегатах на X Всероссийский съезд и в постановлении записал: «Послать на X Всероссийский съезд Советов 13 делегатов, из них: по 2 на каждый уезд, 2 — от военных организаций и 5 — от губернского центра».

Эти делегаты представляли Алтай и на I Всесоюзном съезде Советов.

Газета «Красный Алтай» через информацию Российского Телеграфного Агентства кратко знакомила читателей с повесткой работы съезда, составом делегатов, отчетами, прениями и т. д. В одном из номеров, за 5 января 1923 г., читаем: «Трудящиеся всех советских республик на своих съездах Советов выразили единодушную волю о более тесном объединении советских республик. Эта воля поддержана трудящимися РСФСР на X съезде Советов».

Были и местные материалы о съезде. Отмечая, к примеру, широкий круг вопросов съезда (доклад А. В. Луначарского о народном образовании, доклад народного комиссара финансов, вопросы промышленности, сельского хозяйства, налоговой платежеспособности и другие), «Красный Алтай» в № 6 за январь 1923 г. сообщал: «...Съезд мобилизовал волю всех широких слоев населения к организации помощи делу народного образования. Съезд собрался не для парадов и не для митингования. И даже энтузиазм, прорвавшийся наружу при обсуждении проекта организации братского союза советских республик, не стер отдельных деловых, практических вопросов, связанных с осуществлением этого союза».

Остались ли в истории края следы пребывания нашей делегации в Москве? Как велась на Алтае пропагандистская работа по решениям съезда вообще и по образованию СССР в частности?

Фактов таких пока мало и тем больший интерес представляют имеющиеся. Сохранилась, например, повестка дня совещания председателей волисполкомов Барнаульского уезда, назначенного на 30 января 1923 г. Первым в повестке дня значится доклад о X Всероссийском съезде Советов.

Удалось найти копию протокола совещания, из которой явствует следующее. Совещание проходило два дня. Присутствовало на нем 43 председателя волисполкомов. Первое заседание началось 30 января 1923 г. в два часа дня. Открыл его делегат X Всероссийского съезда Советов, заведующий секретариатом по делам Барнаульского уезда Мартемьян Иванович Лыткин. Он же сделал доклад о X съезде.

Докладчик отметил прежде всего отличительные особенности X съезда Советов от предыдущих: «Вопросы, говорит делегат, ставились и разрешались практически», «Слышался преимущественно голос мест, а не главков», «Чувствовалось определенно, что государственный аппарат стал крепок». «Чувствовалось всеми отсутствием на съезде тов. Ленина, которому по состоянию его здоровья предписан врачами строгий режим и запрещена работа. Болезнь тов. Ленина на всех делегатов произвела удручающее впечатление».

Личные наблюдения алтайского делегата требуют некоторых пояснений. Совпадают ли они с оценкой официальных источников?

Газета «Известия», например, после первых заседаний съезда, 24 декабря 1922 г., писала: «Новая страница в истории революционной России — X съезд Советов».

Взгляните на повестку дня: промышленность, земледелие, народное образование, финансы. — Деловитость, пракτικότητα, хозяйственность.

Таково лицо X съезда.

...И есть еще одна особенность, отличающая X съезд, — создание Союза ССР».

Объяснив, кто же решает эти важнейшие вопросы государства, газета далее пишет: «... зал наполнен все теми же рабочими фигурами в помятых куртках, бородачами-крестьянами и статными красноармейцами, многие из которых отмечены печатью героизма — орденом Красного Знамени».

Несколькими номерами позднее, подводя итоги съезда, «Известия» снова акцентируют внимание на его деловой, практической атмосфере: «...На этом съезде не было особенно ярких политических выступлений и драматических эффектов. Он протекал в атмосфере спокойной и уверенной деловитости, но дал для дальнейшего строительства Советской Федерации, в особенности для ее хозяйственного возрождения, очень много».

Не это ли имел в виду докладчик, говоря о практическом разрешении вопросов, преимущественном голосе мест, крепости государственного аппарата.

Болезнь помешала Владимиру Ильичу Ленину участвовать на съезде, о чем он глубоко сожалел: «...Осталось только одно обстоятельство, которое меня волнует в чрезвычайно сильной мере, — это невозможность выступить на съезде. Во вторник у меня будут врачи, и мы обсудим, имеется ли хоть небольшой шанс на такое выступление. Отказ от него я считал бы для себя большим неудобством, чтобы не сказать сильнее».

Американский журналист газеты «Нью-Йорк таймс» писал 25 декабря 1922 г.: «Когда председательствующий на съезде М. И. Калинин сказал, что доктора запретили Ленину быть на съезде, раздался сначала глухой вздох разочарования, но тотчас же внезапно и стихийно весь зал поднялся и с огромным волнением спел «Интернационал».

...В протоколе совещания председателей волсполкомов есть такая запись: «Переходя к повестке дня съезда, т. Лыткин отметил в них только наиболее важные положения». Что это за положения? Из его доклада хорошо прослеживается, что вопрос образования СССР освещался на Барнаульском совещании не в изоляции от недавнего прошлого и настоящего Советской России, а в комплексе всех причин, побуждавших республику Советов к быстрейшему образованию братского союза. Делегат подчеркнул, что разрушительный период революции, затянувшийся на несколько лет по вине русской буржуазии и иностранной интервенции, развязавших в России гражданскую войну, закончился только ко времени занятия Владивостока и присоединения к Советской России Дальневосточной республики, т. е. накануне съезда, в конце октября 1922 г.

«...Таким образом, продолжал оратор, достигнуто объединение трудовых масс России единым государственным механизмом, и теперь задачей съезда является закончить работу по оформлению Союза Советских Социалистических Республик, союза, основанного на равноправии, на признании всех прав каждой нации, на единстве экономических интересов и на общих целях борьбы, такой союз есть пер-

вос условие производительной хозяйственной деятельности».

Докладчик обосновал далее основные мотивы образования Союза ССР, взятые в самой сжатой форме из доклада И. В. Сталина на X съезде Советов. В протоколе совещания они выглядят в такой формулировке:

«...Этот проект был выдвинут на основании предложения договорных советских республик, каковое Советским правительством было признано своевременным по следующим причинам:

а) внутреннего характера:

1. Скучность наших хозяйственных ресурсов, каковые объединить для рационального их использования.

2. Существующее хозяйственное разделение труда между республиками.

3. Единство основных средств сообщения по всей Федерации.

4. Скучность финансовых средств».

В наброске по национальному и колониальному вопросам, подготовленном еще в 1920 г. для II конгресса Коминтерна, В. И. Ленин писал: «...Необходимо стремиться к более тесному федеративному союзу, имея в виду, во-первых, невозможность отстоять существование советских республик, окруженных несравненно более могущественными в военном отношении империалистическими державами всего мира, без теснейшего союза советских республик; во-вторых, необходимость тесного экономического союза советских республик, без чего неосуществимо восстановление разрушенных империализмом производительных сил и обеспечение благосостояния трудящихся; в-третьих, тенденцию к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и, безусловно, подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме».

Таким образом, В. И. Ленин исходил как из внешних, так и внутренних объективных причин, настоятельно диктовавших необходимость образования Союза Советских Социалистических Республик. И надо ли еще раз подчеркивать гениальное предвидение вождя революции в деле создания такого могущественного Союза, о мощь которого в годы второй мировой войны разбилась самая агрессивная нацистская военная машина, такого всемирного экономического хозяйства, каким является СЭВ для стран социалистического содружества.

В выступлении алтайского делегата есть не менее интересные моменты, касающиеся вопросов мира, разоружения, позиции Америки по отношению к СССР в те годы. Их также нельзя рассматривать вне связи с историческим фактором образования СССР. Эти моменты интересны теперь не только тем, что молодая республика Советов боролась за мир, разоружение, установление торговых отношений с капиталистическими странами с первых дней своего существования, но и политической дальновидностью Советского правительства на будущие десятилетия. Проследим это на

примерах и мысленно сравним решение проблем мира, разоружения, торговых связей двадцатых годов с нашими восьмидесятиями.

«...Буржуазным странам, — говорил В. И. Ленин на XI съезде партии, — надо торговать с Россией: они знают, что без тех или иных форм экономических взаимоотношений — развал у них будет идти дальше».

На сегодняшний день большинство капиталистических стран торгуют с СССР, что понимается как еще одно весомое доказательство жизнеспособности ленинской политики.

«...Советская республика родилась со словом «мир» на устах, и... она ни на минуту не забывала об этом своем первом и великом лозунге», — писала «Правда» в передовой в 1922 г.

В наши дни СССР мир из мечты народов превращает в реальность.

«...В Генуе Советская Россия и ее союзники предлагали всеобщее разоружение... Несмотря на все, сама Советская Россия приступила к разоружению и в короткий срок уменьшила армию с 5 миллионов до 800000», — говорилось в обращении X съезда Советов «Ко всем народам мира».

Сегодня мир капитала, благодаря воле СССР и стран социалистического содружества, поставлен перед дилеммой разоружения. И нам, современникам, пожалуй, и через 60 лет безразлична оценка, высказанная алтайским делегатом своим землякам о позиции ведущей капиталистической державы: «...Даже Америка и та изменила свое отношение к Советской России: и она поняла значение непреложного факта существования Советской Республики в течение уже пяти лет. А последняя из всех событий учитывает факт, что Европе нельзя обойтись без России даже и в том случае, когда она не платит долгов. Лозанская конференция еще раз подтверждает неустойчивость и коварство буржуазных правительств, тогда как Советское правительство остается на одной позиции в стремлении к всеобщему разоружению».

К этому, как говорится, нечего добавить. Свое отношение «к непреложному факту существования Советской Республики» Америка поняла в двадцатых годах, подтвердила в годы второй мировой войны, вынуждена закреплять сейчас.

Вопросы мира, разоружения, торговых связей благодаря многолетним усилиям СССР стали жизненной необходимостью человечества. И нет сомнения, что эти животрепетные вопросы, возникшие на заре Советской власти, были понятны и близки нашим землякам, как и всем нам, их приемникам, их потомкам.

В заключительной части протокола совещания в приподнятом торжественном стиле, вполне соответствовавшем той революционной обстановке и значимости момента, читаем: «Проект создания Союза Советских Социалистических Республик принят и выдвинуто новое задание: основать могучую Союзную Трудовую Державу, Единую Мировую Социалистическую Советскую Республику и в ознаменование

воздвигнуть в Москве небывалый до сего времени в мире Дворец Трудящихся».

Принятая на совещании резолюция свидетельствует о полном единодушии алтайцев с политикой ленинского правительства: «Заслушав доклад т. Лыткина о X Всероссийском съезде Советов, мы, председатели волсполкомов Барнаульского уезда, приветствуем решения X Всероссийского съезда Советов в области внутренней и внешней политики. Да здравствует ЦИК Союза Советских Социалистических Республик — проводник идей за раскрепощение трудящихся всего мира. Да здравствует вождь пролетариата — Российская Коммунистическая партия!»

Резолюции с одобрением решений X Всероссийского съезда Советов принимались и на беспартийных конференциях Барнаульского, Бийского, Камениского, других уездов.

Крестьяне Чумышской волостной беспартийной конференции (Барнаульский уезд) 14 января 1923 г. обратились со словами: «Просим волсполком и вышестоящие органы о скорейшем проведении в жизнь постановлений X Всероссийского съезда. Всем начинаниям Советского правительства мы с полным сознанием пойдем навстречу...»

Делегаты пяти волостей Бийского уезда 25 февраля 1923 г., приветствуя съезд Советов, заявили: «Мы, делегаты районной беспартийной конференции, собравшиеся в селе Буланиха из волостей: Бийской, Шубинской, Хайрюзовской, Загайновской и Соколовской, выносим горячую благодарность и приветствие нашему рабоче-крестьянскому правительству совместно с X съездом Советов рабочих и крестьян России и мы, делегаты данной конференции, глубоко верим нашему рабоче-крестьянскому правительству, что оно не отдаст нас под иго буржуазии как своих сынов и братьев».

Второй съезд Советов Ойротской автономной области, приветствуя от имени трудящихся-ойрот товарища Ленина, выражая полную солидарность борющемуся пролетариату и Коминтерну, закончил приветствие словами: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик и его вождь — Ильич!»

Отмечая усиливающуюся международную реакцию в лице фашизма, а с другой стороны, рост революционного рабочего движения, VI Барнаульский уездный съезд Советов заявил, что вполне одобряет политику Советского правительства и его руководителя РКП(б), направленную к укреплению Советского Союза, «этой пока единственной пролетарской крепости во всем мире».

В январе 1923 г. только по Барнаульскому уезду проведено 26 беспартийных крестьянских конференций, на которых обсуждались вопросы международного и внутреннего положения СССР, X Всероссийского съезда Советов, народного образования, IV конгресса Коминтерна, кооперативные, земельные, хозяйственные и многие другие вопросы. Это был подъем агитационно-пропагандистской работы, дости-

гнутой усилиями Алтайского губкома РКП(б). Перед губкомом партии после вскрытых фактов слабой информации алтайской деревни о событиях общественно-политической жизни и законодательных мероприятиях Советской власти встала ответственная задача «осуществить практический лозунг товарища Ленина об установлении тесной связи города с деревней».

Губком партии достойно справился с этой задачей. Уезды живо откликнулись на призыв агитпропа губкома, и уже с начала 1923 г. волна беспартийных конференций прокатилась по губернии. Конференции носили характер агитационных кампаний, в которые широко вовлекались беспартийные крестьянские массы.

Как итог, отмечалось оживление, царившее на конференциях. «К рассматриваемым вопросам относились внимательно, в прениях доклады подчас детализировались до мелочей».

Из Рубцовского укома РКП(б) сообщали, что в уезде проведено 16 конференций, на каждой из которых только делегатов присутствовало более ста человек. Один из уполномоченных по проведению конференций получил в общей сложности 72 письменных и 60 устных вопросов. Крестьяне проявляли интерес и к национальному вопросу, и к образованию общенационального государства. Конференции расшевелили общественное мнение алтайской деревни, помогли крестьянству по многим вопросам установить правильный взгляд на мероприятия Советской власти.

Опыт проведения беспартийных крестьянских конференций в Алтайской губернии, отмечалось в одном из отчетов, нельзя не признать удачным. К ним, как к одному из способов смычки партии и крестьянства, придется прибегать и в будущем.

Как бы подводя итог торжеству ленинской национальной политики, замечательной идее создания многонационального государства, собравшийся ровно через год (30 декабря 1923 г.) VI Алтайский губернский съезд Советов, заслушав доклад члена ВЦИКа т. Громова об итогах III сессии Всероссийского и Союзного ЦИКов, в своем постановлении выразил приветствие и одобрение в части национального строительства и принятия Конституции СССР.

«...В то время, как в капиталистическом мире, — записано в постановлении, — свирепствует национальная вражда, беспощадное угнетение и эксплуатация слабых народов, СССР объединяет на основе полного равноправия и безусловной добровольности все населяющие его народы».

Съезд поручил губисполкому и всем органам Советской власти губернии принять необходимые меры к тому, «чтобы принятая сессией Конституция СССР, изучалась во всех школах губернии».

..Минуло шесть десятилетий со дня образования Союза Советских Социалистических Республик. На всех этапах войны и мира этот Союз был и остается нерушимым.

Ольга ТРУЕВЦЕВА,
старший научный сотрудник
Алтайского краеведческого музея

О ЧЕМ РАССКАЗАЛИ ТЕЛЕГРАММЫ

Весна 1918 года. Молодая советская республика приступила к хозяйственному возрождению страны. Преодолевая саботаж чиновников, контрреволюционные выступления меньшевиков и эсеров, заговоры, открытый террор против представителей советской власти, большевики настойчиво проводили в жизнь указания В. И. Ленина о необходимости решительной ломки старого буржуазного аппарата управления и создания основ социалистической экономики.

Время донесло до нас не столь значительное количество документов, рассказывающих о первых шагах советской власти на Алтае. И тем более ценной представляется находка А. К. Степанова и Б. М. Переверзева, которые при прокладке кабеля в здании Центрального телеграфа в г. Барнауле (ул. Интернациональная, 74) обнаружили на чердаке под более чем полувековым слоем пыли подлинники текстов телеграмм, отправленных в 1918—1920 годах. Ветхие, пожелтевшие от времени старинные бланки (впрочем, не сильно отличающиеся от современных телеграфных бланков), заполненные на машинке и изящным каллиграфическим почерком, скрепленные подписью руководителей и заверенные печатями губернского и городского Совета, Алтайского губернского оргбюро РКП(б), губревкома. В них, этих лаконичных строчках, — судьбы людей, горячее дыхание революции, живой голос эпохи.

Из всего множества новых «свидетелей» того времени выберем лишь три телеграммы Барнаульского Совдепа:

Телеграмма первая

26 марта 1918 года

Томск

Комиссару Госбанка

Копия Совдепу

Одиннадцатого февраля национализированы бланки на днях сливаются единый Следствие полного отсутствия знаков собственности казначействах принуждены прекратить выдачу ассигновками всех учреждений целиком перешедших Совдепу Казначейства не оплатили около двенадцати миллионов советских кредитов том числе пайки частью декабрь тоже январь февраль март все выдачи прекращены Прошу оказать поддержку денежными знаками сколько можете.

Председатель Совдепа

Заведующий финансовым отделом

Ц а п л и н

6 декабря 1917 года газета «Голос труда» (орган Барнаульского Совета рабочих и солдатских депутатов) опубликовала приказ исполнительного комитета Барнаульского Совета о роспуске «Комитета Спасения Революции» (буржуазный орган власти в губернии), о передаче власти в руки Военно-Революционного комитета (ВРК), созданного для практического руководства вооруженным восстанием в городе.

Вооруженные отряды Красной гвардии, по указанию ВРК, 6—7 декабря взяли под свой контроль губернский комиссариат, телефонную станцию, тюрьму, вокзал. В городе было введено военное положение.

Особое внимание ВРК уделил захвату барнаульского уездного казначейства, банков, в чьих руках были сосредоточены финансы губернии. У зданий была установлена усиленная охрана. Однако управляющие банками саботировали все распоряжения комитета о выдаче ссуд. В то же время они охотно выполняли заявки главварей контрреволюции на организацию вооруженного сопротивления Советской власти.

Так саботировалось требование ВРК о немедленной выдаче пособий голодавшим семьям фронтовиков в размере 300 тыс. рублей. Не хватало средств на финансирование работы Совета, государственного аппарата. Стабилизации обстановки не способствовало и обложение прогрессивно-подходным налогом капиталистов губернии. И только непосредственное вмешательство М. К. Цаплина, который, наряду с Совдепом, возглавил и банковское дело в Барнауле, дало возможность упорядочить работу банков, выплатить пособие семьям фронтовиков, погорельцам, пострадавшим от барнаульского пожара 1917 года.

Однако финансовое положение губернии продолжало оставаться напряженным.

11 февраля Барнаульский Совет принял решение о национализации банков.

3 марта М. К. Цаплин обращается в Томск, к комиссару банка, с просьбой оказать помощь денежными знаками.

Решительные действия партийной организации Барнаула, ВРК, Совета, опирающихся на поддержку рабочего класса, положили конец разлагающей работе саботажников. 19—22 февраля Барнаульский Совет упразднил городскую управу, Думу, позже были национализированы Алтайская железная дорога, крупные пимокатные ма-

стерские, речной транспорт, на заводах и фабриках вводился рабочий контроль.

Действия Барнаульского Совета положили начало национализации банков по всей Алтайской губернии.

Телеграмма вторая

3 апреля 1918 года

Петроград

Комиссару иностранных дел

Находящиеся в Барнауле военнопленные итальянцы австрийские подданные ходатайствуют переводе жительства подданство родину Италию Просят разрешения выезда Владивосток Италию Прошу на это ходатайство дать надлежащие указания

Председатель Совета Ц а п л и н

К 1917 году в России находилось около 5 млн. военнопленных австрийцев, чехов, словаков, югославов, румын, поляков, итальянцев.

Весной 1918 года только в Барнауле насчитывалось более 800 военнопленных и более 1500 в прилегающих районах (население Барнаула в 1917 году составляло 56 тысяч человек). Лагерь военнопленных находился в Бийске, Камне, Славгороде. В соответствии с постановлением СНК от 14 февраля 1918 года военнопленные, находящиеся в России, получили право свободного выбора места жительства, возможность активно участвовать в общественной жизни города.

Уже 17 февраля в Барнауле состоялось организационное собрание военнопленных. Учрежденный собранием Совет военнопленных был признан исполкомом Барнаульского Совета революционной организацией. Политической работой среди военнопленных руководил большевик-подпольщик Кауфман.

Военнопленные-интернационалисты принимали активное участие в борьбе с саботажниками, контрреволюционерами, вели революционную агитацию среди солдат, крестьянства, вступали в отряды рабочей самообороны.

В своих воспоминаниях Отто Морич, немецкий рабочий член РКП(б) с 1918 года, впоследствии писал: «Бывали случаи, когда контрреволюционеры нападали в окрестных деревнях на представителей Советской власти и убивали их. Фабричная самооборона поднималась тогда по тревоге и мы быстро выезжали на место».

Однако борьба не могла заглушить тоску по родине. В апреле 1918 года военнопленные, находившиеся в Барнауле, обратились в Совет с ходатайством об отправке на родину.

Вооруженный мятеж белочехов нарушил планы интернационалистов. 15 июня после ожесточенных, кровопролитных боев белочехи заняли Барнаул. Белогвардейцы жестоко расправились не только с местными большевиками, но и с военнопленными. Вместо родины Временное Сибирское правительство (контрреволюционная белогвардейско-эсеровская организация) отправило военнопленных в лагерь, где царил полуторжественный режим. Те, кто отказывался служить в чехословацком корпусе и в других

национальных формированиях, были брошены в концентрационные лагеря, оказывавших вооруженное сопротивление бросали в тюрьмы, коммунистов расстреливали без суда и следствия.

Несмотря на жестокие расправы, в барнаульском лагере военнопленных большевиков удалось создать подпольную группу, первоначально насчитывающую 15—20 большевиков, действовавших под руководством венгра Макса Энгеля. К маю 1919 года нелегальная венгерская группа насчитывала до 100 человек, несколько позднее возникли немецкая и польская ячейки.

Группы интернационалистов-коммунистов оказывали разнообразную помощь партизанскому движению: добывали оружие, вели разведку, принимали участие в разработке планов военных операций самоотверженно сражались в интернациональных партизанских подразделениях.

Летом 1919 года в составе отряда И. В. Громова сражалась венгерская интернациональная рота под командованием Макса Ламберга. Партизанский штаб нередко направлял ее на самые ответственные участки боевых действий. Мадьяры с честью выполняли боевые задания. На счету роты Ламберга освобождение городов Камня, Рубцовска, победные бои у сел Парамонова, Пайвина, Солоновки, в степях Кулунды, где венгерские коммунисты плечом к плечу с алтайскими партизанами подтвердили несокрушимую силу революционного интернационализма.

За героизм и мужество, проявленные в боях с белогвардейцами, многие интернационалисты были удостоены высшей в то время награды Советской республики — ордена Боевого Красного Знамени. Среди награжденных Макс Ламберг, Гейзе Сабат и другие.

11 декабря 1920 года в освобожденном Барнауле состоялся митинг военнопленных. В единодушно принятой резолюции говорилось: «Дело русской революции считать делом своим, с горячей любовью приветствовать освободившую нас армию и выразить готовность выступить на защиту пролетарского дела добровольно, с оружием в руках против общего врага — капитала».

Только через два года, закаленные в огне партизанских боев, многие интернационалисты вернулись домой. А некоторые навсегда связали свою судьбу с Алтаем. Так, например, в селе Солоновке (Волчихинского района) поселился после окончания гражданской войны бывший партизан венгр Данила Локоташ.

Телеграмма третья

Москва

3 апреля 1918 года

Комиссару земледелия

Копия Центропродкому

Прошу срочного разрешения выдачи социалистической группе «Наш путь» состоящей из 30 семей временной суды на приобретение лошадей трактора палаток и плугов средств Губпродкома 92575 руб и суды инвентаря от Губпродкома пшени-

цы 1800 пудов 10 телег веревок на 312 руб и 2 сеялки К уборке хлеба необходимо разрешить ссуду в размере 23000 рублей на приобретение сноповязалки молотилки и веялки Ссуда может быть разрешена с условием возмещения ее убранным осенью сего года хлебом Группа «Наш путь» обосновалась на Катковской степи получив для обработки 450 десятин земли

Вице-председатель Совдепа
К а з а к о в
Барнаульский Совет рабочих
и военных депутатов

«Социалистическая группа», о которой идет речь в телеграмме, 30 семей рабочих Обуховского оружейного завода (ныне ленинградский завод «Большевик») прибыла на Алтай в марте 1918 года. В этот период в деревне начинала разворачиваться ожесточенная классовая борьба. Демобилизованные фронтовики-крестьяне на практике стали осознавать, что уравнильное землепользование, о котором они мечтали долгие годы, не сможет освободить их от кабалы и эксплуатации со стороны кулаков, торговцев. Бедняцкие единоличные хозяйства не могли оставаться экономически независимыми, соперничать с хозяйствами кулацкими, с их машинами, десятками лошадей. Наиболее передовые крестьяне стали создавать первые коллективные хозяйства. Поддержать первые шаги к социализму решили и рабочие ряда промышленных центров России. Так возникла идея создания в Сибири образцовой сельскохозяйственной коммуны у рабочих-обуховцев из Петрограда.

30 января 1918 года, внимательно выслушав их предложение, В. И. Ленин поддержал инициативу и направил комиссару земледелия записку следующего содержания: «Тов. Колегаев. Помогите, пожа-

луйста, подателям советом и указаниями (1-е Российское общество землеробов-коммунистов) насчет того, как и где достать земли. Почин прекрасный, поддержите его всячески».

Так появилась на Алтае одна из первых коммун под руководством члена РСДРП с 1908 года участника трех революций Гавриила Семеновича Ивкина.

Трудностей у первых коммунаров было больше чем достаточно. В своих воспоминаниях Г. С. Ивкин впоследствии писал, что многие рабочие крестьянского хозяйства и работы на земле не знали, не хватало тягловой силы, сельскохозяйственных машин.

Однако весна скидок на неопытность и неподготовленность не давала. Нужно было распахивать Катковскую степь, сеять хлеб, строить ремонтные мастерские, кузницу, жилье. Опираясь на помощь Барнаульского Совдепа, обуховцам удалось успешно провести весенний сев. Полные светлых надежд и революционного энтузиазма, встретили они Первомай. Но вот убрать свой первый урожай коммунарам не удалось — помешал контрреволюционный мятеж белочехов, охвативший Урал, Сибирь и Дальний Восток.

В июле 1918 года белогвардейцы арестовали организаторов коммуны. После освобождения Г. С. Ивкин и его ближайшие соратники В. Федоров, Г. Несредов, Г. Кокорин, Н. Кольцов активно включились в подпольную работу по подготовке Зиминского восстания, положившего начало массовой партизанской войне на Алтае, затем в составе партизанской Красной Армии под командованием Е. М. Мамонтова освобождали Алтай от колчаковщины. По окончании гражданской войны Г. С. Ивкин работал инструктором Алтайского губкома партии, а с 1923 года трудился на партийной и советской работе в Москве.

Василий ГРИШАЕВ

СИБИРЬЮ РОЖДЕННЫЙ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Г. ГРЕБЕНЩИКОВА)

Имя Гребенщикова пользовалось широкой известностью среди сибирских литераторов. Александр Куприн, прочитав сборник повестей и рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири», восторженно писал: «Наше поколение может спокойно умереть и может быть спокойно за судьбу русской литературы, ибо вместо нас останутся молодые и талантливые — Гребенщиков, Чапыгин и другие».

Федор Шалапин произведения Гребенщикова называл «золоторокотными сказаниями о нашей матери-Родине». Многие из них нравились и Максиму Горькому, которому Гребенщиков был немало обязан. Известно, как внимателен и заботлив был Алексей Максимович к начинающим писателям, особенно к выходцам из народных низов.

Гребенщиков родился на Николаевском руднике бывшего Змеиногорского уезда. Отец его — рудоотборщик, позже — хлебопашец, мать — казачка, оба кое-как еще умели читать, но писать так и не научились. Не повезло с учейбой и Георгию. Отец забрал его из 4-го класса начального училища. В семье было шесть детей, нужда всю жизнь преследовала Гребенщико-вых. Так и остался Георгий с незакончен-ным начальным.

С 12 лет «пошел в люди». Кем только не довелось ему быть! Подмастерьем у сапожника, посудомойщиком в аптеке, учеником фельдшера, батраком, писарем в полицейском участке, письмоводителем у нотариуса, служащим на золотых приисках... Таковы были его «университеты».

Любознательный юноша много читал. Книгой, побудившей его взяться за перо, стали «Записки охотника».

«Точно, с глаз моих пелена спала! — вспоминал Гребенщиков. — Вся эта цветущая природа — вот она, за окном... Как же я ее не видел! Раньше для меня это была лишь «пашня» с тяжелой работой... Отсюда и пошло расти то любопытство к жизни, к природе, к литературе, которые следующие 10 лет сделали из меня начинающего писателя».

Вторым толчком стали события 1905 года. Под их влиянием он написал свои корреспонденции в газету. Эти незрелые опыты он поспешил издать отдельной книжкой, но потом не любил вспоминать о ней. За книжкой последовала пьеса «Сын народа». Она с успехом шла в Ом-

ске, Барнауле, Томске и некоторых других городах.

С 1908 года Гребенщиков начинает печататься в популярной тогда томской газете «Сибирская жизнь», а вскоре создает свою газету «Омское слово», где впервые выступает как организатор литературы в Сибири, профессиональный журналист и писатель. Энергия у молодого редактора была ключом. Но уже через полгода его газету закрыли за «вредное направление», а сам он был на две недели посажен в тюрьму.

Осенью 1909 года он становится секретарем журнала «Молодая Сибирь», а после его закрытия, в начале 1910 года, возглавил журнал «Сибирская новь». В нем сотрудничали Вячеслав Шишков, Владимир Бахметьев, а также поэты-барнаульцы Иван Тачалов, Порфирий Казанский и др. Но и этот журнал продержался всего около трех месяцев.

В 1910—11 гг. Гребенщиков совершает поездку по Алтаю, пишет серию статей о своих впечатлениях, выступает в Томске и Петербурге с лекциями о староверах, публикует в «Алтайском сборнике» (№ 11, 1912 год) историко-этнографический очерк «Река Уба и убинские люди». Сборник издается Алтайским подотделом Русского Географического общества.

С 12 мая 1912 года по 31 мая 1913 года Гребенщиков был редактором барнаульской газеты «Жизнь Алтая» и еще около года формировал в ней литературно-художественный отдел.

Газета была довольно демократической по своему содержанию, правда, с областническим уклоном. Большое место в ней отводилось литературе. Здесь постоянно публиковались Шишков, Бахметьев, Гольдберг, Исаков, Тачалов, Драверт, Казанский. Много писал для газеты и сам Гребенщиков — рассказы, очерки, стихи, статьи. Писал порой торопливо, несовершенно, зато искренне и увлеченно.

«Жизнь Алтая» — молодец молодцом, в особенности литературный отдел», — писал о газете Вячеслав Шишков.

Гребенщиков показал себя здесь незаурядным собирателем и организатором литературной жизни Сибири. На страницах «Жизни Алтая» сделали первые шаги в литературу Степан Исаков, Александр Пиотровский и другие способные прозаики и поэты.

Гребенщиков был составителем и редактором «Алтайского альманаха», ставшего большим событием в литературной жизни не только Барнаула, но и всей Сибири. Он был издан в 1914 году в Петербурге. Художественное оформление его выполнил известный алтайский художник Григорий Гуркин.

Цели альманаха Гребенщиков определял так: «Дать читателям живое представление о малоизвестном Алтайском крае по возможности в художественных образах и, во-вторых, объединить литературные и художественные силы». Надо сказать, та и другая цели были достигнуты. Сам Гребенщиков дал в альманахе историко-этнографический очерк «Алтайская Русь», где в красочных, живых картинах рассказал о первых поселениях русских на Алтае, об их упорной борьбе с суровой природой, о том, как в конце XVIII века эти вольные люди насильственно приписывались к рудникам, заводам, попадали в кабалу. Недостатком очерка является преувеличенное внимание к религиозному началу в истории Древней Руси.

Как уже было сказано, большую роль в писательской судьбе Гребенщикова сыграл Максим Горький. В середине 1911 года Гребенщиков послал ему на Капри несколько рассказов и письмо с такой просьбой: «Если можно, поддержите и дайте возможность пойти более широкой дорогой». При содействии Горького в 1911 году в журнале «Современник» публикуется повесть молодого сибирского прозаика «В полях», а через год — «Ханство Батырбека». В 1913—15 годах, опять же с помощью Горького, выходят два тома повестей и рассказов Гребенщикова «В просторах Сибири», в 1916 году — сборник «Змей-Горыныч», в 1917 — «Степь да небо». В 1916 году в горьковском журнале «Летопись» появляется повесть «Любава».

Огромная поддержка и внимание великого писателя тем более замечательны, что личные их отношения, по вине Гребенщикова, оставляли желать лучшего. По свидетельству лиц, знавших Гребенщикова, он, при всей его талантливости, был, как человек, мелковат, склонен к зазнайству, болезненно относился к критике. Но Горький, если замечал искру таланта в человеке, умел становиться выше личных симпатий и не жалел сил, чтобы раздуть эту искру в пламя.

О Гребенщикове писали много и охотно в центральной и сибирской печати, ему пророчили большое будущее. «Какой свежестью, каким чудесным лиризмом пропитаны его книги!» — читаем в газете «Сибирская жизнь». А вот отзыв Вячеслава Шишкова: «Он любит и по-особому чувствует дикую красоту и мощьность Алтая, заражает своим настроением... В лице Георгия Гребенщикова мы рады приветствовать вдумчивого правдивого бытописателя».

В общем хоре похвал звучали и критические нотки. Гребенщикова упрекали — и справедливо — в излишней идеализации деревенского быта, приверженности к старине, патриархальщине. Некоторые критики указывали, что в произведениях Гребенщикова преобладают описательные элемен-

ты, в них нет глубокого исследования характеров, проникновения в психическую природу человека.

Ошибкой Гребенщикова-художника является неприязненное, несправедливое отношение к городской культуре и особенно к переселенцам, хлынувшим от малоземелья в Сибирь. Если старожилы у него приветливы, честны, богобоязненны, то у «рассейских» — все наоборот. От них все беды, гибель и разрушение устоявшегося уклада. Особенно ярко этот областнический национализм виден в рассказе «Пришельцы», что было отмечено даже отцом областничества Г. Потаниным. Показателен и рассказ «Змей-Горыныч». Змей-Горыныч — это паровоз, вторгшийся в заповедные таежные дебри и ничего не принеший их обитателям, кроме горя и слез.

Идеализируя деревню, Гребенщиков не закрывает глаза и на темные стороны ее быта: власть собственничества, религиозных предрассудков и суеверий. Сгряжатели, хищники изображены им, например, в рассказах «Дело одинокое», «Лесные короли», повести «Любава». Но в отличие, скажем, от Шишкова с его повестью «Тайга», Гребенщиков редко изображает социальные конфликты и противоречия, ограничиваясь бытописательством. Более отчетливо социальные контрасты проступают у него в произведениях о жизни казахов, особенно в повести «Ханство Батырбека». Вслед за Ядринцевым, Потаниным, Шаповым Гребенщиков поднимает голос в защиту сибирских инородцев.

Он обладал редким умением поэтизировать крестьянский труд, умиротворенное единение человека с природой, гармоническое слияние с ней. Характерна в этом отношении небольшая повесть «В полях» — взволнованный, немногословный рассказ об извечном круговороте крестьянской жизни, наполненной трудом, заботами, простыми семейными радостями. Повесть нравилась Горькому, Шишкову. В 1918 году, когда культпросветсоюз Алтайских кооперативов решил издать серию книг для народного чтения — библиотечку «Сибирский рассвет», то первой книжкой этой библиотечки стала повесть «В полях». Кстати, ее можно прочесть в нашей краевой библиотеке.

Достоинства и недостатки прозы Гребенщикова наиболее полно отразились в романе «Чураевы». Это история процветания и упадка раскольничьей семьи Фирса Чураева, основное место действия — Алтай. Отмечая изумительно выписанные картины быта, религиозных обрядов раскольников, критика вместе с тем указывала, что Гребенщиков оказался в плену быта, не сумел возвыситься над ним. Даже самый положительный герой Василий Чураев, осознав лицемерие старой веры, ее разбойничью подоплеку, оказался способным лишь на то, чтобы отправиться на поиски новой, «настоящей» веры. И только.

Здесь, видимо, сказалась ограниченность мировоззрения, характерная для старореческой крестьянской среды, в которой прошли детство и юность писателя.

С начала 1916 года Гребенщиков на фронте, в качестве старшего санитрукто-

ра и одновременно корреспондента кадетской газеты «Русские ведомости». Он сочувственно пишет о людских страданиях, ужасах и бессмысленности войны. С восторгом встречает Февральскую революцию, но в дни, когда его Родина разделилась на два непримиримых лагеря, он заявляет в одном из писем: «В смысле политическом я по-прежнему вне всяких партий». Быть над схваткой — этот ложный принцип стал в те дни причиной трагедий многих русских интеллигентов; в том числе и Гребенщикова. В сентябре 1920 года в потоке беженцев он покинул Крым.

Судьба Гребенщикова-эмигранта — это печальная повесть о затухании таланта, оторванного от родной земли, родного народа. Из произведений эмигрантского периода рядом с лучшими его работами до-революционной поры можно, пожалуй, поставить лишь повесть «Егорушкино детство», написанную в конце жизни, а изданную уже после смерти автора. В повести старый писатель поэтизирует свое детство и юность, она полна кричащей тоски по Родине.

Неудача постигла Гребенщикова и с главным делом его жизни — романом «Чураевы». Он задумал его в 12 частях, но успел написать лишь 8, а издать — 7. Однако если первая часть была, хотя и с оговорками, высоко оценена критикой, то последующие превратились в тягучее, проникнутое проповедью пассивности и смирения описание бытового, хозяйственного и религиозного уклада семьи Чураевых, лишённое глубокого осмысления процессов, происходивших в русском обществе.

«Какую скуку в «Чураевых» развел, что скулы, зевая, свернешь». — писал Чапыгин Максиму Горькому. «Был конь, да

изъездился», — вторил ему Феокист Березовский, бывший товарищ Гребенщикова по перу в сибирские годы.

Гребенщикова тяжело переживал эмиграцию. Он неоднократно выражал желание вернуться на Родину, обращался к Максиму Горькому (их переписка продолжалась до 1928 г.), чтобы тот помог ему печататься в советских журналах, но уровень его эмигрантских произведений был признан низким.

К чести Гребенщикова надо сказать, что за все 44 года эмиграции он не допустил ни одного враждебного выпада в адрес Советского Союза. Более того, в 1943 году в письме В. Я. Шишкову не без гордости сообщал: «С самого начала Отечественной войны мы оба (т. е. он и жена. — В. Г.) кое-что делаем для помощи СССР».

При всех его заблуждениях и недостатках человек, которого называли когда-то «сибирским Горьким», оставил свой след в предреволюционной литературе как бытописатель старой сибирской деревни, правдивый живописец жизни и быта угнетенных народностей Сибири, как собиратель и организатор местных литературных сил.

К 100-летию со дня рождения писателя в Иркутске издан сборник, куда вошли лучшие его произведения, сохранившие художественную и познавательную ценность до настоящего времени — такие, как повести «Ханство Батырбека», «В полях», «Любава», первая часть романа «Чураевы» и рассказы.

Все значительное в его наследии должно быть сохранено как часть нашего национального достояния, как всякое другое ценное наследство в богатой и многообразной культуре советского народа.

Лидия МУРАВИНСКАЯ, Виктор АЩЕУЛОВ

КОНСТАНТИН ПАУСТОВСКИЙ НА АЛТАЕ

Одну из своих статей выдающийся советский писатель Константин Георгиевич Паустовский (1892—1968) назвал «Муза дальних странствий», а одну из автобиографических книг — «Книга скитаний».

Путешествовал Паустовский действительно очень много, и «следы скитаний» видны почти в каждом его произведении. Были в его большой жизни поездки, продиктованные обстоятельствами, и были «дальние странствия»: по зову сердца. Он умел объединять те и другие никогда не прекращавшей писательской работой, чудесными открытиями величия и красоты мира, от которых тревожно и радостно бьется читательское сердце.

В автобиографических заметках «Несколько отрывочных мыслей» К. Паустовский пишет: «За годы своей писательской жизни я был на Кольском полуострове, жил в Мещере, изъездил Кавказ и Украину, Волгу, Каму, Дон... был в Средней Азии, в Крыму, на Алтае, в Сибири, на чудесном нашем северо-западе...».

Дорога на Алтай является продолжением военных дорог К. Паустовского.

Летом 1941 года он был военным корреспондентом на Южном фронте, осенью того же года приехал в Алма-Ату.

9 октября 1941 года Константин Георгиевич писал из Алма-Аты своему другу Рувиму Фраерману: «Полтора месяца я пробыл на Южном фронте, почти все время, не считая трех-четырёх дней, на линии огня... В половине августа вернулся я в Москву, где ТАСС, ввиду моего преклонного возраста, решил оставить меня в Москве (в аппарате ТАССа), а затем по требованию Комитета по делам искусств — и совсем отпустили для работы над пьесой для МХАТа...».

С большим трудом переехал в Алма-Ату... Работаю над пьесой. Живем у чудесного человека — казахского писателя Мухтара Ауэзова².

Из Алма-Аты Паустовский приезжал в Барнаул для дружеских встреч и творческих встреч с А. Я. Таировым и коллективом возглавляемого им Московского камерного театра, эвакуированного в Алтайский

край. Судя по переписке К. Г. Паустовского с А. Я. Таировым³, с осени 1941 года по раннюю весну 1943 года постоянным местом жительства Паустовского оставалась Алма-Ата. Поездки в Барнаул связаны в основном с работой Паустовского над пьесой для Камерного театра.

В небольшой заметке «К тридцатилетию театра», опубликованной в 1972 году⁴, Паустовский пишет: «Я рад, что мне пришлось работать для этого театра в первые годы Отечественной войны в тяжелых условиях эвакуации в Барнауле и на Алтае. Там, в Барнауле, в обделенных залах театра, бывшего некогда тюремной церковью, в полной мере обнаружилось мужество, сила духа и величайшая преданность искусству как Александра Яковлевича Таирова, так и коллектива театра».

4 апреля 1943 года в Барнауле состоялась премьера спектакля по пьесе Паустовского «Пока не остановится сердце». Эта пьеса о советских людях военного времени, об их борьбе с фашизмом, о вере в победу. Главную роль исполняла Алиса Коонен.

Кроме Барнаула, Паустовский побывал также в Белокурихе вместе с А. Я. Таировым и «таировцами», дважды проездом был в Бийске. «Валя и Рувец, дорогие, как-то вы живете там, в Алма-Ате?.. — пишет К. Т. Паустовский Рувиму Фраерману летом 1942 г. из Барнаула. — Наши презумпции такие — 20 августа мы едем вместе с престарелым Таировым и Коонен в Белокуриху на Алтае, в 70 километрах от Бийска, там я буду писать пьесу. Дело в том, что театр на месяц закрывается на ремонт, актеры уезжают на фронт и сидеть в Барнауле, в гоголевской гостинице, похожей на стационарное отхожее место, нет смысла. Белокуриха — курорт (серные воды)⁵ и дом отдыха (до сих пор он открыт). Там дадут комнату и будут кормить. К тому же в окрестностях Белокурихи есть прекрасные рыбные озера.

Вернемся мы в Алма-Ату к 20-м числам сентября, если раньше не содохнем от холода, — к тому времени я окончу пьесу. Здесь холодно, по ночам уже заморозки,

¹ Паустовский писал для МХАТа пьесу о жизни Лермонтова.

² Цит. по воспоминаниям Р. Фраермана «Любимый друг» в кн.: Воспоминания о Константине Паустовском. М., Сов. писатель, 1975, с. 32.

³ См.: «Простор», 1972, № 4.

⁴ См. дополнительный том к восьмитомному собранию сочинений Паустовского, а также «Простор», 1972, № 4.

⁵ К. Паустовский ошибочно называет радоновые воды серными.

дождливо... я — без пальто, и что из этого получится — неизвестно. Мне обещают дать пальто из театрального реквизита.

Жоржик¹ плачется на голод (здесь в этом отношении гораздо хуже, чем в Алма-Ате) и совершенно иссох от работы над пьесой (не столько над пьесой, сколько над переделками). Слушаем сводки. Тяжело. Газет нету.

Теперь о Барнауле. Это славный город, славный прежде всего тем, что он русский город, очень похожий на наши северные города. Деревянные дома с мезонинами, липы, запустенье, герань на окнах и множество добродушных стариков-рыболовов. Великолепная Обь — она здесь шире Волги и уже наше, бледное, северное небо.

Но жить здесь можно только при театре — иначе трудно. Никакого заработка, а цены в 3—4 раза больше, чем в Алма-Ате...

Одно здесь привлекательно — это приветливый народ и русский родной пейзаж (но суровее нашего и холоднее). Три раза ловили рыбу на Оби и в протоках. Ловится хорошо чебак (вроде плотвы), другой рыбы мало. Напишите все о себе...»

Научный сотрудник Бийского филиала Алтайского краеведческого музея Л. А. Мальцев рассказывает, что видел Паустовского и Коонен в Бийске. Они были в городской библиотеке и в театре. К сожалению, присутствие знаменитой А. Г. Коонен как-то отодвинуло скромно державшегося Паустовского на второй план... Впрочем, и сам Паустовский отдаст должное Алисе Коонен, называя ее «величайшей трагедийной актрисой нашей страны».

В Белокурихе Паустовский с супругой Татьяной Алексеевной поселились на Шестой — или детской — даче. Здесь же, в большом двухэтажном деревянном доме², жили испанские дети, эвакуированные из Крыма с пионерским лагерем «Артек» сначала в Заволжье, а затем в Белокуриху и Чемал. В память о пребывании испанцев артековцев в Белокурихе на здании местной школы установлена мемориальная доска. Сохранилось и ремонтируется сейчас двухэтажное здание столовой, где обедали обитатели Шестой дачи.

«Барнаульские месяцы», как назвал их сам Паустовский, а также время пребывания писателя в Белокурихе — зима и ранняя весна 1942—43 годов — заняты не только работой над пьесой. Паустовский пишет рассказы, работает над романом «Дым отечества», завершеном в 1944 г.

В авторском предисловии к роману Паустовский писал: «Это роман о нашей интеллигенции в канун и во время минувшей войны, о ее преданности родине, ее мужестве, ее испытаниях и тех неумирающих жизненных явлениях, какие мы называем «личной жизнью», забывая подчас, что нет и не может быть личной жизни вне своего времени и вне общей жизни страны и народа...»

¹ Г. П. Шторм.

² Дом сгорел, но на том же месте в настоящее время строится новое здание для детского санатория.

«Дым отечества» — это роман о судьбах некоторых испанских борцов за республику, взрослых и детей, которым дала приют великая наша родина.

Герой «Дыма отечества» — советский писатель Лобачев и испанская поэтесса Мария Альварес едут вслед за испанскими детьми в Алтайский край. Вот какой путь они проделали осенью сорок второго года: Одесса — Мариуполь — Таганрог — Ростов — Куйбышев — Сергиевск — Барнаул (через Алма-Ату и Семипалатинск) — Бийск — Белокуриха. «Этот путь, — объясняет Паустовский в романе, — был вдвое длиннее, но он проходит по южным и теплым местам. В Сибири же, как говорим, уже стояла настоящая зима. Лобачев боялся за Марию».

Дальний путь Лобачева и Марии близили к завершению. «Однажды утром Лобачев отдернул оконную занавеску, — сосновые леса громоздились по кручам. Поезд несся по насыпи среди лесов... В Барнауле Лобачев узнал, что пионерский лагерь отправлен на маленький курорт Белокуриху и будет там зимовать...».

Белокуриха давно уже не «маленький курорт», но можно увидеть и сегодня окрестности Шестой дачи такими, какими их видел и изобразил в романе «Дым отечества» К. Паустовский. Есть и «ущелье, заросшее березовым лесом», и «дорога, вырубленная в скалах», и, конечно, речка Белокуриха, названная в романе Безымянкой, коричнево-серая в ненастье и серебристо-голубая в солнечный день. Так же, как и в те далекие годы, шумят в Белокурихе сосны, так же не замерзает из-за быстрого течения речка, прокапывая пещеры в снегу, и те же горы идут навстречу, когда едешь по Смоленскому тракту из Бийска в Белокуриху. Разве что теперь значительно реже, чем тогда, выбегают на лесную дорогу бурундуки... Паустовский их видел и запомнил. Вообще К. Паустовский со свойственной ему тонкой и точной наблюдательностью запечатлел многие особенности природы Алтая. Верно, например, понял он капризный характер Катуня и рассказал о трудностях паромной переправы через эту своенравную реку, и еще рассказал о пенящихся, ревуших водопадах, о бесшумном падении снега, о мохнатых ветвях елей, умеющих неуловимым взмахом сбросить слишком тяжелый снежный груз, о шорохе снегов, сползающих по весне с обрыва...

Лобачев покидал Белокуриху ранней весной, когда «над горной дорогой, как всегда по ночам, светила одна и та же звезда. В зарослях журчала вода; но очень сонно, почти затихая, — к рассвету холодало, и весна всегда замедляла свои шаги...».

Сын Паустовского Вадим в своих воспоминаниях об отце замечает: «Наряду с людьми, природа является полноправным, а часто и главным героем его произведений. И вот насколько иной раз сильна «трансформация образов людей, настолько точно изображено все, что касается природы».

Кроме тех мест, где мы жили вместе, в дальнейшем мне удалось побывать в Карелии, на Кольском полуострове, на Поляр-

К. Т. Паустовский с молодыми писателями.

ном Урале, на Алтае... Сравнивая свои впечатления от этих мест с их описаниями в книгах отца, я не находил «разночтения»¹.

Но, конечно, не только природа Алтая интересовала Паустовского. Рассказав в ряде своих повестей и очерков о людях очень знаменитых, он больше всего написал все-таки о людях «рядовых», и именно эти его герои — моряки, актёры, поэты, рыбаки, бедные музыканты, паромщики, деревенские дети — делают особенно убедительной тему красоты, добра и правды в произведениях Паустовского.

На Алтае Паустовский также встречал простых людей с непростыми, чаще всего трудными судьбами. По свидетельству старожилор Белокурихи имеет реального прототипа образ сторожа Крынкина из романа «Дым отечества». Крынкин, сообщает Паустовский, «жил в избе около плотины совсем один». Изба у плотины действительно была в военные годы. Сейчас ее нет, но сохранились остатки плотины. Возле них любят отдыхать белокурихинцы...

Крынкин, по описанию Паустовского, «человек в матросском бушлате, без правой руки... бывший краснофлотец береговой службы... (Руку он потерял в бою под Ораниенбаумом, лежал в госпитале в Бийске, а сейчас устроился сторожем на плотине, километрах в трех выше Шестой да-чи...)».

¹ Паустовский Вадим. Прививка к географии. — В кн.: Воспоминания о Константине Паустовском, с. 446.

Эта человеческая судьба так заинтересовала Паустовского, что он говорит о ней еще раз — в рассказе «Правая рука».

Встречи на Алтае, в Казахстане, в Средней Азии дали также материал для рассказов Паустовского «Спор в вагоне», «Приказ по военной школе» и других.

Паустовский вспоминал Алтай добрым словом. «Я мечтаю о Барнауле еще и потому, что очень стосковался по России», — писал он из Алма-Аты Таирову. В другом письме Таирову читаем: «Мы часто вспоминаем Барнаул и Белокуриху с очень нежным чувством. Легко, приятно и как-то по художественному точно (если можно употребить это слово) было работать с Вами. Белокуриха вспоминается как маленький антракт среди угрюмого тумана»².

В 1960 году незадолго до своего семидесятилетия в предисловии к американскому изданию своих сочинений Константин Георгиевич написал: «Если бы это зависело от меня, то я жил бы еще долго, чтобы объехать всю землю и написать все то, что я задумал».

Все произведения Паустовского, вместе взятые, есть одна Книга о мире и людях, в которую естественно и закономерно вписаны «алтайские страницы».

Василий НЕЧУНАЕВ

КОТ-«КОСМОНАВТ»

Как у нас, у нас в селе
Плавал катер по земле,
Трактора пахали реку,
Завезли тазы в аптеку,
На снегу траву косили,
А недавно кот Василий
«Космонавтом» стал у нас.

Про кота особый сказ.

Нет, не выдумка, не сказка.
Случай был. Забрался Васька
В поллитровку-банку,
Подобрал сметанку
Всю до доньшка, до дна.
Поднял нос — и вот те на! —
Банка не снимается,
Тоже поднимается.

И, мотая головой,
Бедный Васька сам не свой
Замяукал, завизжал,
Вон из дома побежал.

Выскочил на улицу —
Налетел на курицу.

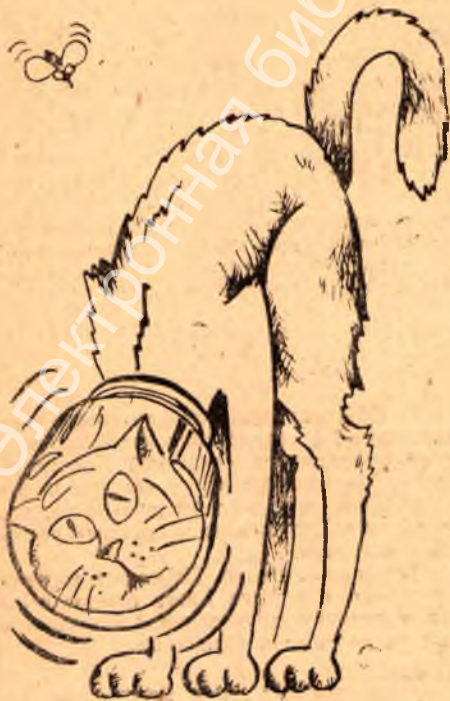
«Куд-кудак-кудак-кудак!
Ты слепой или дурак!!»
А собаки от кота
Разбежались кто куда.

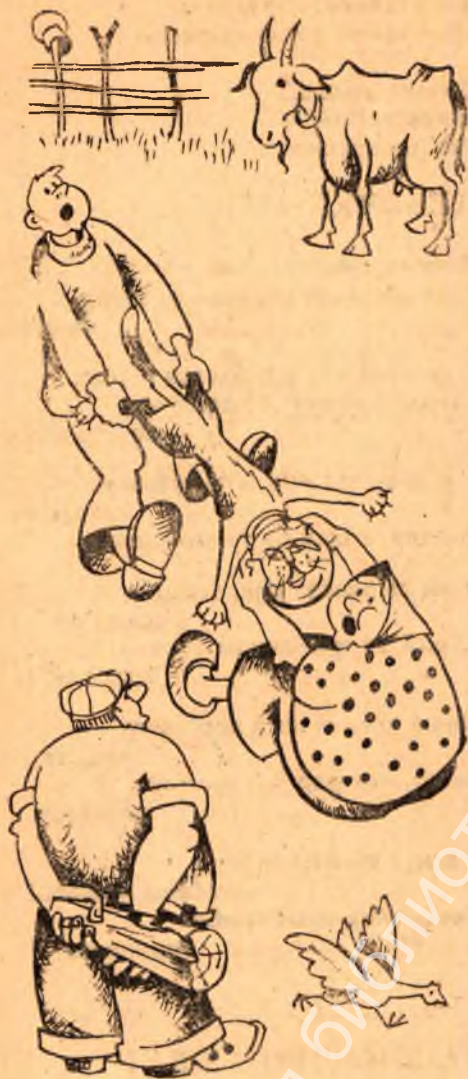
А бодливая коза
Удивленные глаза
На Васютку пучила:
«Это что за чучело!!»

Окружил кота народ:
«Кот в скафандре! Ну и кот!
В космонавты кот подался!» —
Хохот-грохот вдруг раздался.

Все вокруг, как над шутком,
Засмеялись над котом.

Хохотала ребятня.

А петух упал с плетня:
«Хо-хо-хо! Ха-ха-ха!» —
Смех замучил петуха.

Громко гуси гоготали,
Гоготали-хохотали.

Воробьи чирикали —
Над котом хихикали.

От стыда-стыдобы Васька
Знать не знал куда деваться.
За-кру-тил

хвос-том.

За-хо-дил

вин-том.

Людам не на шутку
Стало жаль Васютку.

И тогда кота поймали.
Всем селом скафандр снимали.
Так и сжг его вертели.
Применить спецкран хотели,
Чтоб закончить маяту...

Злополучному коту
Вырваться из плена
Помогло полено.

Бум! — И вспыхнул ясный свет.
Васька есть, а банки нет.

Вот тебе наука,
Дорогой мяука!

Пусть хоть сливки рядом льются,
Знай свое кошачье блюдце.

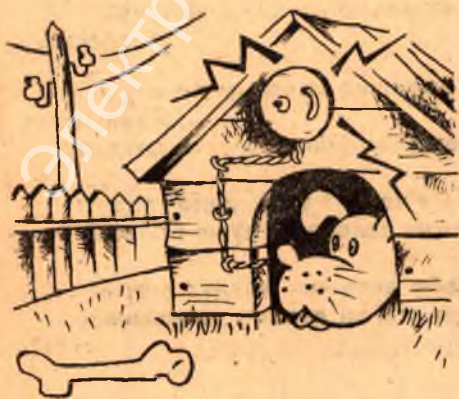
Знай: коль будешь воровать,
То беды не миновать.

ЩЕНОК

Электрический звонок
В конуру провел щенок
И звонит — не лает.

Спокойнехонько лежит,
Дом хозяйский сторожит,
Кнопку нажимает.

Затрезвонит на весь двор —
Подойди попробуй, вор!

...Жил щенок, гордился:
«Вот какой я умный пес!»

Умный, умный!
А подрос —
Лаять разучился.

ДЕВОЧКА МАША

Девочка Маша по лесу идет,
Гриб за грибочком в корзинку
кладет.

Утренний лес улыбается Маше.
Птицы щебечут. И волк ей
не страшен.

Маша вчера «мульти-пульти»
глядела,
Видела, волк от зайца влетело.

Заяц смеялся: «Ну, волк,
погоди!»
...Гриб за грибочком стоят
впереди.

Маша кладет их в корзинку,
кладет,
Знает, что радость домой
принесет.

Скажут ей ласково:
«Маша пришла!
Вот молодчина! Грибов
принесла!»

СОЛНЫШКИН СВЕТ

Зябко на улице. Пасмурный вид.
Витя задумчиво в небо глядит.

— Солнышко, солнышко, где же
ты есть!!
Солнышко глядь из-за тучи:
«Я здесь!»

Солнышко красным лучом
шеvelyнуло:
Ветер поднялся, и тучи раздуло.

Витя вокруг удивленно глядит:
Ветка зеленая в луже блестит,

Небо веселое, воздух согрет...
Вот что он делает, солнышкин
свет!

СОДЕРЖАНИЕ АЛЬМАНАХА «АЛТАЙ»

ЗА 1982 ГОД

ПРОЗА

- ГАРУСТОВИЧ Н., ШЕСТАКОВА Т. Тавро. Иронический детектив № 3
ЕРШОВ Леонид. Аналитик Колосков. Сердца зов. Рассказы. № 2
ЗОЛОТУХИН Валерий. Как скажу, так и было... «Поздно, Рита, ты полюбила вора!» Рассказы. № 3
КАИНЧИН Дибаш. С того берега. Повесть. № 2
КУДЫК Феликс. Алешкин родник. Рассказ. № 3
СВИНЦОВ Владимир. Ушел человек на войну. Рассказ. № 2
СЛИПЕНЧУК Виктор. Преодоление. Хроника одной бригады. № 2
УКАЧИН Борис. Убить бы мне голод. Повесть. № 4

ПОЭЗИЯ

- БАШУНОВ Владимир. Крыльцо. Стихи. № 1
БЕКК Александр. Твой свет. Стихи. № 2
БОЛЬГЕР Фридрих. И песнь души. Стихи. № 2. Пятнадцать сестер. Венск сонетов. № 4
ВОЛОДИН Геннадий. Дежнев в Москве. Поэма. № 2
ГЕРДТ Вольдемар. Я все сильнее люблю... Стихи. № 2
ДОЖДИКОВ Александр. «...Человеком остаться!» Стихи. № 3
КАЦЕНШТЕЙН Эвальд. Родной огонек. Стихи. № 2
КОРЧУГАНОВ Анатолий. В дороге. Стихи. № 3
КРАМЕР Андреас. Дни. Стихи. № 2
МОРДОВИН Иван. Лица простых людей. Стихи. № 3
ОСИНКИН Геннадий. Высокая печаль. Стихи. № 1
ПАНТЮХОВ Игорь. Хлеб и соль. Стихи. № 4
СТИХИ МОЛОДЫХ ПОЭТОВ ЗАРИНСКА. № 3
СУХОВЕЕВ Валерий. Боль памяти. Стихи. № 3
ЧЕРКАСОВ Николай. У судьбы дорога не одна. Стихи. № 1
ШЕВЧЕНКО Виталий. «Я с жизнью, словно с песнею в ладу». Стихи. № 4
ШПААР Вольдемар. «Какая в душу льется благодать». Стихи. № 2

ПУБЛИЦИСТИКА, ОЧЕРК

- АКСЕНОВ Н. Ф. Истоки великого братства. № 4
ДВОРЦОВ Николай. Ее счастье. № 2
МОРОЗОВ Вячеслав. Горы. № 1
РОДИОНОВ Александр. Кольвань камневежная. № 4
САБЛИН И. Союз нерушимый. № 4
САПСВ Виктор. За три моря. № 2
СТАЛЕВА Тамара. Знаменщик. № 1
ТРУЕВЦЕВА О. О чем рассказали телеграммы. № 4
ШВЕЦОВА Елена. У истоков Октября. № 1

КРИТИКА, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- БЕРЕЗЮК Иван. Звезды родной стороны. К 60-летию со дня рождения Л. И. Квицына. № 1
ГОРН Виктор. Манекены и заведомые истины. О романе Е.Е. Евтушенко «Ягодные места». № 2
ГРИШАЕВ Василий. С Сибирью рожденный. К 100-летию со дня рождения Г. Гребенщикова. № 4
ДУБРОВСКАЯ Виктория. Продолжение следует. № 1
ЗАБЕЛИН Павел. Стихи: рождаются или делаются? № 3
МУРАВИНСКАЯ Лидия. Василий Шукшин. Хроника жизни и творчества. № 3
МУРАВИНСКАЯ Л., АЩЕУЛОВ В. Константин Паустовский на Алтае. № 4

ИСКУССТВО

- ЭДОКОВ Владимир. Цветут на Алтае «Огоньки». № 2

САТИРА И ЮМОР

- КАЦЕНШТЕЙН Эвальд. Басни. № 1
КРЮЧКОВ Валерий. У нас в тайге. Приключения академика. Мельхиоровы атоллы. Пародии. I № 1

ДЛЯ ДЕТЕЙ

- НЕЧУНАЕВ Василий. Воробышкина книжка. Стихи. № 3. С Стихи. № 4
НОВИЧИХИНА Валентина. Колосок. Стихи. № 1
ТИМОФЕЕВА Валентина. Грустная прогулка. Стихи. № 1

50 коп.

Электронная библиотека АКУНБ, elib.altlib.ru

На первой странице обложки:

А. ПОЗНЯКОВ. «Зимний мотив»